

ISSN 2500-4190

ПАРАДИГМЫ ИСТОРИИ
И
ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Выпуск 31 * 2025

Парадигмы истории и общественного развития

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Основан в 2016 году

Выходит 2 раза в год

Под общей редакцией Е. Н. Максимовой

УДК [1+93/94+32](06) ББК
60+87я437
П18

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Севастопольский государственный университет»;
299053, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33

Главный редактор

Е.Н. Максимова, д. полит. наук, доцент, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия.

Ответственный секретарь

А.Ю. Кентнер, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия.

Редакция:

Л.Н. Гарас (ответственный редактор), канд. филос. наук, доцент, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия; Е.А. Бармина, канд. филол. наук, доцент, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия; Е.Е. Бойцова, канд. ист. наук, доцент, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия; П.В. Кузенков, канд. ист. наук, доцент, Астраханский государственный технический университет. Севастополь, Россия; В.В. Лебединский, канд. ист. наук, Институт Востоковедения РАН. Москва, Россия; А.В. Миронов, д. филос. наук, доцент, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия; Е.В. Скребец, д. полит. наук, доцент, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия; Е.Е. Рябцева, д. полит. наук, профессор, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия; О.В. Ярмач, канд. соц. наук, доцент, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия.

Редакционный совет:

В.К. Белозеров, д. полит. наук, профессор, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия. А.А. Вартумян, д. полит. наук, профессор, Северокавказский федеральный университет. Пятигорск, Россия; С.И. Грачев, д. полит. н., профессор, Нижегородский государственный университет им. Н. Лобачевского. Нижний Новгород, Россия; А.Ф. Григорьев, д. культурологии, профессор, Ставропольский государственный педагогический институт. Ставрополь, Россия; П.Л. Карабушенко, д. филос. наук, профессор, Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия; Б.Г. Койбаев, д.полит.н., профессор, Северо-Осетинский государственный университет. Владикавказ, Россия; Г.В. Косов, д.полит. наук, профессор, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия; И.В. Крючков, д. ист. наук, профессор, Северо-Кавказский федеральный университет. Ставрополь, Россия; В.Д. Нечаев, д. полит. наук, доцент, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия; Р.Г. Резаков, д. пед. наук, профессор, Московский городской педагогический университет. Москва, Россия; Р.Х. Усманов, д. полит. наук, профессор, Астраханский государственной университет. Москва, Россия; А.А. Ширинянц, д. полит. наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

П18 Парадигмы истории и общественного развития : сборник научных трудов / Севастопольский государственный университет ; под общ. ред. Е. Н. Максимовой ; гл. ред. Е. Н. Максимова ; отв. секретарь А. Ю. Кентнер. — 2016 (вып. 1) — . — Севастополь, 2025. — 98 с. : ил. — Вып. 31. — ISSN 2500-4190.

Рецензируемый сборник научных трудов, ориентирован на публикацию философских размышлений, результатов исследований по историческим и политическим наукам. Предполагается обмен идеями между теоретиками и обществоведами-практиками. Обсуждаются актуальные проблемы социально-политического бытия.

Настоящее научное издание адресовано научным сотрудникам, преподавателям, аспирантам и студентам социально-гуманитарных направлений обучения, а также специалистам, интересующимся обществоведческой проблематикой. Сборник выходит 4 раза в год. Издается с января 2016 г. Сборник зарегистрирован в Национальном агентстве ISSN (ISSN: 2500-4190), Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство ПИ № ФС77-64133 от 25 декабря 2015 г.), индексируется в библиографической базе данных научных публикаций российских учёных РИНЦ.

СОДЕРЖАНИЕ

Политические институты, процессы и технологии

Банищикова С. Л.	
Формирование политической культуры молодежи России	5
Гарас Л. Н., Максимова Е. Н.	
Вынужденные мигранты как вызов безопасности: кейс Ливана	10
Гарас Л. Н.	
Специфика миграционной политики в монархиях Персидского залива (на примере Саудовской Аравии)	17
Стаценко О. С.	
Государственно-правовая система Ирана	23

Международные отношения, глобальные и региональные исследования

Кентнер А. Ю.	
Интересы внерегиональных акторов в Магрибе на современном этапе	27
Цыганов А. С.	
Трансформация национальных интересов РФ: анализ документов стратегического планирования в сфере национальной морской политики с учетом геополитической ситуации в Черноморском регионе	31
Рябцев А. Л.	
Геополитические основы внешней политики России в XXI веке	36

Философия религии и религиоведение

Бояркин А. И.	
Симфония духовности и власти в истории России	41
Суворова С. Г.	
Компаративный анализ учений о любви и молитве в исихазме и суфизме	46

Социальная и политическая философия

Миронов А. В.	
Моральное обоснование сопротивления злу силой в философии И. А. Ильина	53
Ткаченко Р. В.	
Мотивы критики постиндустриального общества в современной социальной философии	60
Чугунов С. В.	
Проблема природы и сущности власти в отечественной философии	65

Отечественная история

Козлов М. Н., Бойцова Е. Е.	
Тризна в системе древнерусских языческих погребальных традиций	69

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Осиповский С. Н., Митус А. А., Голдаева Е. В.	
Провиантское снабжение русской армии в 1807 году по документам Василия Степановича Попова	74
Лобков А. Е., Колесникова В. А.	
О первом историческом обзоре раннего периода существования немецкой колонии Кроненталь в Крыму	83
Лобков А. Е., Покрышук С. А.	
Основные источники для изучения истории первого периода существования немецкоязычной колонии Цюрихталь	88

Институт общественных наук и международных отношений

Татарков Д. Б., Большакова М. Г.	
О развитии Института общественных наук и международных отношений: образовательная и инновационная деятельность	93

CONTENTS

Political Institutions, Processes and Technologies

<i>Banshchikova S. L.</i> Cultivating Political Culture of Russia's Youth	5
<i>Garas L. N., Maksimova E. N.</i> Forced Migrants as a Security Challenge: the Case of Lebanon	10
<i>Garas L. N.</i> Specificity of Migration Policy in the Monarchies of the Persian Gulf (Case of Saudi Arabia).....	17
<i>Statsenko O. S.</i> Iran's State-legal System	23

International Relations, Global and Regional Studies

<i>Kentner A. Y.</i> The Interests of Non-Regional Actors in the Maghreb	27
<i>Tsyganov A. S.</i> Transformation of National Interests of the Russian Federation: Analysis of Strategic Planning Documents in the Fields of National Maritime Policy Based on the Geopolitical Situation in the Black Sea Region	31
<i>Ryabtsev A. L.</i> Geopolitical Foundations of Russia's Foreign Policy in the 21st century	36

Philosophy of Religion and Religious Studies

<i>Boyarkin A. I.</i> The Symphony of Spirituality and Power in the History of Russia	41
<i>Suvorova S. G.</i> Comparative Analysis of the Teachings on Love and Prayer in Hesychasm and Sufism	46

Social and Political Philosophy

<i>Mironov A. V.</i> Moral Justification of Resistance to Evil by Force in the Philosophy of I. A. Ilyin	53
<i>Tkachenko R. V.</i> Criticism of Post-Industrial Society in Modern Social Philosophy	60
<i>Chugunov S. V.</i> On the Nature and Essence of Power in Russian Philosophy.	65

National History

<i>Kozlov M. N., Boitsova E. E.</i> Trizna in the System of Ancient Russian Pagan Funeral Traditions	69
---	----

Historiography, Source Studies, Methods of Historical Research

<i>Osipovsky S. N., Mitus A. A., Goldaeva E. V..</i> Provisioning of the Russian Army in 1807 According to the Documents of V. S. Popov.	74
<i>Lobkov A. E., Kolesnikova V. A.</i> On the First Historical Review of the Early Period of the German Colony of Kronental in Crimea	83
<i>Lobkov A. E., Pokryshchuk S.</i> Main Historical Sources on the First Period of German-Speaking Colony of Zürichtal	88

The Institute of Social Sciences and International Relations

<i>Tatarkov, D. B., Bolshakova, M. G.</i> Development of the Institute of Social Sciences and International Relations: Educational and Innovation Functions	93
--	----

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

УДК 323.21/.23-053.81

В статье поднимается вопрос об актуальности формирования политической культуры молодого поколения с учетом требований современного российского общества и существующих сегодня угроз. Автором акцентировано внимание на формировании политической культуры в образовательных организациях, а также на влиянии современных музейных экспозиций на формирование ценностных установок российской молодежи.

Ключевые слова: молодежь, политическая культура, ценностные установки, поведение, общество, факторы, образовательная организация.

С. Л. Банщикова, доцент, канд. юрид. наук
Севастопольский государственный университет
E-mail: sveta-lb@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ РОССИИ

Современная общественно-политическая жизнь нашего общества характеризуется различными явлениями и тенденциями, среди которых можно выделить нестабильный интерес к институционализированным формам активности граждан России. Особенно ярко этот феномен проявляется у людей, относящихся к молодежи согласно ст. 2 Федерального закона «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30.12.2020 № 489-ФЗ [13]. Нормой данного документа указанная категория граждан России определена как социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно (исключения, как отмечает законодатель, могут быть определены в федеральных законах и подзаконных нормативных актах, а также нормативных документах субъектов РФ). Данная категория населения характеризуется тем, что в ее среде все большее значение приобретает и вызывает повышенный интерес on-line деятельность в политической сфере, а также – отсутствием авторитетов, вызванным большим потоком недостоверной информации.

Важно понимать, что рассматриваемая возрастная группа граждан нашей страны характеризуется высоким уровнем общественной активности, мобильностью, желанием познавать новое, отзывчивостью к различным инновациям и инициативам, но вместе с тем, эта социальная общность и наиболее уязвима ввиду отсутствия достаточного жизненного опыта ее членов, огромного потока (порой противоречащих друг другу) сведений о политических (культурных, иных) событиях и явлениях. По мнению А. С. Гусева, у большей части граждан нашей страны, относящихся к молодежи, слабо выражена политическая идентичность (отождествление отдельной личности с конкретной социальной группой), по сравнению с гражданами старших возрастных групп [4, с. 124-125].

Следует учитывать, что уровень политической культуры молодого поколения, степень политической социализации людей данной возрастной группы являются отражением состояния гражданского общества, степени легитимности действующей власти, качества демократических процессов в обществе. Представители рассматриваемой возрастной группы не зависят от идеологических шаблонов советского общества и открыты новому, в том числе и в политической сфере. Поэтому важно понимать какие факторы и как влияют на формирование их политической культуры, поскольку нынешнее молодое поколение – это завтрашние действующие политики, представители органов публичной власти, руководители, от которых зависит направление общественного развития в нашей стране, дальнейшие процессы демократизации и становления активного гражданского общества.

Политическая культура как научная категория и общественное явление исследовалась и исследуется на протяжении многих лет, начиная с трудов Г. Алмонда в середине прошлого столетия и заканчивая современными работами многих авторов, например, С. И. Рудакова и К. Н. Филиппева [10, с. 25-26], С. В. Шиндель, Е. А. Семухиной, др. [11, с. 89-113], А. М. Виганд [2, с. 16-18], др.

Анализируя формирование политической культуры российской молодежи, элементы, составляющие политическую культуру, факторы, влияющие на ее формирование, современные авторы выделяют различные проблемы и значимые аспекты данного вопроса. Как верно отмечает А. П. Воробьев, исследование российскими учеными политической культуры и молодежи как особой социально-демографической группы отличается разнообразием подходов и широтой анализа общих и частных проблем поведения указанной группы [3, с.163]. Например, У. А. Иванова утверждает, что активность молодежи в политической сфере сегодня «крайне мала» в силу того, что политическая культура не сформирована; также автором отмечается низкий уровень интереса к политической жизни государства, гражданами которого являются молодые люди [5]. Как один из стабилизирующих факторов общественного развития рассматривают политическую культуру И. А. Кох, Т. С. Бирюкова и др. [6, с. 18]. Отдельные авторы понимают политическую культуру, в целом, и политическую культуру молодежи – в частности, как составной элемент общественной деятельности [12, с. 93-97].

Формирование политической культуры молодежи в современном мире происходит под влиянием действительности, где в последнее время распространены политические и социокультурные противоречия, в том числе политические конфликты. Формирование ценностных установок, моделей правомерного поведения и других необходимых качеств личности в соответствии с запросами правового государства, гуманистического общества, основанного на демократических ценностях, осложняется противоречивостью нормативно-ценностной системы современного социума, обесцениванием духовности, коррупцией в органах власти, вооруженными конфликтами между государствами, межнациональными конфликтами, в том числе и в нашей стране. Полагаем, что политическая культура молодежи сегодня формируется под влиянием разных факторов, среди которых присутствуют и идеологические нормы, и социокультурные правила, и ценностные установки, сформированные историческим развитием общества, в том числе развитием общества конкретной локальной единицы государства.

Кроме того, процесс формирования политической культуры проходит под влиянием экономических и социальных проблем, существующих в стране, ростом социальной и межнациональной напряженности, увеличения количества преступлений, связанных с мошенничеством, распространения идеологии экстремизма. Не следует принижать значение виртуальных субъектов медиапространства, распространяющих в телекоммуникационной сети «Интернет» информацию о политических процессах. Нельзя не согласиться с Я. А. Аслановым, отмечающим, что субъекты медиапространства, транслирующие политическую информацию на молодежную аудиторию и распространяющие ее, в том числе и в социальных сетях, представляют значительный объем информации недостоверной, искаженной намеренно [1, с. 25-26].

Большое влияние на формирование политических взглядов и установок, шаблонов поведения молодого человека оказывает чувство полезности, значимости для общества и государства, которое в свою очередь вызвано грамотной государственной политикой в области образования, досуговой занятости, жилищной сферы, трудоустройства выпускников образовательных организаций и молодежи вообще. Одним из негативных факторов, влияющих на формирование политической культуры молодежи, является резкая и болезненная для общества смена ценностных установок нашего общества на рубеже прошлого и нынешнего веков.

По мнению современных исследователей [6, с. 32] на формирование политической культуры молодежи оказывают влияние, кроме медиаресурсов, также семья и образовательная среда организации, где учится тот или иной гражданин.

Действительно, в образовательной организации молодой человек (школьник, студент) проводит достаточно много времени. В современных образовательных организациях (как ВУЗах, так и организациях среднего профессионального и общего образования) большое внимание сегодня уделяется воспитательной работе с молодежью. Данное направление определено как важное и требующее внимания государства в различных нормативных правовых документах, например, Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г. [8] закрепляет важную задачу воспитания – развитие высоконравственной личности на основе получения воспитанниками актуальных знаний и умений, приобщения к российским традиционным духовным ценностям. Примером воспитательной деятельности образовательных организаций является клубная работа, к которой привлекаются студенты в свободное от учебной деятельности время. В качестве наглядного примера можно рассмотреть работу патриотического клуба СевГУ «Я горжусь», который входит в ассоциацию студенческих патриотических клубов России, созданной в рамках федерального проекта, посвященного патриотическому воспитанию. В ассоциации сегодня около 450 клубов, где заняты больше сорока тысяч студентов. Мероприятия, в которых участвует студенческая молодежь, носят

историческую направленность, имеют военно-патриотическое, волонтерское и иные направления. Клубная работа развивает у молодежи чувство уверенности в своих силах, рождает чувство нужности конкретным людям и обществу в целом, развивает такие качества как самостоятельность, ответственность, критическое мышление, умение работать в команде [9].

Образовательная деятельность сама по себе является прекрасной почвой для формирования политической культуры молодого поколения. Достаточно проанализировать учебные планы различных направлений подготовки и специальностей, чтобы увидеть тому подтверждение. Дисциплина, введенная не так давно в образовательные программы – Основы российской государственности, позволяет обучающимся получить основы знаний по политологии, философии, культурологии и других сфер науки, познакомиться с государственным устройством России, ценностями российской цивилизации, составить свое представление о тех процессах, которые сейчас протекают на мировой арене, сформировать умение отделять ложную информацию от достоверной.

Безусловно, обучающиеся по направлению подготовки «Политология» имеют возможности для формирования патриотических взглядов, установок, а также для формирования модели законопослушного, высоконравственного поведения, то есть все возможности для формирования политической культуры. Это позволяют сделать такие учебные дисциплины как «Теория политической культуры», «Политическая география», иные.

За рамками аудиторных занятий воспитательная работа студентов может быть представлена в различных формах, среди которых, участие в патриотических и иных конкурсах (например, студенты СевГУ принимают участие во всероссийском конкурсе «Родина», организованном СМИ «Центр организации и проведения дистанционных мероприятий "Педагогическое знание"»). Несомненно, что подготовка материалов о Великой Отечественной войне (одна из номинаций конкурса) имеет важное значение для формирования политической культуры, особенно в сегодняшней ситуации «переписывания истории», принижения значения советских воинов в освобождении мира от фашизма и таких высказываний, какие допускают отдельные политические лидеры иностранных государств о роли СССР во второй мировой войне [7].

Особую роль в формирование политической культуры имеют исторические и культурные объекты нашей страны, позволяющие сохранять традиции и приобщать граждан России, в том числе молодое поколение, к указанным традициям, формировать трепетное отношение к своим предкам, к своей Родине, в том числе через интерес к различного рода событиям и историческим фактам. Форма представления таких материалов несомненно должна соответствовать сегодняшним реалиям. Ярким примером в данном случае являются современные мультимедийные экспозиции музея Крыма и Новороссии в музейном комплексе Новый Херсонес. Исторические сведения представлены в яркой, нетрадиционной форме, что привлекает внимание посетителей, делает информацию запоминающейся, порождает интерес к дальнейшему изучению того или иного вопроса. Экспозиции, посвященные Великой Отечественной войне, Крымской войне, революционному периоду нашей страны, достижениям в области промышленности и сельского хозяйства в разные периоды не могут оставить равнодушным никого. Кроме знаний, приобретенных посетителями музея, такая информация заставляет задуматься о глобальных достижениях в стране, в которой живут молодые люди и сравнить с информацией, представленной в иных источниках, проанализировать ее, сделать выводы.

Часто современные молодые люди негативно высказываются по поводу условий жизни, материальном благосостоянии граждан, деятельности государственных властных органов в Советском Союзе, имея поверхностное представление об этих вопросах, иногда составленное на основе заявлений блогеров (не имеющих должного образования и уровня подготовки для рассуждения на подобные темы).

Следует отметить, что в российском обществе сегодня наблюдается тенденция к формированию предвзятого отношения молодёжи к СССР, одной из причин которой является, на наш взгляд, недостоверная информация. Так, например, некоторые молодые люди склонны принимать информацию о Советском Союзе без критического анализа её достоверности, не проверяя факты, что несомненно приводит к формированию негативного отношения к стране. Влияние западной пропаганды – еще один фактор, формирующий негативное отношение (часто молодёжь получает информацию о Советском Союзе из западных источников, которые представляют нашу страну в негативном свете, преследуя свои политические интересы). Отсутствие интереса к истории также является причиной отсутствия достоверной информации; в этом случае граждане могут полагаться на информацию, полученную из средств массовой информации или от других людей, которые, в свою очередь, искажают факты.

Негативное отношение к политическим процессам в стране, гражданами которой являются молодые люди, это, на наш взгляд, еще и результат либеральной пропаганды, имеющей целью очернить историю России, принизить подвиги героев в различные исторические периоды, свести к минимуму достижения экономики и т. д. При этом очевидно, что в любой исторический период в любом государстве можно выделить и позитивные, и негативные тенденции и результаты социальных и политических процессов. Интересной в этой связи, представляющей новую для молодого поколения информацию, является экспозиция музея Крыма и Новороссии, посвященная развитию указанных территории в советский период, включая подъем сельского хозяйства и промышленности. Также привлекающим внимание детей и молодежи является экспозиция – обучение игре на пионерских барабанах. Это как раз те интересные моменты советского периода, о которых современная молодежь знает недостаточно. Прекрасную возможность найти информацию о своем прадеде или другом родственнике – герое ВОВ предоставляет один из залов музея, где представлена информация о данном периоде. У всех людей, в том числе у молодых граждан не может не возникать чувство гордости за своих предков, свою семью в связи с причастностью к освобождению мира от фашистского гнета в период второй мировой войны.

Особенно следует отметить экспозиции музеев, посвященные культуре советского периода нашей страны. По художественным фильмам, музыкальным произведениям, произведениям изобразительного искусства можно составить свое представление о том, какие отношения были у граждан СССР в коллективах, в семьях, об их отношении к государственной власти, политическим процессам и иным событиям, происходящим в стране в тот период. Экспозиции данного музея помогают формировать у молодых людей не только чувство гордости за своих предков, но и за свой народ, за свою страну, а также ответственность за будущее, в котором необходимо сохранить и преумножить достижения предыдущих поколений. Знания истории, сути политических процессов, происходящих в государстве, гражданином которого является человек, истинных причин происходящих событий, др. являются необходимыми, учитывая сегодняшнюю ситуацию распространения большого объема ложной информации, а также информации, зачастую противоречащей друг другу. Без таких основных знаний человеку, в том числе представителю рассматриваемой возрастной категории, очень легко внушить негативное отношение ко всему в своей стране и породить уверенность в том, что в иностранных государствах все намного лучше.

Это лишь несколько примеров значимости музейных экспозиций для воспитательного процесса и формирования политической культуры молодежи в России. В целом же следует отметить, что возможности музеев России являются эффективным инструментом, способствующим формированию политической культуры молодежи. Их можно рассматривать как средство получения знаний и опыта предыдущих поколений; они помогают гражданам лучше понять историю своей страны, политические процессы и события, которые привели к современному политическому ландшафту. Музейные экспозиции позволяют молодым людям увидеть исторические события и процессы через материальные объекты и артефакты, что в свою очередь, помогает создать более глубокое понимание прошлого и его влияния на настоящее. Также музейные экспозиции могут помочь молодым людям развить критическое мышление и аналитические навыки, могут побудить молодых людей задавать вопросы, размышлять о причинах и последствиях событий и формировать собственное мнение. Это способствует развитию активной гражданской позиции и способности критически оценивать информацию.

Музейные экспозиции предоставляют возможность молодежи увидеть разнообразие политических систем, идеологий и культур, что способствует осознанию многополярности мира, здоровому восприятию разных точек зрения, множества подходов к решению политических проблем. Такое отношение способствует толерантности и уважению к различным мнениям.

Полагаем, что музейные экспозиции играют важную роль в формировании политической культуры молодежи. Они предоставляют ценные знания, развивают критическое мышление, способствуют пониманию разнообразия политических систем и могут служить источником вдохновения, что делает их важным инструментом для формирования активной и осознанной гражданской позиции молодежи России.

Посещение музеев, знакомство с разными экспозициями может быть частью образовательного процесса, то есть осуществляться в рамках изучения конкретной учебной дисциплины, а также и частью воспитательной работы за рамками аудиторных занятий. Кроме того, музейные экспозиции могут служить источником вдохновения и мотивации для молодежи; примеры выдающихся личностей нашей страны, которые боролись за свои убеждения и достигали успеха, могут стимулировать молодых людей к действиям, стремлению к позитивным изменениям, саморазвитию.

Таким образом, исследование феномена политической культуры российской молодежи, составляющих элементов такой культуры, среди которых: ценностные установки, моральные нормы, шаблоны поведения, гражданская активность, а также факторов, влияющих на формирование политической культуры данной социальной группы, дает возможность объективно оценить современные взгляды молодежи на политическую ситуацию в стране и мире, ее настроения, и определить стратегическое направление развития молодежной политики в России. Среди различных факторов, влияющих на такое формирование, на наш взгляд, важную роль играют образовательный и воспитательный процессы в организациях высшего, профессионального и общего образования.

Список литературы

1. Асланов, Я. А. Политическая социализация молодежи как социокультурный феномен / Я. А. Асланов // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. – 2023. – Т. 16. – № 4. – С. 25-37.
2. Виганд, А. М. Ценности молодежи с различной направленностью политической активности / А. М. Виганд, А. А. Костригин // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. – 2021. – № 1. – С. 16–32.
3. Воробьев, А. П. Политическая культура молодежи: гражданственность в политическом сознании и поведении / А. П. Воробьев, М. В. Константинова, М. С. Еременко // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2021. – № 63. – С. 162-171.
4. Гусев, А. С. Формирование политической идентичности в современной России (на примере Санкт-Петербурга и Амурской области) : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / А. С. Гусев ; Санкт-Петербургский государственный университет. – СПб., 2014. – 326 с.
5. Иванова, У. А. Политическая культура современной молодежи в условиях санкций (первый опыт применения студентом метода сравнительного анализа) / У. А. Иванова // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений : электронный научный журнал. – 2023. – № 1. – URL: <https://gosreg.amchs.ru/polit-problem-gosreg/ivanova-u-a-politicheskaya-kultura-sovremennoy-molodezhi-v-usloviyakh-sanktsiy-pervyy-opyt-primeneni/> (дата обращения: 12.12.24).
6. Кох, И. А. Политическая культура студенческой молодежи / И. А. Кох, Т. С. Бирюкова, А. С. Скуткин // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2020. – Том 6, № 2 (22). – С. 18-36.
7. Слова Дональда Трампа о победе над фашизмом без упоминания Советского Союза разочаровали даже самих американцев // Первый канал : [сайт], 1996-2025. – URL: <https://yandex.ru/video/preview/12183824860093712978> (дата обращения: 22.01.25).
8. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г. : утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.05.2015 № 996-р. – URL: <http://static.government.ru/media/files/f5Z8H9tgUK5Y9qtJ0tEFnyHlBitwN4gB.pdf> (дата обращения: 13.01.25);
9. Патриотические клубы. – URL: [САФУ — Патриотический клуб «Я горжусь»](#) (дата обращения 27.12.24).
10. Рудаков, С. И. Политическая культура и гражданская идентичность как элементы политической системы общества / С. И. Рудаков, К. Н. Филиппев // Философия и общество. – 2020. – № 1 (94). — С. 25-36.
11. Шиндель, С. В. Политическая культура и дискурс в эпоху перемен : монография. Том. Часть 1 / С. В. Шиндель, Е. А. Семухина, Е. О. Зражевская. – Саратов : Саратовский областной институт развития образования, 2023. – 166 с.
12. Щегорцов, В. А. Политическая культура: модели и реальность : политико-социологические очерки / В. А. Щегорцов. – М. : ИНИОН АН СССР, Институт молодежи, 1990. – 171 с.
13. О молодежной политике в Российской Федерации : Федеральный закон от 30.12.2020 № 89-ФЗ. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/> (дата обращения: 20.12.24).

Статья поступила в редакцию 28.01.2025

Banshchikova, S.L. Cultivating Political Culture of Russia's Youth

The article deals with the importance of the cultivating young people's political culture taking into account the requirements of modern Russian society and the threats existing today. The author focuses on the cultivating political culture in educational institutions, as well as on the influence of modern museum exhibitions on the promoting value attitudes of Russia's youth.

Keywords: youth, political culture, values, behavior, society, factors, educational institution.

УДК 325(569.3)

В статье анализируется ситуация с вынужденной миграцией (сирийские беженцы) в Ливане. Отмечается, что политический истеблишмент страны стремился представить сирийских беженцев как угрозу безопасности с целью получения политических дивидендов. Подчеркивается, что ограниченный и неустойчивый правовой статус сирийских беженцев, а также «беспорядочное» управление способствуют маргинализации сирийцев и усилению напряженности в отношениях с беженцами, что является вызовом для безопасности.

Ключевые слова: экономический и политический кризис, угрозы, вынужденные мигранты, сирийские беженцы, миграционная политика, секьюритизация, безопасность, Ливан.

Л. Н. Гарас, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: garas_ln@mail.ru

Е. Н. Максимова, доцент, д-р полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: astarta_05@mail.ru

ВЫНУЖДЕННЫЕ МИГРАНТЫ КАК ВЫЗОВ БЕЗОПАСНОСТИ: КЕЙС ЛИВАНА

Миграция является одной из важных возможностей и одновременно существенным вызовом в XXI веке. Согласно данным «Доклада о мировой миграции за 2024 год» [3], в мире насчитывается около 281 млн международных мигрантов – 3,6 % мирового населения. Политическая и / или экономическая нестабильность, стихийные бедствия, конфликты, насилие и многое другое вынуждает большее количество людей перемещаться, как внутри страны своего происхождения, так и за ее пределы. По данным ежегодного доклада Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев за 2024 год, масштабы вынужденного переселения достигли рекордных показателей, а число вынужденных переселенцев выросло до 120 млн человек [5]. Особо опасным является факт роста данного показателя двенадцатый год подряд, что свидетельствует о наличии существенных проблем и необходимости поиска путей их решения.

Нестабильным субрегионом с повышенным градусом конфликтности продолжает оставаться Ближний Восток, что, несомненно, накладывает отпечаток на миграционную подвижность населения в регионе, актуализируя вопросы безопасности. Особой спецификой обладают процессы, происходящие в Ливанской республике, что делает наше исследование актуальным.

Проблематика вынужденной миграции находится в фокусе исследования как зарубежных, так и отечественных ученых, а именно: О. Н. Воробьевой, Ж. А. Зайончковской, Н. В. Русаковой, А. В. Селиванова, Дж. Триггса, А. И. Федорако и других. Отдельным сторонам социально-политических эффектов вынужденной миграции посвящены труды, принадлежащие Р. Арар, Р. Зеттеру, В. А. Лукову, М. В. Савве, Д. С. Фицджеральду и др.

На проблеме сирийских беженцев в Ливане и её эффектах фокусируют свое внимание Д. Али, К. С. Азимов, Н. Куриан, У. У. Макинерни, Е. С. Мелкумян, Х. Наухаль, О. А. Скопич, Е. М. Савичева, А. В. Сарабьев, М. Г. Тровато, Б. Хаджир и другие.

Вопросы миграции и безопасности исследуют в своих работах М. А. Бородин, Д. Биго, С. Геха, С. Н. Михеева и другие. Х. Алхелоу, М. Бек, Е. С. Васецова, Р. Сарайя, Н. М. Стел, К. Фейкон и другие анализируют тенденции секьюритизации сирийских беженцев в Ливане.

Цель статьи – определить особенности секьюритизации вынужденных мигрантов (сирийские беженцы) в контексте безопасности (на примере Ливана).

Особой составляющей миграционных процессов является вынужденная миграция, под которой российский исследователь М. Н. Маркелова понимает «перемещение населения из места постоянного проживания из-за опасений преследования, в результате или во избежание последствий вооруженного конфликта, нарушений прав человека, стихийных или антропогенных катастроф, как с пересечением границ государства, так и без такового». К наиболее «распространенным категориям вынужденных мигрантов относятся: беженцы, а также лица, ищущие убежище; лица, пользующиеся временной или дополнительной защитой, в частности, жертвы торговли людьми; лица, перемещенные внутри страны» [4, с. 4]. Отметим, что вынужденная миграция, выступая одним из негативных видов миграционных

потоков, нуждается в конкретных мерах государственной защиты и артикуляции четкой государственной политики.

В современном информационном пространстве нередко презентуется позиция, что глобальные миграционные потоки текут в одном направлении – в страны глобального «Севера», однако такая оптика не позволяет увидеть всей масштабности и сложности феномена современных миграций. Миграцией движим мир и охвачено большинство регионов, а миграционные потоки весьма разнообразны и зависят от множества факторов. Так, например, в зависимости от мотива перемещения, они включают добровольных и вынужденных мигрантов и т. п. Вынужденные мигранты нередко приносят в страны приема существенные проблемы, связанные с ростом различных негативных социальных явлений, осложнением внутривнутриполитической и экономической обстановки, ростом напряженности религиозного пространства и т. п. То есть объективно выступают стресс-фактором для политических систем стран-реципиентов, особенно, если учитывать, что существенная часть вынужденных мигрантов приходится не на страны с высоким уровнем развития, а, напротив, страны со средним и низким доходом. Данную особенность подтверждает заявление Верховного комиссара ООН по делам беженцев Ф. Гранди, который отметил, что 85 % беженцев находят приют именно в бедных странах, а 73 % – в соседних странах [2, с. 6]. Согласно данным Всемирного Банка, около 79 млн мигрантов и беженцев проживают в странах со средним и низким доходом, а в таких как Иордания, Джибути, Колумбия, Кот-д'Ивуар, Габон и Ливан, они представляют весьма немалую долю населения [10].

Наибольший резонанс и масштаб вынужденной миграции спровоцировал конфликт в Сирии (2011 год), которая прежде сама была страной-реципиентом палестинских, иракских, суданских и сомалийских беженцев. Сирия сегодня стала основным источником вынужденной миграции на Ближнем Востоке. Наибольшее количество вынужденных мигрантов – сирийских беженцев по отношению к количеству своего национального населения принял Ливан [5], что к началу 2015 года достигло рекордного уровня и составило практически четверть населения страны до притока беженцев. Например, в мухафазе Бекаа в 2014 году число сирийских беженцев было практически эквивалентно общему числу жителей в данном регионе до кризиса. Начиная с 2011 года (начало гражданской войны в Сирии), тысячи сирийцев в поисках убежища отправились в соседний Ливан, руководствуясь географической и языковой близостью, многолетними историческими семейными связями и торговыми отношениями [11].

Ливан с точки зрения размера территории, населения, военной и экономической мощи является небольшим ближневосточным государством и стремительное увеличение количества беженцев из Сирии, а также их долгосрочное пребывание в Ливане на фоне перманентной экономической нестабильности, дополненной специфической конфессиональной и социальной структурой стали вызовом безопасности общества и государства.

Ливан обладает своей уникальностью в Ближневосточном регионе. Так, весьма нетипичной для региона является форма государственного правления – парламентская республика, а многоконфессиональный состав общества в сочетании с межобщинными традициями взаимодействия, делают Ливан своеобразной «федерацией религиозных общин». До последней четверти XX века Ливан называли «Швейцарией Ближнего Востока», а столицу Бейрут – «Парижем Востока» в силу того, что экономика Ливана основывалась на динамичном банковском и финансовом секторе, торговле (шоколадная промышленность) и туризме. Однако, сегодня Ливан, переживая один из самых тяжелых кризисов за все время своего существования как независимого государства [16, р. 191], стал «Венесуэлой Ближнего Востока» [13, р. 2]. Кризисные явления, проникнув во многие сферы ливанского общества, сопровождаются негативными эффектами, демонстрируя неспособность государственных институтов и политических элит проводить назревшие в стране реформы. Сегодня население Ливана сталкивается со стремительно растущим уровнем бедности и нищеты, отсутствием продовольственной безопасности, вспышками заболеваний, что создает угрозу безопасности государства, вплоть до рисков его распада.

Ливанская экономика демонстрирует признаки глубокого кризиса, который лишь стремительно усугубился после объявления в марте 2020 года дефолта. Кризис 2019 года лишь усугубил серьезные экономические проблемы, связанные с обвалом национальной валюты, банковским кризисом и дефицитом валютных резервов, а также взрывом в порту Бейрута (4 августа 2020 год). Согласно данным Всемирного банка, финансовый дефицит Ливана превысил 72 млрд долларов, что в три раза превышает ВВП в 2021 году. Следует отметить, что в Ливане немалую роль играет неформальная (теневая) экономика, сектор которой достаточно объемён [6]. Так, в докладе Международного валютного фонда (МВФ) от 2023 года подчеркивается, что на фоне стремления к восстановлению

формальной экономики, наблюдается расширение теневой экономики Ливана, которая достаточно плотно переплетается с коррупцией и ошибками управленческого характера, что лишь усугубляет экономическую нестабильность и подрывает общественное благосостояние.

Несмотря на то, что в 2022 и 2023 годы инфляция значительно замедлилась, тем не менее, средний уровень инфляции в Ливане в 2023 году вырос на +29,26 % и составил 221,34 % [12]. Между тем, продолжающаяся эскалация политической и военной напряженности на Ближнем Востоке, в том числе между Ливаном и Израилем в 2024 году, будет способствовать росту инфляции, что несомненно скажется на покупательной способности и качестве жизни ливанцев. Инфляция потребительских цен в Ливане достигла в 2023 году значения 208,94 %. Согласно исследованиям, больше всего последствиями инфляции затронуты ряд групп ливанских граждан, а именно: пожилые люди, вдовы, лица с низким уровнем образования и низким уровнем доходов, безработные, пенсионеры и работники бюджетной сферы, а также домохозяйки. Отдельную категорию составляют сирийские и палестинские беженцы.

Финансовый и экономический кризис в стране усугубился политическими потрясениями, которые подпитывали общенациональные протесты. Так, правительственные меры по жесткой экономии не принесли успеха, а попытка ввести плату в размере 6 долларов США за использование мессенджера WhatsApp не увенчалась успехом (из-за протестов это мера была отменена). Согласно данным результатов опроса, проведенного осенью 2018 года американским исследовательским центром Пью (Pew Research Center) [17], более четырех из пяти взрослых ливанцев (84%) заявили об использовании WhatsApp, что является самым высоким показателем среди 11 стран с развивающейся экономикой, включенных в опрос. Данный мессенджер по частоте использования в Ливане опережал Facebook¹, Instagram² и другие платформы, а также пользовался особой популярностью в молодежной среде. Так, о пользовании платформой заявили 98% ливанцев в возрасте от 18 до 29 лет, 94% - от 30 до 49 лет, 60% - 50 лет и старше.

Протесты населения против запрета WhatsApp, подкреплялись лозунгами экономического и политического характера. И, несмотря на наличие значительных различий между религиозными, возрастными и социально-экономическими группами по многим ключевым вопросам, протесты стали свидетельством недовольства ливанского населения политическими и экономическими условиями в Ливане. По данным опроса Pew Research Center 2019 года, 76% ливанцев пессимистично смотрят на будущее политической системы своей страны; а 72% - не согласны с тем, что правительство работает на благо всех людей. Тем не менее, некоторые религиозные группы в Ливане имеют более негативное отношение к определенным вопросам, чем другие. Например, христиане несколько чаще, чем мусульмане, как сунниты, так и шииты, не верят в то, что правительство будет делать то, что правильно для их страны. А шииты, как правило, реже, чем сунниты и христиане, недовольны тем, как работает демократия. При этом христиане и шииты менее склонны к пессимизму в отношении будущего политической системы Ливана, чем сунниты. Относительно вопросов экономики: 84% ливанцев заявили, что экономическая ситуация в их стране плохая, а половина заявила, что экономическая ситуация очень плохая, а социальное неравенство будет лишь усугубляться. В данном контексте, сирийские беженцы спровоцировали дополнительное социально-экономическое давление на государственные институты и местные власти, обнажили остроту дисфункций политической системы Ливана [16, p. 196].

В 2019 году в Ливане проживало 1,5 млн. сирийцев, бежавших от конфликта (в том числе 918 874 человека, зарегистрированных в качестве беженцев в УВКБ ООН), а также 27 700 палестинских беженцев из Сирии [14]. Свыше половины беженцев составляют дети и подростки в возрасте до 18 лет, а по состоянию на 2018 года 81% зарегистрированных сирийских беженцев в Ливане были женщинами и детьми. Северный Ливан и Бекаа стали местом размещения свыше 62% зарегистрированных сирийских беженцев.

Разногласия внутри политического истеблишмента Ливана, в том числе по вопросу сирийского конфликта, отказ от создания стационарных лагерей беженцев и другое, оказало значительное влияние на жизнь сирийских беженцев в стране, особенно в силу распространения сирийского конфликта на Ливан в 2013 году. Так, в мае 2013 года военизированная ливанская шиитская организация и политическая партия «Хезболла» объявила об активном участии в защите «оси сопротивления» на

¹ Признана экстремистской и запрещена в РФ.

² Признана экстремистской и запрещена в РФ.

территории Сирии, что возложило на Ливан ответственность за перемещение сирийцев и их приток в страну.

Рост количества вынужденных мигрантов из Сирии приводит к усилению межконфессиональных противоречий в Ливане, периодически перерастающих в открытые столкновения, наблюдается активизация джихадистских группировок и совершаются террористические акты, происходит увеличение случаев контрабанды оружия, усиливается угроза проникновения исламистских экстремистов в страну и другое. Негативное изображение сирийских беженцев в СМИ, часто как членов групп боевиков, обычных преступников и/или обедневших беспомощных людей, лишь подогревает враждебные настроения по отношению к сирийским беженцам и усугубляет их преследование и эксплуатацию.

Конечно, беженцы вносят демографический дисбаланс и выступают вызовом экономике, благосостоянию, национальной безопасности и социальной структуре. Тем не менее, часть политиков в этом увидела «окно возможностей» для назначения «виновных» во всех бедах, тех на кого можно переложить ответственность за неэффективные решения и просчеты в политике. Поэтому и правительство, и СМИ начали постепенно секьюритизировать беженцев, представляя их в качестве экзистенциальной угрозы. Нестабильная ситуация в сфере безопасности Ливана, достигшая кульминации в битве за Арсаль (август 2014 года), лишь усилила процесс секьюритизации беженцев.

Отметим, что теория секьюритизации была предложена в рамках Копенгагенской школы исследований безопасности, авторами которой выступили Б. Бузан, О. Вэвер и Дж. де Вильде. Стержневой проблемой исследований выступает безопасность, имеющая множество референтных объектов и их взаимозависимости. В труде «Безопасность: новая система анализа» [9], переосмысливая концепт безопасности, исследователи наряду с государством включают в анализ безопасности негосударственных акторов, а также предлагают расширительную трактовку содержания понятия «международная безопасность», дополняя его военное измерение, экономической, политической безопасностью, безопасностью общества и окружающей среды (экологической безопасностью).

Согласно теории, секьюритизация предполагает перевод той или иной проблемы в вопрос безопасности с целью легитимизации чрезвычайных мер по отношению к ней. Главный аргумент данной теории заключается в том, что безопасность – это речевой акт и только посредством произнесения слова «безопасность» что-то происходит, то есть «именно посредством маркировки чего-либо как проблемы безопасности оно становится таковым». Заявляя, что существование конкретного референтного объекта находится под угрозой, секьюритизирующий субъект заявляет о праве на чрезвычайные меры для обеспечения его выживания. Затем проблема выводится из сферы нормальной политики в сферу чрезвычайной политики, где ее можно решить быстро и без обычных (демократических) правил и положений принятия политических решений.

Секьюритизация выступает «интерсубъективным процессом, в котором политические акторы решают, какие угрозы носят характер экзистенциальной опасности и требуют принятия неотложных мер для нейтрализации нежелательной динамики. То есть в контексте теории секьюритизации никакая динамика или явление не может быть проблемой безопасности априори: угроза обретает соответствующий статус в результате политического выбора, в ходе практик секьюритизации» [1, с. 9]. Учитывая, что в качестве субъектов секьюритизации нередко выступает государство, его представители могут официально поднять вопрос и решить его с помощью экстремального подхода и выйти за рамки политических норм. Следует отметить, что секьюритизация в значительной степени базируется на власти и ее возможностях, а также на средствах для социального и политического конструирования угроз. Конструирование вопросов безопасности (кто или что защищено и от чего) с помощью «секьюритизирующих речевых актов», делает угрозы репрезентированными и распознаваемыми, а также позволяют перейти от описания ситуации в области безопасности к существованию ситуации безопасности.

Успешная секьюритизация включает три шага: 1) проблему, являющуюся экзистенциально опасной – экзистенциальные угрозы; 2) осуществление чрезвычайных усилий (действий) для преодоления угрозы; 3) освобождение от политических правил, выход за пределы существующих. Следует отметить, что экзистенциальные угрозы требуют не только чрезвычайных или специальных мер, а и должны быть приняты большей частью аудитории. Так, представить проблему как экзистенциальную угрозу означает сказать, пишет Б. Бузан: «Если мы не займемся этой проблемой, все остальное будет неважным (потому что нас здесь не будет или мы не сможем решить ее по-своему)» [9, р. 24], то есть актор убеждает аудиторию в его законной необходимости выйти за установленные политические рамки.

Следует отметить, что идеи, предложенные в рамках Копенгагенской школы исследования безопасности, подвергались критике в частности ее концентрация именно на речевых актах, а также были дополнены. Представители социологического подхода к секьюритизации, обращая внимание на практики и процессы секьюритизации, отмечают важность контекста, в котором разворачиваются события, что позволяет более целостно рассматривать социальный, культурный, политический и исторический контекст, необходимый для изучения секьюритизации беженцев. То есть, как отмечает французский ученый, специализирующийся на теории международных отношений и безопасности Т. Бальзак [7, р. 1], необходимо сместить фокус в рамках секьюритизации с речевых актов на использование инструментов и действий политики в процессе секьюритизации, поскольку она происходит не только посредством речевых актов, а также может происходить посредством действий секьюритизации, выполняемых в рамках государственной политики. Бальзак не допускает разделения между «нормальной» и «исключительной» политикой в процессе секьюритизации в силу того, что безопасность не отделена от политики и не находится за ее пределами. Секьюритизацию следует скорее понимать как стратегическую практику, объединяющую процессы конструирования / проектирования угроз с процессом управления ими.

Основой кризисно-центричного дискурса в Ливане стала фигура сирийского беженца, что поспособствовало активизации широкого спектра механизмов секьюритизации как на национальном, так и на местном уровнях. Политика по открытости / закрытости ливанской границы колебалась и в значительной степени зависела от политических пристрастий ливанских чиновников, принимающих решения, варьируясь от пограничного контроля и жестких механизмов регистрации до расширения эксплуатационной системы кафала на национальном уровне. Так, после десятилетий политики открытых границ, спустя два года после начала сирийского конфликта, ливанское правительство решило фактически закрыть свои границы для сирийцев. По сути, вынужденные мигранты зависели от изменчивой политики правительства страны, а также от «импровизированных» решений муниципалитетов, ведь на местном уровне секьюритизация, включая такие меры, как введение комендантского часа и рейды на сирийские поселения, что сигнализирует о децентрализованных практиках секьюритизации, адаптированных к конкретным потребностям каждой области.

Фактически это свидетельствует об отсутствии комплексной национальной политики в вопросах приема беженцев, что, во-первых, отражает устоявшиеся особенности управления. Ливанские власти придерживаются позиции, что Ливан не является страной для беженцев и это находит отражение в особенностях действия общепринятых международно-правовых норм. Ливан не подписал и не ратифицировал Конвенцию ООН о статусе беженцев 1951 года, Конвенцию ООН о статусе апатридов 1954 года, Конвенцию ООН о сокращении состояния безгражданства 1961 года, Протокол ООН 1967 года, касающийся статуса беженцев, что осложняет их положение [2, с. 8]. Во-вторых, просматривается неоднозначная позиция политического истеблишмента и конкурентная борьба различных субъектов, что проецируется на условиях нестабильности положения беженцев, то есть миграционную политику в Ливане можно охарактеризовать как «политику неопределенности», которой подвергаются беженцы, что приводит к их пространственной и временной маргинализации, превращение их в управляемых, эксплуатируемых и депортируемых [18]. «Беспорядочное» управление, осуществляемое ливанскими властями, в значительной степени являются последствиями той формы неопределенности, которая часто стратегически создается, поддерживается и расширяется с целью отпугивания, контроля и высылки беженцев, а сочетание бездействия и неоднозначных действий властей усиливают неформальность действий.

Интересным является исследование профессора международных отношений и исследований безопасности иракского университета «Курдистан Хевлер» (Эрбиль) М. Бека, который в статье «Осмысление подхода Ливана к (не)секьюритизации сирийских беженцев: политико-экономическая перспектива» приходит к выводу, что серьезных попыток секьюритизировать беженцев не было, так как наряду с политическим классом страны, от присутствия беженцев выигрывают и различные социальные сегменты ливанского общества. А представление сирийских беженцев в качестве экзистенциальной угрозы было ориентировано преимущественно на международных акторов. Конечно, дискриминация вынужденных мигрантов из Сирии существует, но усугубляя и драматизируя данный «кризис», ливанское правительство стремилось получить политическую ренту [8, р. 705]. Отметим, что в некотором роде ливанскому правительству вторили, возможно, непреднамеренно, международные гуманитарные организации, акцентирующие особое внимание на гуманитарном кризисе в Сирии и близлежащих странах-приема беженцев с целью оказать финансовую поддержку и минимизировать приток сирийцев в страны Европы.

Тем не менее, действия, которые предпринимались ливанскими властями, контекст приема вынужденных мигрантов, действующий на местном и национальном уровнях, а также отношение общества весьма затруднили интеграцию сирийских беженцев. Конфликтные события, развернувшиеся в 2024 году между Ливаном и Израилем, события в Сирии в декабре 2024 года и другие, лишь усугубят гуманитарную ситуацию в Ливанской республике. Следует отметить, что на 2023 год в помощи нуждались около 4 млн чел в стране, в том числе 1,5 млн сирийских беженцев и 2,2 млн уязвимых ливанцев. При этом 80% ливанцев живут в бедности и 36% находятся за чертой крайней бедности, в то время как 90% сирийских беженцев не могут удовлетворить свои основные потребности и являются крайне нищими [15]. Кроме того, 6 октября 2022 года в стране была объявлена первая вспышка холеры с 1993 года.

Таким образом, массовый приток вынужденных мигрантов из Сирии коррелирует с крайне расколотым социальным и политическим ландшафтом Ливана. Политическая система страны чрезвычайно чувствительна к демографическим изменениям, а преимущественно суннитская конфессия сирийских беженцев рассматривается как угроза политико-религиозному балансу.

Ливанские власти стремились секьюритизировать сирийских беженцев преимущественно в своих собственных политических целях, представляя их как угрозу безопасности. Сирийский кризис беженцев явно обострил уже существующие проблемы управления и социально-экономического развития Ливана, а в политическом дискурсе в качестве ключевой причины ухудшения ситуации в стране презентовались именно беженцы. Восприимчивость ливанской аудитории к нарративам безопасности связана с историческим опытом Ливана по взаимодействию с палестинскими беженцами, а также с сирийским военным и политическим вмешательством.

Экономический кризис и его последствия негативно отразились на уровне жизни ливанцев, что усилило недовольство сирийцами принимающим сообществом, обусловило рост преследований и дискриминации беженцев, усилению враждебности между ливанцами и сирийцами.

Ограниченный и неустойчивый правовой статус сирийских беженцев и «беспорядочное» управление способствует успешности секьюритизации. Государственная политика обуславливает превращение сирийцев в уязвимых, маргинализированных субъектов, восприимчивых к радикализации, что содействует усилению напряженности в отношениях с беженцами и является вызовом для безопасности.

Список литературы

1. Гайдаев, О. С. «Осторожно, безопасность!» Теория (ин)секьюритизации и Парижская школа исследований международной безопасности / О. С. Гайдаев // Вестник МГИМО-Университета. – 2022. – №15(1). – С.7-37.
2. Гарас, Л. Н. Интеграция сирийских беженцев в ливанское сообщество: проблемные аспекты / Л. Н. Гарас, Н. И. Лебедь // Парадигмы истории и общественного развития. – 2024. – № 29. – С. 5-9.
3. Доклад о миграции в мире. 2024 / Международной организации по миграции (МОМ) ; под ред.: М. Маколифф, Л.А. Оучою – Женева : Международная организация по миграции (МОМ), 2024. – 397 с. – URL: <https://publications.iom.int/system/files/pdf/pub2023-081-1-world-migration-report-2024-ru.pdf> (дата обращения 21.01.2025).
4. Маркелова, М. Н. Международно-правовая защита прав детей в условиях вынужденной миграции : автореф. ... канд. юр. наук : 12.00.10 / М. Н. Маркелова. – М., 2019. – 26 с.
5. ООН: масштабы вынужденного переселения достигли рекордных показателей // Организация Объединенных Наций : [сайт]. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2024/06/1453256> (дата обращения 21.12.2024).
6. Abou Ltaif, S.F. Lebanon's Economic Development Risk: Global Factors and Local Realities of the Shadow Economy Amid Financial Crisis / S. F. Abou Ltaif, S. Mihai-Yiannaki, A. Thrassou // Risks. – 2024. – 12. – 122. – URL: <https://www.mdpi.com/2227-9091/12/8/122> (дата обращения 21.12.2024).
7. Balzacq, T. A theory of securitization: origins, core assumptions, and variants / T. Balzacq // Securitization theory: how security problems emerge and dissolve / Edited by Thierry Balzacq. – New York : Routledge, 2011. – P. 1-31. – DOI 10.4324/9780203868508.
8. Beck, M. Making sense of Lebanon's approach to the (non-)securitisation of Syrian refugees: a political economic perspective / M. Beck // Third World Quarterly. – 2023. – Vol. 44(4). – P. 705–723. – DOI 10.1080/01436597.2022.2159801.
9. Buzan, B. Security: A New Framework for Analysis / B. Buzan, O. Waever, J. de Wilde. – Boulder, CO : Lynne Rienner, 1998. – 239 p.

10. World development report. 2023. Chapter 2. The numbers: Understanding who moves, where to, and why // World Bank group : [сайт]. – URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2023> (дата обращения 23.12.2024).
11. Dionigi, F. The Syrian refugee crisis in Lebanon: state fragility and social resilience / Filippo Dionigi // LSE : Middle East Centre paper series. – London, UK. – 2016. – No. 15. – URL: http://eprints.lse.ac.uk/65565/1/Dionigi_Syrian_Refugees%20in%20Lebanon_Author_2016.pdf (дата обращения 21.12.2024).
12. Inflation rate in Lebanon 2023. – URL: <https://www.statista.com/statistics/455253/inflation-rate-in-lebanon/#statisticContainer> (дата обращения 21.12.2024).
13. Khalil, S. From "Switzerland" to "Venezuela" of the Middle East: Who is harmed the most by inflation in Lebanon? / S. Khalil // International Journal of Social Economics. – 2024. – № 51(1). – P. 1-17.
14. Lebanon Crisis Response Plan 2017-2020 (2020 update) // ReliefWeb : [сайт]. – URL: <https://reliefweb.int/report/lebanon/lebanon-crisis-response-plan-2017-2020-2020-update> (дата обращения: 13.12.2024).
15. Lebanon: €60 million in humanitarian aid for the most vulnerable. – URL: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/news/lebanon-eu60-million-humanitarian-aid-most-vulnerable-2023-03-30_en (дата обращения 21.12.2024).
16. Maksimova, E. N. The the crisis of Lebanon's political system in a dysfunctional context / E. N. Maksimova, E. E. Ryabtseva // Modern Science and Innovations. – 2022. – No. 2 (38). – P. 191-197.
17. Mordecai, M. Protests in Lebanon highlight ubiquity of WhatsApp, dissatisfaction with government / M. Mordecai // Pew Research Center : [сайт]. – URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2019/11/19/protests-in-lebanon-highlight-ubiquity-of-whatsapp-dissatisfaction-with-government/> (дата обращения: 13.12.2024).
18. Stel, N. M. Uncertainty, exhaustion, and abandonment beyond South/North divides: Governing forced migration through strategic ambiguity / N. M. Stel // Political Geography. – 2021. – Vol. 88. – 102391. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0962629821000512> (дата обращения 21.12.2024).

Статья поступила в редакцию 03.02.2025

Garas, L. N., Maksimova, E. N. *Forced Migrants as a Security Challenge: the Case of Lebanon*

The article analyzes the situation with forced migration (Syrian refugees) in Lebanon. Lebanon's political establishment sought to present Syrian refugees as a security threat in order to obtain political dividends. The limited and unstable legal status of Syrian refugees, as well as "chaotic" governance, contribute to their marginalization and increased tensions in relations with refugees, which is a challenge to security.

Keywords: economic and political crisis, threats, forced migrants, Syrian refugees, migration policy, securitization, security, Lebanon.

УДК 325(532)

В статье анализируется миграционная ситуация в монархиях Персидского Залива. Подчеркивается высокая доля трудовых мигрантов в доле населения этих стран. Анализируя особенности миграционной политики на примере Саудовской Аравии, автор приходит к выводу, что в современных условиях необходима ее трансформация в связи с заявленными целями развития королевства.

Ключевые слова: трудовая миграция, миграционная политика, сегрегация мигрантов, кафала, монархии Персидского залива, Пакистан, Саудовская Аравия.

Л. Н. Гарас, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: garas_ln@mail.ru

СПЕЦИФИКА МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В МОНАРХИЯХ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА (НА ПРИМЕРЕ САУДОВСКОЙ АРАВИИ)

Миграция, будучи глобальным феноменом, является неотъемлемой характеристикой современности. Глобальные дисбалансы в экономическом развитии и уровне благосостояния между странами, конфликты и климатические изменения, демографические трансформации и многое другое в значительной степени обуславливают интенсивность международной миграции. По оценкам Международной организации по миграции (МОМ), в середине 2024 года во всем мире насчитывается 304 млн чел международных мигрантов, из которых 167,7 млн чел (59%) – международные работники-мигранты [11]. Привлекательностью для мигрантов наряду с США и странами Европы обладает регион Ближнего Востока, а Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты входят в первую десятку стран с наибольшим количеством иммигрантов [9].

Миграция способна продуцировать как негативные, так и позитивные эффекты. Миграция может помочь странам увеличить численность населения трудоспособного возраста, поддерживать экономическую систему страны-приема, обеспечивая мобильную рабочую силу и доходы, но в то же время способна существенно влиять на демографическую структуру населения, межкультурные отношения и политические предпочтения, то есть стать вызовом, требующим конкретной системы действий от властей конкретного государства.

Изученность проблемы. Проблематика международной миграции находится в фокусе исследования зарубежных и отечественных исследователей. Так, Х. Аранго, В. Бенинг, Л. Л. Рыбаковский, С. В. Рязанцев, Г. Хьюго и др., стремясь выявить детерминанты международной миграции, фокусируют свое внимание на различиях в уровне экономического развития стран, географической удаленности, масштабах миграции, особенностях миграционной политики в странах приема и т. п. Следует отметить, что исследование причин миграции детально проработано как в классических, так и в современных теориях миграции.

Общие теоретические положения миграции населения и рынка труда рассмотрены в работах Р. Е. Билсбороу, Г. С. Витковской, Т. М. Гавриловой, Т. И. Заславской, В. А. Ионцева, М. Пиоре и др. Вопросам корреляции государственной политики и миграционных процессов посвящены работы Ю. Г. Ефимова, А. Ю. Краснова и др.

Вопросы трудовой миграции и особенности миграционной политики в монархиях Персидского Залива в целом и в Саудовскую Аравию, в частности, анализируются в трудах К. В. Аршина, Е. С. Бирюкова, А. Ю. Веселова, Н. В. Красновой, Н. А. Медушевского и др. Дж. Ахмед (Ahmed J.), М. В. Буровцев, Н. В. Галищева, Л. Гарри (L. Harry), Н. А. Замараева, Дж. Хаттон (J. Hutton), К. Хойл (C. Hoyle) в своих трудах уделяют внимание особенностям трудовой миграции из Пакистана в Саудовскую Аравию.

Цель статьи – определить особенности миграционной политики в отношении трудовых мигрантов монархий Персидского залива (на примере Саудовской Аравии).

Ближний Восток выступает регионом интенсивной мобильности, причем как добровольной, так и вынужденной. Богатые нефтью государства Персидского залива – Королевство Саудовская Аравия (КСА), Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), Катар, Оман, Бахрейн, Кувейт являются крупнейшими странами-реципиентами трудовых мигрантов. На 2024 год количество мигрантов составляло в КСА – 13,5 млн чел, ОАЭ – 8,7 млн чел, Кувейт – 3,1 млн чел, Оман – 2,4 млн чел, Катар

– 2,2 млн чел, Бахрейн – 0,9 млн чел [9]. Следует отметить, что в этих странах рост числа мигрантов не просто опережает рост населения, а количество мигрантов суммарно во всех этих странах составляет свыше половины населения, хотя по странам ситуация весьма разнится. Лидером по доле мигрантов в общей численности населения выступают ОАЭ, которые в буквальном смысле являющиеся «страной иммигрантов» – доля международных мигрантов составляет 91,5% от общей численности населения [2]. Менее всего доля мигрантов в Саудовской Аравии – 41,6% от общей численности населения, хотя стоит отметить тенденцию роста, что подтверждают данные переписи населения в КСА в 2022 году, с 2010 года, число саудовцев увеличилось на 33,8%, а число несаудовцев – на 34,7% [12].

Вплоть до второй половины XX в. арабские монархии Персидского залива были крайне отсталыми в социально-экономическом плане странами с высоким уровнем бедности, жесткими средневековыми порядками и традиционным образом жизни (кочевое и полукочевое скотоводство и примитивное земледелие в оазисах). Ситуация коренным образом изменилась благодаря открытию и активной разработке нефтяных месторождений, что не только потенциально способствовало экономическому развитию, а требовало большого количества трудовых ресурсов. Поэтому, начиная с 50-х годов XX века, происходит привлечение иностранцев на работу. Расширение возможностей трудоустройства в богатых нефтью государствах Ближнего Востока начало притягивать трудовых мигрантов из других более бедных арабских и мусульманских стран, а после нефтяного кризиса 1973 года и корректировки цен на нефть происходит интенсификация миграционного потока. Странами-донорами в этот период становятся Египет, Йемен, Сирия, Палестина, Иордания, Марокко, Иран, исключением выступает Ирак, который сам был крупным импортером рабочей силы. Однако с середины 1980-х годов ситуация начинает изменяться, что связано с процессами консолидации национального государства и актуализацией вопросов идентичности в странах-импортерах трудовых мигрантов. В этот период большинство мигрантов из арабских стран было заменено рабочими из стран Южной Азии и Африки.

Стремительное развитие аравийских монархий и формирование новых параметров социально-экономических отношений и развития зиждется на активном использовании труда иностранцев благодаря которому данным странам сегодня удается входить в группу стран с очень высоким уровнем человеческого развития. Отметим, что индекс человеческого развития позволяет, измеряя уровень жизни, грамотности, образованности и долголетия, проводить межстрановые сравнения. По классификации ООН (2023 г.), страны Персидского залива распределились таким образом: ОАЭ заняли 17 место, Бахрейн – 34, Кувейт – 39, Катар и КСА расположились на 40, Оман – 59 [3], что свидетельствует о «процветании» и достаточно высоком темпе экономического развития, хорошему инвестированию в «человеческий капитал», прочном финансовом положении этих стран, оставляя их весьма привлекательными для мигрантов, не смотря на достаточно специфическую миграционную политику.

Высокая доля мигрантов наблюдается среди работающего населения в монархиях Персидского залива. Так, в каждой монархии наблюдается кратное соотношение работающих мигрантов к работающим гражданам от 19 к 1 в Катаре до 3 к 1 в Саудовской Аравии, где доля мигрантов в населении ниже, чем в других монархиях [1, с. 1779].

Саудовская Аравия – сама крупная страна Персидского залива, обладающая большими запасами нефти в мире, принимает мигрантов из различных стран, в том числе из Южной Азии: Индия, Филиппины, Бангладеш и других. Одной из самых крупных стран-доноров для КСА и стран Персидского Залива в целом выступает Пакистан. 54 % пакистанских трудовых мигрантов проживают в странах Персидского залива [5], а самый многочисленный миграционный поток (с 1970 г. по 2023 г.) направлен в Саудовскую Аравию и составляет свыше 2 млн чел. Отметим, что значительный отток населения из Пакистана коррелирует рядом проблем, с которыми сталкивается эта страна, а именно: быстрорастущее население (согласно данным переписи 2023 года – 241,5 млн чел [14]), экономическая нестабильность, ограниченные перспективы трудоустройства внутри страны, стремительный рост инфляции, бедность и другие. Пакистан находится в центре международного потока мигрантов – как страна иммиграции, так и эмиграции, то есть мигранты и миграция являются важными аспектами социально-экономической реальности Пакистана.

Экономика Пакистана находится в глубоком кризисе и в рецессии. Доход на душу населения и темпы роста ВВП являются самыми низкими в регионе, за исключением Афганистана. Пакистан относится к категории стран с низким уровнем человеческого развития, занимая 164 место из 193, соседствуя с Мавританией и Кот-д'Ивуаром [3]. Сегодня основным фактором – более 90% - уровня нищеты в Пакистане выступает инфляция [7, р. 313]. Хотя тенденция повышения уровня бедности и нищеты стала стремительно проявляться еще в 90-е годы XX века, когда за чертой бедности оказалась

треть населения страны, а бедность в сельской местности в этот период превышала бедность среди городского населения на 3%. Пакистанский исследователь М. Афзал в статье «Взаимосвязь между народонаселением и бедностью в Пакистане» отмечает, что сегодня 80 млн человек живут за чертой бедности [4, р. 65]. Природные катаклизмы и климатический фактор (крупные наводнения и др.) перманентно наносят серьезный ущерб сельскому хозяйству страны, а учитывая, что там работает 44% трудовых ресурсов страны, это способствует росту нищеты. То есть вышеуказанные обстоятельства выступают «подталкивающими» факторами для миллионов пакистанских граждан, активно ищущих возможности изменить свое положение за рубежом.

Для Пакистана очень важна международная миграция, в частности в Саудовскую Аравию, что связано со спецификой его экономики, в значительной степени зависящей от экспорта человеческого капитала и денежных переводов, которые эмигранты отправляют домой. В этом смысле Саудовская Аравия является одним из наиболее предпочтительных мест работы для пакистанцев, которые в целях минимизации уровня крайней нищеты и улучшения своих социальных условий в своей стране стремятся на время покинуть родину. Пакистанские мигранты составляют значительную долю населения и рабочей силы КСА, что оказывает влияние на социальные и экономические условия в стране приёма и стране-доноре.

Пакистан демонстрирует модель экспорта низкоквалифицированной рабочей силы: рабочие, водители, каменщики, плотники и другие, которая трансформируется крайне медленно. Сегодня пакистанцы работают в различных секторах экономики КСА – медицине, машиностроении, образовании, информационных технологий, сфере услуг. Несмотря на то, что в Пакистане отсутствует специальная миграционная политика, централизованный координационный орган, отвечающий за управление данными, связанными с миграцией, а подход Пакистана к управлению в миграционной сфере характеризуется преимущественно фрагментацией [6], тем не менее, Исламабад контролирует трудовые миграционные потоки в страны Персидского залива, учреждает несколько миграционных центров. В соответствии с обязательствами ряду стран Персидского залива, Пакистан осуществляет контроль соответствия количества мигрантов заявленной квоте, а также следит за качественной подготовкой пакистанцев, то есть поставляет сертифицированную и профессионально подготовленную квалифицированную и полуквалифицированную рабочую силу (проводятся специально разработанные курсы). То есть в Саудовскую Аравию осуществляется легальный отток трудовых мигрантов из Пакистана. Отметим обоюдную выгоду от сотрудничества, а именно: КСА получает дешевую рабочую силу, а Пакистан – высококвалифицированных специалистов (по возвращении на родину) благодаря взаимному обмену работниками в области образования, науки и техники.

Исламабад благодаря мигрантам имеет постоянный источник валютных поступлений. Несмотря на то, что для большинства пакистанцев Саудовская Аравия является местом тяжелого труда, одновременно она выступает и источником спасения от нищеты, а также каналом восходящей вертикальной мобильности на родине, признаком финансовой состоятельности и т. п. Так, открывается доступ к образованию детей, накоплению богатства через создание бизнеса, инвестирование, а также установление брачных и социальных связей с влиятельными кругами в обществе. Пакистанские мигранты в 2018 году перевели денежных средств в страну равное 7 % ВВП [10], а в 2020 году – уже 8,7% ВВП [6], Пакистан стал вторым по величине получателем денежных переводов в Южно-Азиатском регионе.

Наряду с этим огромное влияние на феномен миграции из Пакистана в КСА играют культурный и религиозный фактор. Саудовская Аравия является родиной ислама и там расположены святые места для мусульман – Мекка, Медина и др. Принимая во внимание, что 97% населения Пакистана является мусульманами, а государственной религией выступает ислам суннитского толка, то Саудовская Аравия, где 93 % население – мусульмане-сунниты вдохновляет пакистанцев. Так как каждый правоверный мусульманин должен совершить хадж – паломничество в Мекку, а также совершить умру. То есть помимо экономических мотивов трудовая миграция в КСА вдохновляется религиозными мотивами.

Отдельно следует упомянуть наличие прочных сетевых связей в среде мигрантов – пакистанская диаспора. Семья и друзья мигрантов выполняют функции мотивации и стимулируют ее, определяя даже место локации в конкретных регионах. Трудовые мигранты из Пакистана – это мужское население, для которого миграция выступает в качестве предопределенного семейного тренда, то есть сыновья следуют за отцом и занимаются его делом. Из-за их сильных связей мигранты из одних и тех же районов Пакистана имеют высокую концентрацию в отдельных регионах КСА и выполняли аналогичную работу. «Новички» практически не сталкиваются с трудностями в плане адаптации и

поиска работы. Диаспора (друзья, члены семьи, соседи) помогает смягчить «культурный шок» и поддерживать и воспроизводить свои обычаи на новом месте. Миграционные сети работают как каналы информации, ресурсов, поддержки и содействия эмиграции. Таким образом, сети мигрантов работают как форма социального капитала для мигрантов и, следовательно, способствуют предоставлению информации, снижающей затраты и риски, связанные с миграцией. Отметим, что мигранты имеют неформальные организации (союзы) в Саудовской Аравии с четко установленной иерархией ролей, обязанностей и членства. Члены вносят определенную сумму в организацию, обеспечивая социальную безопасность и поддержку в случае форс-мажорных обстоятельств (гибель, увечья, ранения и т. п.).

Несмотря на то, что Саудовская Аравия является привлекательной для трудовых мигрантов, ее миграционная система считается одной из наиболее жестких в мире, а миграционная политика нацелена на привлечение в страну трудовых мигрантов, пребывание которых в стране имеет временный характер. Барьером натурализации является практика заключения государственных контрактов между КСА и правительством стран-доноров мигрантов, например, Пакистаном, о привлечении трудовых мигрантов. В соответствии с указанными правилами рабочие организовано завозятся в страну на определенный срок и так же организовано вывозятся. При этом контрактами определен запрет на заключение контракта с лицом, которое уже однажды осуществляло трудовую деятельность в стране.

На мигрантов не распространяется вся совокупность гражданских прав. Более того, они находятся под постоянной угрозой депортации. Такая система привлечения иностранных работников получила название кафала – это система спонсирования трудовых мигрантов, истоки которой в арабских государствах Персидского залива является наследием британской колониальной эпохи, широко распространенной практикой начала XX века. Для контроля над трудовой миграцией в жемчужной промышленности, незадолго до открытия нефти в регионе и упорядочения трудовых мигрантов с увеличением их числа, работающих в нефтяных компаниях, вводилась система спонсорства. Британские официальные лица рассматривали труд мигрантов как необходимость и проблему, которую необходимо регулировать и контролировать, как с точки зрения экономического роста, так и с точки зрения безопасности.

С момента открытия нефти в 1950-х годах и высокого спроса на иностранную рабочую силу кафала становится основной системой, регулирующей деятельность иностранных рабочих, особенно в строительстве и бытовых услугах. В рамках данной системы работодатель / кафил (спонсор), гражданин КСА или в некоторых случаях агентство по найму или компания, берут на себя полную экономическую и юридическую ответственность за мигранта. Система кафала сегодня нередко рассматривается как форма «современного рабства», поскольку спонсоры часто конфискуют паспорта работников, тем самым контролируя их право на перемещение или смену работы. Нередко работникам приходится терпеть ужасные условия работы и сверхурочные часы работы. Трудовые мигранты необходимые для местной экономики, пользуются весьма ограниченными правами и защитой со стороны принимающих государств, особенно когда их обвиняют в серьезных преступлениях. Так, непропорционально большое количество пакистанцев приговорены к смертной казни и казнены в Саудовской Аравии [8, p. 1423].

Трудовые мигранты работают преимущественно в частном секторе экономики страны. Частные работодатели предпочитают иностранных работников, готовых мириться с гораздо более низкой заработной платой и имеющих гораздо меньше прав на рынке труда Саудовской Аравии в сравнении с местным населением. Так, средняя заработная плата граждан КСА в частном секторе в два раза выше, чем у иностранных работников частного сектора.

Рост уровня образования местных жителей Саудовской Аравии в последние несколько десятилетий спровоцировал в их среде высокий уровень безработицы, который среди мужчин составляет 27%, а среди женщин – 33% [13]. Данная тенденция подтолкнула правительство в 1970 году к политике «саудизации», то есть переориентации на труд местных жителей, а, следовательно, замену иностранных рабочих местными работниками. Предполагалось, что саудовские компании и предприятия смогут удовлетворить потребности в рабочей силе гражданами Саудовской Аравии и определялась конкретная квота.

В период с 1970 г. по 1975 г. Министерство труда и социального развития КСА предполагало, что 75% рабочих во всех отраслях будут саудовцами. Следует отметить, что эта политика была успешно реализована в государственном секторе, а в частном секторе она не принесла ожидаемых результатов (доля иностранцев остается высокой), так как местные жители были заинтересованы в работе преимущественно в государственном секторе, нежели в частном. Ключевым моментом при

выборе профессии среди жителей Саудовской Аравии является высокий социальный статус (например, руководящая должность после окончания учебы и т. п.), высокая заработная плата, хорошие условия труда, возможность карьерного роста, социальный пакет, а физически тяжелые работы обладают низкой репутацией и оплатой, поэтому мало предпочтительны среди местных жителей. Все же политика саудизации положительно повлияла на местную рабочую силу, снизив уровень безработицы и предложив возможности трудоустройства, что привело к очевидным изменениям на рынке труда Саудовской Аравии. Для изменения ситуации в частном секторе государство предпринимало новые попытки, например, квотирования – 30% саудизации в частном секторе согласно Плану развития страны на 2006-2010 гг., хотя и это не привело к запланированному результату.

В 2011 году был разработан новый механизм под названием «Нитакат», согласно которому, частные предприятия классифицировались на ряд категорий в зависимости соответствия степени «саудизации», что отражалось на возможности найма иностранной рабочей силы, а также было связано с преференциями и штрафами. Например, предприятия из «красной» категории не могут продлевать визы своим иностранным работникам или нанимать новых иностранных сотрудников, в то время как предприятия с «желтой» меткой не могут продлевать визы своих иностранных работников свыше определенного периода – 6 лет. Механизм «Нитакат» подвергался критике, так как фокусировался преимущественно на количественных аспектах занятых граждан Саудовской Аравии, а не на характере их работы или соответствии их квалификации выполняемой работе. Компании в погоне за наймом граждан Саудовской Аравии нередко стали прибегать к фиктивной занятости и иным методам обхода правил «Нитакат». Например, регистрация фирмы в других секторах экономики, нежели в том, в котором она фактически работает, что позволяет нанимать иностранных работников, которые формально находятся под чьим-то спонсорством. Это провоцирует увеличение роста нелегальной миграции, а в КСА активно применяется практика депортации мигрантов. Например, в 2012-2015 гг. из страны было выслано 243 тыс. пакистанцев, которых подозревали в связях с террористами и т. п.

Несмотря на колоссальные усилия правительства по созданию рабочих мест, большинство граждан Саудовской Аравии в возрасте от 15 до 64 лет не имеют работы. Подавляющее большинство иностранцев занято в частном секторе (строительство, личные услуги или розничная торговля) и имеют низкую квалификацию. Только около 38% граждан Саудовской Аравии трудоспособного возраста имеют работу (менее 20% среди женщин Саудовской Аравии). Тем не менее, королевство стимулирует миграционные реформы.

Вывод. Стремительное развитие аравийских монархий коррелирует привлечением трудовых мигрантов, как из арабских стран региона Ближнего Востока, так и из стран Южной Азии и Африки, так и стран Запада. Трудовая миграция в монархии Персидского залива обладают своеобразием по количественному и качественному составу мигрантов. Однако, рост уровня образования у местных жителей способствует росту безработицы в их среде поэтому правительства стран-приема начали проводить политику по замене иностранных рабочих на местные трудовые ресурсы, что отражается на специфике регулирования миграции.

Миграционная политика КСА обладает собственными правилами, бюрократическими практиками, властными отношениями и рациональностью – процессом, направленным на установление государственной монополии на миграционный контроль. Миграционная политика Саудовской Аравии весьма жесткая и антиинтеграционная, направленная на сегрегацию трудовых мигрантов. Миграция представляется как временное явление, что не предоставляет мигрантам перспектив правовой интеграции, гражданства и постоянного проживания, характеризуется нулевым доступом к политическим правам и т.п.

Главной целью правительства КСА является сохранение политической и социальной стабильности и обеспечение развития, без изменения традиционных основ саудовского общества. Именно этот механизм функционирования и поддержания уникального в своем роде патерналистского типа монархии определяет характер регулирования миграции в стране. Тем не менее, амбициозные цели, задекларированные КСА, требуют корректировки миграционной политики.

Список литературы

1. Бирюков, Е. С. Аравийские монархии как центр трудовой миграции и их миграционная политика / Е. С. Бирюков // Экономика труда. – 2024. – Том 11. – № 11. – С. 1775-1790. – DOI: 10.18334/et.11.11.122105
2. Департамент Организации Объединенных Наций по экономическим и социальным вопросам (ДЭСВ ООН). 2023. Отдел народонаселения. Контингент международных мигрантов. – URL: <https://www.un.org/development/desa/pd/content/international-migrant-stock> (дата обращения 21.12.2024).

3. Обзор доклада о человеческом развитии за 2023-2024 гг. – URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/hdr2023-24overviewru.pdf> (дата обращения 21.12.2024).
4. Afzal, M. Population and Poverty Nexus in Pakistan / M Afzal // JISR management and social sciences & economics. – 2014. – Vol. 12(2). – P. 63-75. – DOI: 10.31384/jisrmsse/2014.12.2.5. – URL: https://www.researchgate.net/publication/331300166_Population_and_Poverty_Nexus_in_Pakistan (дата обращения 21.12.2024).
5. Ahmed, J. Pakistan's Emigration: Trends & Insights / J. Ahmed // PIDE Knowledge Brief. – 2024. – № 112. Pakistan Institute of Development Economics. – URL: <https://file.pide.org.pk/pdfpideresearch/kb-112-pakistans-emigration-trends-and-insights.pdf> (дата обращения 21.12.2024).
6. Cheema, A. R. Migration Governance in Pakistan: Institutional Challenges and Data Gaps / A. R. Cheema, N. Rafique, F. Abbas // International Migration Review. – 2023. – DOI: 10.1177/01979183231204013. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/01979183231204013> (дата обращения 21.12.2024).
7. Gondal, S. A. Exploring the Component of Misery Index During Different Regimes: A Case Study of Pakistan / S. A. Gondal, Z. Hussain, A. Amin // Journal of Asian Development Studies. – 2023. – Vol. 12(3). – P. 313-324.
8. Hoyle, C. A Disproportionate Risk of Being Executed: Why Pakistani Migrants Are Vulnerable to Capital Punishment in Saudi Arabia / C. Hoyle, J. Hutton, L. Harry // The British Journal of Criminology. – 2023. – Vol. 63, Is. 6. – P. 1423-1440. – DOI: 10.1093/bjc/azac100
9. Immigration By Country by 2024. – URL: <https://www.datapandas.org/ranking/immigration-by-country#by-region> (дата обращения 21.12.2024).
10. Imran, K. Foreign Remittances and Regional Poverty: Evidence from Household Data / K. Imran, E. Devadason, K.-C. Cheong // International Migration. – 2019. – Vol. 58(1). – DOI: 10.1111/imig.12681. – URL: https://www.researchgate.net/publication/338009308_Foreign_Remittances_and_Regional_Poverty_Evidence_from_Household_Data (дата обращения 21.12.2024).
11. Migration And Human Mobility: Key Global Figures. Updated with data available as of 31 January 2025. – URL: https://www.migrationdataportal.org/sites/g/files/tmzbd1251/files/key%20facts%20and%20figures/EN_Key-Figures_Migration-Data-Portal.pdf (дата обращения 21.12.2024).
12. Saudi Arabia Census Shows Total Population of 32.2 Million, of Which 18.8 Million are Saudis. – URL: <https://www.spa.gov.sa/w1911463> (дата обращения 21.12.2024).
13. Sobaih, A.E.E. Challenges in Effective Implementation of Saudization Policy in the Restaurant Sector / A.E.E. Sobaih // Sustainability. – 2023. – Vol.15. – 7654. – DOI: 10.3390/su15097654
14. Table 1: Area, Population By Sex, Sex Ratio, Population Density, Urban Population, Household Size And Annual Growth Rate, Census-2023. – URL: https://www.pbs.gov.pk/sites/default/files/population/2023/tables/table_1_national.pdf (дата обращения 21.12.2024).

Статья поступила в редакцию 06.02.2025

Garas, L. N. *Specificity of Migration Policy in the Monarchies of the Persian Gulf (Case of Saudi Arabia)*

The article analyzes the migration situation in the Persian Gulf monarchies. The emphasis is on the high share of labor migrants in the share of the population of these countries. Analyzing the features of migration policy on the example of Saudi Arabia, the author comes to the conclusion that it is necessary to transform the system to meet the declared goals of the kingdom's development.

Keywords: labor migration, migration policy, segregation of migrants, kafala system, Persian Gulf monarchies, Pakistan, Saudi Arabia.

УДК 342(55)

В статье предпринимается попытка анализа государственно-правовой системы Ирана, базирующейся на мусульманском праве. Одной из важнейших задач любого государства является регулирование общественных отношений, для этого у государственного аппарата имеется целый арсенал средств. Значимой частью данного арсенала являются религиозные нормы, представляющие собой фундаментальную базу для функционирования государственных и правовых институтов даже в светских государствах.

Ключевые слова: государственно-правовая система, романо-германская правовая система, мусульманское право, Иран

О. С. Стаценко, доцент, канд. полит. наук,
Севастопольский государственный университет,
E-mail: stacenkooksana@mail.ru

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ СИСТЕМА ИРАНА

Историческое развитие, социально-экономические условия жизни общества, этнические особенности создают основы для формирования разнообразных политических и правовых систем в различных государствах. В условиях религиозного, мировоззренческого, культурного разнообразия, и более того, наличия внутренних противоречий, эффективное подчинение нормативному регулированию может стать серьезной проблемой для политической элиты.

Объединение населения силой одной масштабной идеи – это важнейшая задача каждого государства, эффективное решение которой обеспечивает долговечное и стабильное существование системы.

Исторический процесс обеспечивает создание эффективных правил поведения, механизма регулирования общественных отношений. Однако, реализуя собственный путь развития, государства принимают положительный опыт друг друга.

Для успешного развития нашей государственной системы вопросы взаимного влияния, сосуществования, взаимодействия религиозных и правовых норм в многоконфессиональном обществе нельзя не учитывать. Стабильное функционирование государств и обществ, эффективно совмещающих данный арсенал нормативного регулирования необходимо анализировать и применять в современной обстановке.

Выстраивая многополярный мир, наше государство и общество столкнулись с новыми вызовами, такими как санкционное давление, сложная миграционная обстановка, экономическая трансформация. С некоторыми из них успешно справляется политическая, правовая, культурно-религиозная системы Ирана. Имея схожие системные показатели, анализ функционирования именно этого государства может быть положительно воспринят нашей политико-правовой реальностью, особенно в условиях налаживания сотрудничества в различных сферах.

Как известно, Иран является теократией, закрепившей официальное положение ислама как государственной религии. Сегодня 98% всех граждан Ирана исповедуют ислам, из них 90% - шииты-двунадесятники (персы, азербайджанцы, мазендаранцы), 8% – сунниты (курды, белуджи, туркмены), зороастрийцы, иудеи и христиане [6].

Религиозные нормы являются фундаментом существования и деятельности практически любого общества. Веками складывающиеся правила, обеспечивающие выживание человеческого рода до настоящего времени, в условиях современного научно-технического прогресса, до сих пор являются основанием взаимодействия людей в их естественной среде. Даже атеистически настроенные граждане в некоторых государствах, имея минимальное представление о добре и зле, черпают это понимание из исторических сложившихся моделей религиозного толка, порой неосознанно присоединяясь к такому культурному коду.

На наш взгляд именно религиозные нормы подпитывают идею существования справедливого закона как нормы, которая «...устраивает всех граждан, что отличает людей от «диких зверей», это опора государства. Закон не признает никому послаблений и, в первую очередь, правителям, которые и должны быть служителями законов. «Я вижу близкую гибель того государства, – рассуждает Платон, – где закон не имеет силы и находится под чьей-либо властью». Спасение государства в том, чтобы закон был владыкой над правителями, а они его рабами» [2].

В статье 2 Конституции Ирана изложены принципы, на которых основана Исламская Республика. Главным является провозглашение суверенитета и права, принадлежащих исключительно Богу и необходимости соблюдать Его заповеди так как он обеспечивает фундаментальную роль в определении законов.

В такой логике выстроена доктрина Исламской республики Иран – «Вилаят Факих».

После Исламской революции в Иране в 1979 году концепция вилаят-е факих была закреплена в Конституции Исламской Республики Иран. Статья 57 Конституции ИРИ гласит: «Управление Исламской Республикой Иран осуществляется законодательной, исполнительной и судебной властями, которые функционируют под контролем абсолютного правления имама (валайте-факих) согласно нижеследующим статьям Конституции. Указанные власти независимы друг от друга» [3].

После прихода к власти в Иране аятоллы Рухоллы Мусави Хомейни в результате «исламской революции» 1979 г. в этой стране установилась идеология «*вилаят аль-факих*» («правление факиха»). Термин, давший название политико-правовой доктрине, не нов – он появился у шиитов столетия назад и подразумевает необходимость руководствоваться авторитетом исламских богословов в период «великого сокрытия». Эта эпоха началась в 941 г., когда скончался последний «контактер» с исчезнувшим в 874 г. последним из 12 имамов – Мухаммадом ибн аль-Хасаном аль-Махди. По верованиям шиитов-двунадесятников, Имам аль-Махди жив и явится в конце времен. Слово «факих», на арабском буквально означающее «знающий или понимающий человек», в контексте исламской традиции приобретает значение мудреца, способного трактовать Коран и другие авторитетные религиозные тексты. Потребности практической жизни государства, общества и индивида в условиях затянувшегося отсутствия «сокрывшегося Имама» привела к повышению статуса факихов, «вынужденных» решать проблемы современности. Некоторые из них стали даже претендовать на политическую власть, ярчайшим выражением чего стала современная государственная идеология Исламской Республики Иран (ИРИ) [4].

Являясь республикой, последовательно реализовывая принципы разделения властей с гармоничным сочетанием с религиозными нормами, в Иране стабильно функционирует правовая система, относящаяся к романо-германской семье с уклоном во французскую традицию.

Романо-германская правовая семья объединяет большое количество государств со схожими характеристиками национальных правовых систем. Сформировавшееся в IX веке до н. э. древнеримское право дало основу для формирования институтов и механизмов регулирования общественных отношений в более чем шестидесяти странах мира.

Согласно принципам функционирования данной системы, в Иране законы являются основным источником права. Они принимаются однопалатным парламентом – Меджлисом ИРИ.

Соотношение между нормой закона и нормой обычая устанавливается с позиций приоритета законодательства; судья обязан применять норму закона, даже если она, по его мнению, противоречит обычаю (ст.9 ГПК 1939 г.). Обычно-правовые нормы подлежат применению в случае неясности, противоречивости или отсутствия правовой нормы (ст.3 ГПК 1939 г.).

Судебная практика формально не признается источником права; судья должен принимать решение на основе закона, и такое решение не может формулироваться в виде общей нормы (ст.5 ГПК 1939 г.). В то же время судебные решения, прежде всего принимаемые Верховным судом, фактически применяются в качестве обязательных нижестоящими судебными органами [5].

Помимо нормативных правовых актов как основных источников, источниками права романо-германской правовой семьи, как известно, являются и религиозные тексты.

Государственно-политическая система Исламской Республики Иран демонстрирует гармоничное сплетение светских подходов романо-германской правовой системы и религиозных догм, ярко данная конструкция представлена в основном законе – Конституции.

Главой государства является «Верховный лидер Исламской революции», избираемый пожизненно Советом духовных авторитетов. С 1989 г. Верховным лидером является аятолла Хаменеи, сменивший на этом посту основателя Исламской республики аятоллу Хомейни после его смерти [1].

В обязанности Руководителя входит определение генеральной линии в политике ИРИ и контроль за правильностью ее претворения в жизнь; командование вооруженными силами; объявление войны и мира; назначение и отстранение от должности факихов Совета по охране Конституции, главы судебной власти, председателя телерадиовещательной организации «Голос и образ Исламской Республики Иран», начальника объединенного штаба, главнокомандующего Корпусом стражей Исламской революции, главнокомандующих вооруженными силами и внутренними войсками; подписание указа о назначении Президента после его избрания; объявление амнистии или смягчение приговоров [5].

В Иранской республике действует всеобщее избирательное право, при этом наделены им граждане с 15 лет.

Глава государства – Президент, избираемый прямым голосованием сроком на 4 года. Никто не может занимать этот пост более чем 2 срока подряд. Президент несет ответственность за выполнение Конституции, руководство исполнительной властью (за исключением тех вопросов, которые непосредственно относятся к компетенции Руководителя), возглавляет Кабинет министров, назначает самих министров и представляет их на утверждение Меджлису, подписывает договоры и соглашения с другими государствами.

В целях создания гарантий соблюдения национальных интересов, территориальной целостности и суверенитета страны под председательством Президента действует Высший национальный совет национальной безопасности.

Как глава Кабинета министров, Президент наблюдает за работой министров и координирует их деятельность. В сотрудничестве с министрами Президент определяет программу и политический курс правительства и организует исполнение законов.

Президент отвечает перед Меджлисом за деятельность правительства. Меджлис может выразить вотум недоверия Кабинету министров или любому из министров, в том числе по итогам интерpellации. В этом случае Кабинет или соответствующий министр должны уйти в отставку.

Президент может отправить в отставку любого члена правительства или Кабинет в целом. В этом случае он должен получить вотум доверия от Меджлиса в отношении нового министра (нового состава правительства). Если состав правительства изменился наполовину и более, Кабинет министров обязан получить новый вотум доверия от Меджлиса [5].

Высшим законодательным органом Ирана является Исламское консультативное собрание (меджлис), однопалатный представительный орган из 270 депутатов, избираемый сроком на 4 года [1].

Меджлис утверждает состав правительства, принимает законы, ратифицирует договоры и соглашения с иностранными государствами, утверждает проект бюджета, получение и предоставление правительством займов и безвозмездной помощи.

Контроль за соответствием решений Меджлиса положениям ислама и Конституции ИРИ осуществляется Советом по охране Конституции. Совет рассматривает все решения Меджлиса, осуществляет контроль за выборами Совета экспертов, президентскими выборами, выборами в Меджлис, а также за проведением всеобщих референдумов [5].

Пирамиду судебной системы венчает Верховный суд, стоящий выше специального религиозного и специального административного судов [1].

В вопросах особой важности, касающихся будущего страны, или вопросов особого экономического значения, законодательная власть может осуществляться через институт референдума с прямым обращением к голосованию народа. Требование о проведении референдума должно быть одобрено двумя третями всех Представителей Собрания [3].

Таким образом, мы видим, как слаженно и четко выстроена система государственно-правового функционирования, фундаментом которой является веками сложившаяся религиозная традиция. Религиозные нормы закладывают основы практически любого вида и уровня культуры, а высокий уровень соблюдения культурных норм является базой для соблюдения законов государства и стабильно успешного функционирования государственно-правовых систем. В неисламских, в светских государствах взаимное влияние религиозных и государственно-правовых норм также велико.

Список литературы

1. Абдулкадыров, М. Д. Государственный строй и правовая система Исламской Республики Иран / М. Д. Абдулкадыров, Ф. А. Идрисова // Деловой вестник предпринимателя. – 2020. – №1 (1). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennyy-stroy-i-pravovaya-sistema-islamskoy-respubliki-iran> (дата обращения: 28.01.2025).
2. Бессонова, Л. А. Категория «Справедливость» в учении Платона о государстве / Л. А. Бессонова // ВЭПС. – 2015. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-spravedlivost-v-uchenii-platona-o-gosudarstve> (дата обращения: 09.01.2025).
3. Конституция Ирана. – URL: <https://constitutions.ru/?p=140> (дата обращения: 06.02.2025).
4. Крылов, Г. Л. Доктрина «вилаят аль-факих»: трактовки, теоретические основания и история становления / Г. Л. Крылов // Восточный курьер = Oriental Courier. – 2022. – № 2. – С. 11–24.
5. Иран, Исламская Республика Иран (ИРИ) // Правовые системы стран мира : энциклопедический справочник / под редакцией А.Я. Сухарева — 3. изд., перераб. и доп. — Москва :

НОРМА, 2003. — VI, 967 с. — URL: <http://law.niv.ru/doc/dictionary/legal-systems-of-countries/articles/60/iran-islamskaya-respublika.htm> (дата обращения: 06.02.2025). — ISBN 5-89123-725-3.

6. Тимергалиева, Л. Иран: особый характер Ислама / Л. Тимергалиева // Информационно-аналитический федеральный портал “islam today” (“ислам сегодня”) : [сайт]. — URL: https://islam-today.ru/islam_v_mire/bliznij-vostok/iran-osobyj-harakter-islama/ (дата обращения: 06.02.2025).

Статья поступила в редакцию 10.02.2025

Statsenko, O. S. *Iran's State-legal System*

The article attempts to analyze Iran's state-legal system based on Islamic law. One of the most important tasks of any state is the regulation of public relations. The state apparatus has a whole arsenal of tools for this. Religious norms form an important part of this arsenal representing a fundamental basis for the functioning of state and legal institutions, even in secular states.

Keywords: state legal system, Romano-German legal system, Islamic law.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК [327+339.5/.9](611:100)

В статье определяются интересы некоторых внерегиональных акторов (Франции, Турции, России, США, Китая) в регионе арабского Магриба. Интересы внерегиональных игроков распространяются на различные сферы взаимодействия: экономическую, политическую, военную, культурную, сферу безопасности и противодействия терроризму. Автор приходит к выводу, что для Китая и Турции характерно взаимодействие в экономической сфере; Франция, Россия и США имеют большие интересы: для их политики характерно взаимодействие в политической, экономической, военной сферах.

Ключевые слова: Магриб, внерегиональные акторы, международное сотрудничество, Франция, Россия, США, Турция, Китай

А. Ю. Кентнер, ассистент

Севастопольский государственный университет

E-mail: anastasia.opara@yandex.ru

ИНТЕРЕСЫ ВНЕРЕГИОНАЛЬНЫХ АКТОРОВ В МАГРИБЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Регион арабского Магриба включает в себя такие государства как Ливия, Тунис, Алжир, Марокко, Мавритания и Западная Сахара [2]. Несмотря на слабые экономические связи, государства Магриба имеют глубокую историческую и культурную связь, что обуславливает тесное, хоть и не всегда плодотворное сотрудничество (например, разрыв дипломатических отношений между Алжиром и Марокко в 2021 году [7]). Магриб может представлять интерес для сотрудничества в различных сферах: политической, энергетической, сельскохозяйственной, туристической, а также в сфере обеспечения безопасности. Учитывая, что конкуренция на международной арене неуклонно растет, страны Магриба представляют всё больший интерес для различных мировых акторов, поскольку Магриб может служить воротами для входа и в Ближний Восток, и в Африку [6, с. 62].

Целью данной статьи является выявление интересов внерегиональных акторов в Магрибе на современном этапе. Учитывая географическое положение государств и историю региона, в первую очередь можно отметить тесные связи с ближневосточными государствами и странами средиземноморского бассейна (в частности, с Францией, как бывшей метрополией Алжира, Марокко и Туниса). После образования независимых государств в ходе деколонизации в XX веке бывшие колонии стали налаживать связи со многими государствами, как региональными, так и внерегиональными. Новое размежевание международной карты позволило разным государствам по-новому выстраивать свою внешнюю политику. В данной статье будут рассмотрены интересы Франции, Турции, России, США, Китая в отношении Магриба.

С момента обретения независимости своих североафриканских колоний Франция поддерживала с ними тесную связь. Для Франции регион представляет собой одну из основных зон стратегических интересов Франции за пределами Европейского союза. Это взаимодействие особенно важно, учитывая растущую конкуренцию со стороны других международных игроков: Китай, США, Россия значительно увеличили в последнее время свое присутствие в Северной Африке.

Франция. Поддержание тесных связей с Магрибом важно для Франции в связи с растущими потоками миграций. В Алжире, Марокко и Тунисе проживает большое количество франкофонного населения, что делает Францию привлекательной для миграции. Учитывая наличие тесных связей, страны Магриба становятся привлекательными и для мигрантов из других арабских и африканских стран, что способствует росту проблем и снижению безопасности в регионе. Франция заключила со странами Магриба двусторонние соглашения, направленные на упрощение процесса легальной миграции, что, в свою очередь, поможет снизить уровень нелегальной миграции. Франко-марокканское соглашение об управлении миграцией способствовало расширению сотрудничества в области пограничного контроля и реализации программ добровольной репатриации.

Сотрудничество в сфере обеспечения безопасности между Францией и странами Магриба становится все более важным для решения региональных вызовов и транснациональных угроз. Регион Сахель-Магриб является критически важной зоной для контртеррористических операций. Между

Францией и странами Магриба есть ряд соглашений, взаимодействие в рамках которых включает обмен разведданными, совместные военные учения и инициативы по наращиванию военной мощи. Безопасность на море в Средиземном море стала еще одной важной областью сотрудничества. Франция наладила совместное военно-морское патрулирование со странами Магриба для борьбы с незаконным оборотом наркотиков и усиления наблюдения на море. Благодаря совместным усилиям снизилось количество похищений людей пиратами на 51% за период с 2020 по 2021 год.

В условиях нестабильности мирового энергетического рынка и перехода к возобновляемым источникам энергии для Франции растет необходимость тесного сотрудничества со странами Магриба. Регион играет решающую роль в стремлении Франции диверсифицировать свой энергетический рынок, в том числе благодаря поставкам природного газа из Алжира, на долю которого приходится примерно 11% импорта газа во Францию.

Турция. Исторически связь Турции со странами Магриба восходит ко временам Османской империи, которая имела тесные контакты с этими территориями. После ослабления отношений за период колонизации Магриба Европой и в период холодной войны, в 2000-е годы Турция начала возобновлять отношения с Магрибом.

Мягкая сила является одним из важнейших аспектов внешней политики Турции. В Магрибе Турция продвигает свою культуру через, например, Институт Юнуса Эмре, Турецкое агентство сотрудничества и координации, за счет культурных обменов, реализации образовательных программ, гуманитарной помощи. Всё большее присутствие Турции в регионе имеет неоднозначные последствия. С одной стороны, присутствие Турции способствует экономическому развитию, с другой – усиливается напряженность во взаимоотношениях с другими региональными державами, например, с Египтом, странами Персидского залива, которые не разделяют интересов Турции и видят в ней конкурента. Кроме того, вмешательство Турции в Ливию осложнило ее отношения с Европейским союзом и НАТО, особенно в том, что касается энергетических споров в Восточном Средиземноморье.

В ноябре 2023 года президент Турции Р. Т. Эрдоган принял участие во втором заседании Совета сотрудничества высокого уровня. По итогам заседания было подписано 12 соглашений о сотрудничестве в различных областях. Стоит так же упомянуть, что Алжир занимает одно из лидирующих мест среди партнеров Турции в Африке, здесь зарегистрировано около 1400 турецких компаний [10].

Россия. После введения санкций в 2022 году для России важно закрепить свое влияние в средиземноморском регионе и сохранить свое влияние на Ближнем Востоке, параллельно переориентируя свою внешнюю политику. В этой связи сотрудничество со странами Магриба позволяет России усиливать влияние и в Африке, и в арабском мире, и в Средиземноморье [4]. В регионе Магриба ключевым игроком для России на данный момент является Алжир, который после прихода к власти А. Теббуна активно развивает свою внешнюю политику в разных направлениях [3], в том числе с Россией (о чем свидетельствует подача заявки на вступление в БРИКС, отказ от импорта французской пшеницы [1], что позволило России расширять экономическое сотрудничество с Алжиром). На сегодняшний день Алжир является важным торговым партнером России в Африке, и по итогам переговоров вице-премьера правительства России Д. Патрушева с президентом А. Теббуном создаются предпосылки для укрепления связей [8]. Также более привлекательным для российской экономики становится Тунис. Страны стремятся развивать сотрудничество в сфере сельского хозяйства, где Россия может предложить свои технологии и поделиться опытом решения различных проблем в этой сфере, что в свою очередь может решить проблемы продовольственной безопасности в Тунисе [5].

Также страны Магриба привлекательны для сотрудничества в сфере туризма. Для путешествий в Марокко и Тунис россиянам не нужна виза, при условии пребывания в стране менее 90 дней. Для путешествий в Алжир пока что действует визовый режим.

США. Взаимодействие Соединенных Штатов с Магрибом претерпело значительные изменения после окончания холодной войны. Первоначально отношения были в основном направлены на поддержку антикоммунистических движений, сегодня приоритеты сместились в сторону борьбы с терроризмом, усиления экономического сотрудничества и поддержания региональной стабильности.

Соединенные Штаты активно сотрудничают со странами Магриба в сфере борьбы с терроризмом, уделяя особое внимание обмену разведданными и совместной военной подготовке. На современном этапе большое количество террористических группировок, как, например, ИГИЛ*, «Аль-Каида» в

* Организации признаны террористическими и запрещены в РФ.

странах Исламского Магриба" (АКИМ)*, «Джабхат ан-Нусра»*, «Братья-мусульмане»* базируются в регионе Сахеля, а так же могут дислоцироваться в Магрибе, что существенно влияет на безопасность в регионе [9]. Для противодействия региональным угрозам были созданы сложные разведывательные сети, предполагающие тесное сотрудничество между агентствами США и разведывательными службами Магриба. Эти механизмы направлены на отслеживание передвижений террористов, предотвращение радикализации и мониторинг потенциальных рисков для безопасности, о чем свидетельствуют отчеты Управления Директора Национальной разведки.

В связи с усилением в регионе роли России и Китая США вынуждены разрабатывать более продуманные стратегии взаимодействия в Магрибе. Несмотря на изменение динамики развития мировой энергетики, Магриб остается стратегически важным для энергетических интересов США. Инвестиции как в возобновляемые, так и в традиционные источники энергии открывают значительные возможности для взаимодействия в сфере энергетики [12]. Двусторонние торговые соглашения и экономическое партнерство сыграли важную роль в укреплении роли США в регионе. Марокко, в частности, стало ключевым экономическим партнером благодаря Соглашению о свободной торговле между США и Марокко.

Китай. КНР поддерживала связи с регионом с 1950-х годов, однако более активное взаимодействие началось с развитием Китаем инициативы «Один пояс – один путь» в 2010-х годах. В отличие от других внерегиональных акторов, КНР сотрудничает с Магрибом в первую очередь в экономической сфере.

Привлекательность Магриба для Китая обусловлена, опять-таки, расположением региона и возможностью получить доступ, в том числе морским путем, в Африку, Европу, Ближний Восток. Страны Магриба относятся к странам со средним уровнем дохода [13], что делает их привлекательными для сбыта определенных китайских товаров. Наличие двусторонних торговых соглашений между странами Магриба и США, Россией способствует усилению конкуренции внерегиональных акторов в Магрибе – китайские производители стремятся так же усилить свое присутствие в регионе.

Частью реализации инициативы «Один пояс – один путь» является участие Китая в инфраструктурных проектах в Магрибе. Одним из самых значительных инфраструктурных проектов в Алжире является автомагистраль Восток-Запад, которая значительно улучшает транспортное сообщение по всей стране. Дорога протяженностью 1216 километров была достроена в 2023 году при участии китайских компаний [14]. Мост Мухаммеда VI в Рабате, построенный в 2016 году, является одним из крупнейших вантовых мостов в Африке. Проект был построен консорциумом, в который входили китайские компании, которые демонстрировали свой опыт реализации крупных инфраструктурных проектов.

Активные взаимодействия Китая с Магрибом также имеют геополитические последствия. Инвестируя в инфраструктуру, Китай выстраивает долгосрочные партнерские отношения со странами Магриба, которые стратегически могут быть партнерами в международных форумах, как, например, в рамках Форума сотрудничества Китая и арабских государств. В 2024 г. по итогам десятой министерской встречи Си Цзиньпина с лидерами арабских государств были подписаны документы об усилении сотрудничества между Китаем и странами Лиги арабских государств, и среди прочего подписано соглашение о стратегическом партнерстве с Тунисом [11].

Таким образом регион Магриба является точкой пересечения интересов различных глобальных акторов, так как исторически, географически, политически связан и с Южной Европой, Африкой и Ближним Востоком, что дает возможность различным государствам диверсифицировать свои рынки за счет стран Магриба. Для Китая и Турции характерно взаимодействие в экономической сфере, о чем свидетельствует большое количество совместных инфраструктурных проектов. Франция и США активно взаимодействуют в сфере обеспечения безопасности, налажено взаимодействие правительств и спецслужб, также активно развивается торговля с государствами Магриба. Россия взаимодействует с Магрибом в экономической сфере (в основном агропромышленный комплекс) и сфере туризма.

Список литературы

1. Алжир отстранил крупнейшего конкурента России в закупках пшеницы // РБК : сайт. 2024. – URL: <https://www.rbc.ru/business/10/10/2024/6707d76f9a7947efd4a27075>. – Дата публикации: 10.10.2024.
2. Василенко, А. И. Магриб–2024: новый взгляд / А. И. Василенко, В. А. Кузнецов // Восточный курьер. – 2024. – Выпуск № 4. – URL: <https://oriental-courier.ru/s268684310033483-9-1/> (дата обращения: 30.01.2025)

3. Василенко, А. И. Международные организации во внешней политике Алжира / А. И. Василенко // Российский совет по международным делам. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mezhdunarodnye-organizatsii-vo-vneshney-politike-alzhira/>. – Дата публикации: 25.01.2023.
4. Жерлицына, Н. А. Перспективы сотрудничества России со странами Магриба в свете новых глобальных вызовов / Н. А. Жерлицына // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2016. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-sotrudnichestva-rossii-so-stranami-magriba-v-svete-novyh-globalnyh-vyzovov> (дата обращения: 28.01.2025).
5. Магрибное место: товарооборот РФ и Туниса может превысить... // Iz.ru : сетевое издание / МИЦ «Известия». – URL: <https://iz.ru/1796553/albert-kalashian/magribnoe-mesto-tovarooborot-rf-i-tunisa-mozhet-prevysit-2-mlrd>. – Дата публикации: 26.11.2024.
6. Орлова, С. Ю. Геополитические и экономические интересы Франции в странах Магриба / С. Ю. Орлова // Актуальные проблемы современных международных отношений. – № 8. – 2016. – С. 60-66
7. Первин, Мамед-заде. Демарш в Арабском Магрибе. Почему Алжир разорвал дипломатические отношения с Марокко // ТАСС : [сайт]. – URL: <https://tass.ru/opinions/12284699>. – Дата публикации: 2.09.2021.
8. Россия нашла новую точку входа на африканские рынки // Ura.ru. Информационное агентство : [сайт]. – URL: <https://ura.news/news/1052881911>. – Дата публикации: 29.01.2025.
9. 2022. Bureau of Counterterrorism Annual Report / United States Department of State // U.S. Department of State : официальный сайт правительства Соединённых Штатов. – URL: <https://www.state.gov/2022-bureau-of-counterterrorism-annual-report/>. – Дата публикации: 21.12.2023.
10. Calli, M. E. Türkiye, Algeria sign 12 agreements in various areas / Muhammed Enes Calli // Anadolu Ajansı : [сайт]. – URL: <https://www.aa.com.tr/en/africa/turkiye-algeria-sign-12-agreements-in-various-areas/3060869#>. – Дата публикации: 21.11.2023.
11. China, Tunisia establish strategic partnership // English.gov.cn. The State Council of the People's Republic of China : официальный сайт правительства Государственного совета Китайской Народной Республики : англоязычная коммуникационная платформа. – URL: https://english.www.gov.cn/news/202405/31/content_WS6659ae71c6d0868f4e8e7b3a.html. – Дата публикации: 31.05.2024.
12. Country Analysis Brief: Libya / prep.: the U.S. Energy Information Administration (EIA), the U.S. Department of Energy (DOE) // U.S. Energy Information Administration (EIA) : [сайт]. – URL: <https://www.eia.gov/international/analysis/country/LBY> (дата обращения: 30.01.2025).
13. The World Bank in Middle Income Countries // World Bank group : [сайт]. – URL: <https://www.worldbank.org/en/country/mic/overview> (дата обращения: 30.01.2025)
14. Après 17 ans de travaux, l'autoroute Est-Ouest enfin terminée // Le matin d'algerie : [сайт]. – URL: <https://lematindalgerie.com/apres-17-ans-de-travaux-lautoroute-est-ouest-enfin-terminee/> (дата обращения: 30.01.2025)

Статья поступила в редакцию 05.02.2025

Kentner, A. Y. *The Interests of Non-Regional Actors in the Maghreb*

This article identifies the interests of several non-regional actors (France, Turkey, Russia, the United States, and China) in the Arab Maghreb region. These interests encompass various spheres of interaction, including economic partnerships, political influence, military cooperation, cultural exchange, security initiatives, and counter-terrorism strategies. The author concludes that China and Turkey primarily cooperate in the economic sphere, while France, Russia, and the United States have broader interests, with their policies characterized by engagement in the political, economic, and military domains.

Keywords: Maghreb, non-regional actors, international cooperation, France, Russia, USA, Turkey, China

УДК 327.51:351.86

В статье проводится краткий сравнительный анализ последних изменений положений основных документов стратегического планирования Российской Федерации в сфере национальной безопасности касающихся морской деятельности, таких как Стратегия национальной безопасности РФ 2021 года, Морские доктрины РФ 2015 и 2022 годов, с точки зрения обеспечения национальных интересов России. Рассматривается трансформация национальных интересов РФ в Черноморском регионе в динамике развития современной геополитической ситуации с учетом особенностей северо-западной части Черного моря.

Ключевые слова: национальные интересы, морская доктрина, жизненно важные районы, территориальное море, исключительная экономическая зона, делимитация.

А. С. Цыганов, доцент

Севастопольский государственный университет

E-mail: a.ciganov@sevsu.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РФ: АНАЛИЗ ДОКУМЕНТОВ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В СФЕРЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ МОРСКОЙ ПОЛИТИКИ С УЧЕТОМ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ

Ровно восемьдесят назад, в феврале 1945 года, в ходе проведения Ялтинской конференции были заложены основы современного миропорядка, и несмотря на многочисленные попытки отдельных стран их разрушить, основные механизмы этой системы функционируют до сих пор. Особенностью данной конференции стало достижение лидерами «Большой тройки» приемлемых компромиссов при решении различных спорных вопросов между участниками. Невзирая на наличие существенных противоречий в национальных интересах США, Великобритании и СССР, согласие между ними было достигнуто путем предоставления взаимных уступок ради достижения общих целей. В результате компромисса участникам конференции удалось достичь соглашения по разделу сфер влияния, в первую очередь при определении границ в Европе, включая Балканский и Черноморский регионы. Эти договоренности были положены на послевоенную политическую карту мира в качестве достаточно устойчивых к изменениям границ между государствами, что дало возможность странам региона существовать без значительных территориальных споров вплоть до начала 90-х годов. Впоследствии, в результате распада Советского Союза в регионе образовались несколько новых государств таких как Украина и Молдова, а также непризнанных, как Приднестровская Молдавская Республика (ПМР). При этом необходимо отметить, что до настоящего времени в Черноморском регионе не решен один из актуальных вопросов современных международных отношений, а именно, не проведены в полной мере делимитация и демаркация государственных границ, в том числе делимитация территориального моря, между образованными новыми государствами, а также с другими черноморскими прибрежными странами.

Нарастание геополитического соперничества в современном мире между существующими центрами силы способствует резкому росту напряжённости во взаимоотношениях между черноморскими прибрежными государствами. На современном этапе исторического развития давно существующие противоречия между государствами в Черноморском регионе пришли в динамику. Следует отметить возросшую активность государств региона в стремлении отстаивать силовыми методами свои национальные интересы, при этом необходимо учитывать геополитическую целесообразность и обоснованность принятия политических решений. Учитывая историческое наследие стран региона, в том числе неоднократные изменения государственных границ в недалеком по историческим меркам прошлом, как значимый фактор понимания причин процессов, вследствие которых указанные государства пришли к нынешней ситуации, Россия возвращает утраченный контроль над своими историческими территориями. Активизация Российской Федерацией в 2022 году военно-политических и военно-технических мер, начатых в 2014 году, способствует обеспечению существующих национальных интересов в Черноморском регионе и дальнейшему расширению ее зоны влияния, в том числе и в сфере морской деятельности. Необходимо отметить, что, начиная с 2014 года, в Российской Федерации произошли существенные изменения в подходах к защите своих национальных интересов как на общегосударственном уровне, так и в сфере морской деятельности.

Это хорошо просматривается при формировании национальных интересов в соответствии с документами стратегического планирования РФ, так и при их реализации в ходе проведения практических действий российского государства военно-политического и экономического характера.

В базовом документе стратегического планирования, Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 02.07.2021 N 400, более развернуто и детальнее дано понятие «национальные интересы» и определены национальные интересы России на современном этапе с учетом развития ситуации по отношению к принятым ранее базовым документам стратегического планирования (Стратегии национальной безопасности РФ 2009 и 2015 г.). Национальными интересами являются «объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии» [4]. Национальные интересы имеют геополитическую направленность и во многом обуславливаются рядом военных, экономических и политических факторов.

Основным документом стратегического планирования, который конкретизирует и развивает основные положения Стратегии национальной безопасности Российской Федерации в сфере морской деятельности является Морская доктрина. «Новая» Морская доктрина РФ была утверждена в памятный День Военно-Морского Флота Российской Федерации Указом Президента РФ от 31 июля 2022 года № 512 «Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации». При этом, основные положения «новой» редакции Морской доктрины РФ, в которой отражены официальные взгляды российского руководства на национальную морскую политику и морскую деятельность Российской Федерации, существенно отличаются от редакции Морской доктрины 2015 года. Во-первых, в «новой» редакции Морской доктрины конкретизировано само понятие «национальные интересы РФ в Мировом океане», а также впервые использованы понятия «риски возникновения угроз национальной безопасности Российской Федерации в сфере морской деятельности», «вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации в Мировом океане». Кроме этого, раскрыто понятие «морской потенциал Российской Федерации» с четким определением перечня сил и средств. Во-вторых, значительно (в два раза) увеличено число национальных интересов России в Мировом океане – с семи до четырнадцати. Более того, при определении приоритетности национальных интересов в сфере морской деятельности проведено разделение пространства Мирового океана по значимости, в том числе определены жизненно важные и важные районы (зоны) обеспечения национальных интересов Российской Федерации. К тому же, вышеуказанные национальные интересы существенно детализированы как по своей сути, так и по территориальности [5].

Так, в Морской доктрине редакции 2015 года понятие «национальные интересы» определено в довольно обобщенном виде, как «совокупность потребностей государства и общества в сфере морской деятельности, реализуемых на основе морского потенциала Российской Федерации» [3]. А уже согласно «новой» Морской доктрине национальные интересы Российской Федерации в Мировом океане определены как «объективно значимые потребности государства и общества в сфере морской деятельности, связанные с обеспечением национальной безопасности Российской Федерации и созданием благоприятных условий для ее устойчивого развития» [5]. То есть, национальные интересы, как значимые потребности государства и общества на море, определяются именно вопросами обеспечения национальной безопасности страны, при этом обязательно должны быть созданы условия для устойчивого развития России. Кроме этого, в этом доктринальном документе впервые указано, что «национальные интересы Российской Федерации как великой морской державы распространяются на весь Мировой океан и Каспийское море» [5].

При детальном рассмотрении содержания раздела 9 «новой» редакции Морской доктрины, в котором определены национальные интересы Российской Федерации в Мировом океане, необходимо обратить внимание на ряд вновь определенных национальных интересов России, включающих усиление национального влияния в сфере морской деятельности в условиях формирующегося полицентричного мира, а также изучение и использование ресурсов Мирового океана, особенно приморских территорий Российской Федерации, что подразумевает под собой комплексное изучение и использование, в том числе, ресурсов Черного моря [5].

Кроме этого, заслуживающим внимание в «новой» редакции Морской доктрины является определение приоритетных районов (зон) и разделение районов обеспечения национальных интересов России в Мировом океане на жизненно важные, важные и другие, что в более ранних доктринальных документах РФ не встречалось. Согласно Морской доктрине жизненно важными районами, в первую очередь, являются внутренние морские воды, территориальное море и исключительная экономическая зона Российской Федерации, что в полной мере касается и северо-западной части Черного моря с 2014 года. При этом утрата контроля над жизненно важными районами может поставить под угрозу само

существование российского государства. Важными районами обеспечения национальных интересов России являются, в том числе, акватории океанов и морей, прилегающие к побережью Российской Федерации, включая Черное и Азовское моря. Эти районы (зоны) обеспечения национальных интересов России в Мировом океане значительно влияют на экономическое развитие и состояние национальной безопасности Российской Федерации [5]. По результатам сравнения основополагающих концептуально-доктринальных документов в сфере национальной безопасности России в сфере национальной морской политики, принятых за последнее десятилетие, возможно сделать вывод об значительных эволюционных изменениях.

Правовой режим для морей и океанов с учетом суверенитета всех государств для способствования международному сообщению, установления международного экономического порядка и содействия использованию ресурсов морей и океанов установлен Конвенцией Организации Объединённых Наций по морскому праву 1982 года, которая ратифицирована большинством стран мира, в том числе и Федеральным законом РФ от 26 февраля 1997 года № 30-ФЗ. Необходимо заметить, что США до настоящего времени так и не ратифицировали Конвенцию по морскому праву, впрочем, как и множество других международных соглашений. Также в Конвенции по морскому праву определены основные понятия морского права, в том числе правовой статус территориального моря, правовой режим исключительной экономической зоны, а также права, юрисдикция и обязанности прибрежных государств.

Согласно Конвенции по морскому праву на территориальное море, воздушное пространство над ним, его дно и недра распространяется суверенитет прибрежного государства. Ширину территориального моря устанавливает каждое прибрежное государство не превышающую 12 морских миль (около 22 км), отмеряемых от исходных линий [2, с. 29-30]. Исключительная экономическая зона государства включает воды, морское дно и его недра. В своей исключительной экономической зоне прибрежное государство имеет суверенные права на разведку, разработку и сохранение всех природных ресурсов, управление этими ресурсами, создание и использование искусственных островов, установок и сооружений, морские научные исследования, а также проведение других видов деятельности по использованию зоны в экономических целях. Ширина исключительной экономической зоны прибрежного государства не может превышать 200 морских миль (около 370 км) от исходных (береговых) линий, от которых отмеряется ширина территориального моря [2, с. 54-55]. При этом необходимо учитывать особенности расположения прибрежных государств и размеры Черного моря, где ширина северо-западной части моря составляет не более 300 км, а кратчайшее расстояние от крайней южной точки Крыма (м. Сарыч) до Анатолийского побережья Турции также не превышает 300 км. Поэтому делимитация исключительных экономических зон между прибрежными черноморскими государствами с противолежащими или смежными побережьями производится соглашениями между странами в соответствии с международным правом и, соответственно, границы зон могут проходить по срединным линиям на половинном расстоянии между береговыми линиями этих государств [2, с. 67]. Вышеуказанные положения Конвенции по морскому праву полностью распространяются на черноморские прибрежные государства, в том числе и РФ, которая на современном этапе владеет самой большой по размерам исключительной экономической зоной в Черном море.

Исходя из географических и социально-экономических особенностей районов моря, их геополитической и военно-стратегической значимости для государства, в Морской доктрине четко определены региональные направления национальной морской политики, которые включают, в том числе, Азовско-Черноморское направление. При этом в Черном море на основе норм международного морского права должно быть обеспечено использование водных биоресурсов, разведка и эксплуатация месторождений углеводородного сырья, прокладки и эксплуатации подводных трубопроводов, включая проведение геологоразведочных работ, актуализация данных о месторождениях полезных ископаемых и безопасное освоение экономически выгодных месторождений. Также, с учетом строительства конкурентоспособных судов морского транспорта, модернизации и развития прибрежной инфраструктуры и портовых мощностей прогнозируется рост морских перевозок экспортных и импортных грузов. Кроме того, должен быть реализован транспортно-транзитный потенциал приморских территорий путем развития международных транспортных коридоров [5].

В марте 2014 года после вхождения Республики Крым и города Севастополя в состав Российской Федерации, с учетом далеко выдающихся в море участков суши на черноморском побережье Крымского полуострова (м. Тарханкут, м. Херсонес и другие), фактически размеры территориального моря и исключительной экономической зоны российского государства в Черном и Азовском морях значительно увеличилась. Россия де-факто стала среди черноморских прибрежных стран обладателем

крупнейшей исключительной экономической зоны в Черном море, в том числе в северо-западной его части, которая чрезвычайно богата морскими полезными ископаемыми и биоресурсами.

С октября 2022 года после вхождения в состав Российской Федерации новых регионов и закрепления этого факта в Конституции РФ, также произошло значительное расширение как территориального моря, так и исключительной экономической зоны. Азовское море стало внутренним морем Российской Федерации с общей площадью 39 000 кв. км с соответствующим приобретением государством всех суверенных прав на его воды, дно, и недра. В Черном море с учетом далеко выдающихся в море участков суши Херсонской области, в первую очередь Кинбурнской и Тендровской кос, от исходных линий которых отсчитываются границы исключительной экономической зоны, Россия может претендовать дополнительно на участок акватории моря размерами более 10 000 кв. км в своих территориальном море и исключительной экономической зоне. Размер исключительной экономической зоны РФ в северо-западной части Черного моря России может достигать более 50 % от общего размера акватории этой части моря.

Указанные территориальные приобретения Российской Федерации морских вод, дна и недр в северо-западной части Черного моря значительно расширяют зону национальных интересов РФ. При этом следует обратить особое внимание на определенные особенности этого района Черноморского бассейна, по сравнению с другими частями моря, в первую очередь благодаря наличию в этом регионе большого количества полезных ископаемых и природных ресурсов, а также прохождению транзитных транспортных коридоров [1, с. 95-96]. Северо-западная часть Черноморского региона имеет важное геополитическое значение для России как важнейший перекресток морских и водных путей, соединяющий Европу, Азию и Африку, где происходит формирование и реализация новых национальных интересов России в условиях достижения целей специальной военной операции. Стоит заметить, что геополитическая ситуация в регионе имеет устойчивую тенденцию к обострению. Необходимо учитывать, что в этой части моря пересекаются границы исключительных экономических зон Российской Федерации, Румынии, Болгарии и Украины, то есть большинства черноморских прибрежных государств, а также присутствуют интересы Европейского союза, Турции и Молдовы.

В заключении необходимо добавить, что мощь государства определяется различными показателями, в том числе учитываются размеры территории страны, которая кроме сухопутной составляющей включает и морские воды. Кроме размеров территории государства, учитывается разработанность и освоенность природных ресурсов и полезных ископаемых, которые находятся также в водах, на дне и в недрах исключительной экономической зоны. Количественные и качественные значения этих показателей определяют степень влияния этого государства на международные события. Вместе с тем, важно учесть, что в современных условиях особую значимость приобретает понимание геополитических процессов и возможных сценариев реализации геополитики России посредством обеспечения своих национальных интересов как в мире в целом, так и в отдельных регионах в частности.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, необходимо отметить, что после 2014 года Россия вернулась к активной внешней политике и расширению своих национальных интересов в Черноморском регионе. Во-вторых, в последние годы четко просматривается положительная динамика развития подходов в определении национальных интересов современной России в сфере морской деятельности на этапе принятия и внедрения в жизнь концептуально-доктринальных документов, таких как Морская доктрина в редакциях 2015 и 2022 годов. Кроме этого, следует обратить внимание, что эта динамика уже четко просматривается в ходе проведения практических действий по фактическому расширению территории страны весной 2014 года и в период с февраля 2022 года по настоящее время, как сухопутной, так и морской составляющей, включая расширение исключительной экономической зоны, что подразумевает под собой и расширение зоны национальных интересов Российской Федерации в Мировом океане и прибрежных водах. При этом нельзя не учитывать, что расширение национальных интересов России в северо-западной части Черного моря формирует как определенные перспективы развития, так и военно-политические риски. К рискам можно отнести возникающие противоречия между прибрежными черноморскими государствами с учетом их региональных амбиций, а также возможные противоречия с учетом глобальных амбиций мировых акторов.

После выполнения задач специальной военной операции и завершения основных боевых действий необходимо будет заключать соглашения между прибрежными государствами Черноморского региона с обязательным проведением делимитации и демаркации государственных границ, соответственно делимитации территориального моря и исключительной экономической зоны. Поэтому Российской Федерации следует с одной стороны последовательно расширять и твердо

защищать свои национальные интересы в регионе, с другой необходимо учитывать существование национальных интересов других региональных государств. Основываясь на анализе конфликтов прошлого, в том числе происходивших в Черноморском регионе, представляется возможным предположить, что по результатам конфликта в любом случае будут достигнуты определенные соглашения и определены новые границы и зоны влияния. В связи с вышеизложенным, всем институтам государства еще до окончания конфликта, необходимо иметь четкое понимание своих национальных интересов, занимать твердую позицию в международных отношениях и одновременно проводить перспективное планирование дальнейшего развития региона в постконфликтной ситуации.

Список литературы

1. Влияние особенностей северо-западной части Черного моря на развитие морской деятельности в регионе. / А. С. Цыганов // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Морская техника и технология. – 2023. – № 2. – С. 95-100.
2. Конвенция Организации Объединённых Наций по морскому праву 1982 года: русский текст" // Организация Объединённых Наций : [официальный сайт]. – URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 09.02.2025). – Текст : электронный.
3. Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации : Указ Президента РФ от 26 июля 2015 г. // Консорциум Кодекс. Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации : [сайт]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/555631869> (дата обращения: 09.02.2025). – Текст : электронный.
4. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 // Президент России : [официальный сайт]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 09.02.2025). – Текст : электронный.
5. Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации : Указ Президента РФ от 31 июля 2022 г. N 512 // Президент России : [официальный сайт]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48215> (дата обращения: 09.02.2025). – Текст : электронный.

Статья поступила в редакцию 08.02.2025

Tsyganov, A. S. Transformation of National Interests of the Russian Federation: Analysis of Strategic Planning Documents in the Fields of National Maritime Policy Based on the Geopolitical Situation in the Black Sea Region

The article provides a brief comparative analysis of the latest changes in the provisions of the main documents of strategic planning of the Russian Federation in the field of national security concerning maritime activities, such as the National Security Strategy of the Russian Federation of 2021, the Maritime Doctrines of the Russian Federation of 2015 and 2022, from the point of view of ensuring national interests of Russia. The author considers the transformation of the national interests of the Russian Federation in the Black Sea region in the dynamics of the development of the modern geopolitical situation taking into account the peculiarities of the northwestern part of the Black Sea Region.

Keywords: national interests, maritime doctrine, vital areas, territorial sea, exclusive economic zone, delimitation.

УДК 327(470)(091)

Рассматривается особенность влияния современной геополитической картины мира на внешнеполитическую деятельность России в контексте национальной безопасности и государственной устойчивости страны в XXI веке. Обосновывается необходимость геополитических последствий при принятии внешнеполитических решений.

Ключевые слова: Геополитика «больших пространств», национальная безопасность, государственный суверенитет, многополярный мир, внешняя политика, внешнеполитическая лояльность, политика трех кругов.

А. Л. Рябцев, доцент, д-р ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: ryabtsevae@yandex.ru

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В XXI ВЕКЕ

Геополитическая карта мира в XXI веке все больше становится ареной ожесточенного противостояния держав. Диалектика развития мировых пространств не оставляет другого выбора. Встает вопрос о характеристиках и закономерностях геополитического мирового концепта и роли России в Мировом пространстве.

Россия (СССР) пережили в XX веке две глобальные геополитические катастрофы, с последствиями которых, современная Россия сталкивается до сих пор. По всему периметру границ против России ведётся широкомасштабная геополитическая война, инструментами которой, кроме военной угрозы, являются экономика, социальная сфера, культура, образование, информация и, что не менее важно сознание населения России.

В российских политических и научных кругах все больше приверженцев находит утверждение о формировании «многополярного мира» как формальная стратегия внешнеполитической деятельности России на международной арене.

Однако геополитическая картина мировых пространств отрицает многополярность, как цель, она может носить лишь промежуточное состояние. Диалектика развития мирового пространства стремится к «двухполярности», что подтверждается ходом истории XX – XXI веков.

Собственно, геополитические стратегии формировались с переходом от географического детерминизма к геополитике, с одной стороны, от анализа государства (срединной теории государств) к обоснованию «больших пространств», как обоснование мирового господства.

Уже в период научной деятельности Ф. Ратцеля, создателя теории «мировой державы» (Weltmacht) [1], геополитические идеи развивались в двух направлениях: англо-американской (морской) и европейской (континентальной) обосновывавшие два подхода в контроле над мировыми пространствами.

Представители континентального направления, среди которых наиболее известны Карл Хаусхофер (1869 – 1946 гг.), и Карл Шмитт (1888-1985 гг.), довели идею «больших пространств» до завершенной теории. В статье «Порядок большого пространства в правах народов и запрет на интервенцию пространственно чуждых сил. Введение в понятие «das Reich» в правах народов» К. Шмитт наполняет геополитическое содержание своей теории философско-правовыми и социальными смыслами [2].

Наиболее полно модель двухполюсного геополитического противостояния обосновал Карл Шмитт, обозначив непримиримое противостояние теллуократии (власть посредством земли) и талассократии (власть посредством моря). По его мнению, именно геополитика создает право, а не наоборот, так как она в конечном итоге производная исторического сознания и политической воли народов.

Однако попытки реализации идей теллуократии, осуществляемые с пренебрежением к геополитическим законам потерпели крах. Во Второй мировой войне победила талассократия.

Другой полюс геополитической мысли, получивший название «нового маринизма», появляется даже раньше, в конце XIX века. Это был период зарождения и господства геополитической теории «морской мощи», получившей название Мэхэна-Коломба. Они явились подготовительными материалами для создания целостной научной теории «морское могущество» А. Мэхэн считал, что

Евразию следует контролировать через береговые зоны, перекрыв выход к морям и океанам. Из стран, представлявших наибольшую опасность, он выделял Россию и Германию [3].

Резкое размежевание мира накануне Первой мировой войны потребовало корректировки стратегии для захвата уже самой Евразии. В этом контексте появление теории «Heartland» Хэлфорда Макиндера, как план контроля и захвата территории прежде всего России и Германии, совершенно закономерен. Геополитический закон Х. Макиндера: «Тот, кто контролирует Восточную Европу, доминирует над Heartland'ом; тот, кто доминирует над Heartland'ом, доминирует над Мировым Островом; тот, кто доминирует над Мировым Островом, доминирует над миром» [4], становится основой внешней политики талассократических государств.

Победа «морского блока» в Первой мировой войне оказалась не полной, что заставило готовиться к новому противостоянию, выразителем которого стал Николас Спикмен (1893–1944).

Интегрировав теорию «Heartland» и идею А. Мэхэна о «морской мощи» в работах «Стратегия Америки в мировой политике» (1942) и в изданной посмертно работе «География мира» (1944), Н. Спикмен сформулировал свой геополитический закон – «Кто контролирует Римленд, тот контролирует Евразию, кто контролирует Евразию, – контролирует мир» [5].

Геополитические наработки Н. Спикмена активно использовались США сразу же после окончания Второй мировой войны. «Анаконда» Н. Спикмена должна была не только сдерживать СССР, но и установить контроль над основными районами береговых зон Азии и Африки.

Однако уже в 60-е годы XX века эти планы стали давать сбой: получение независимости Индией, неудача в корейской войне, успешная антиколониальная борьба в Африке, Карибский кризис – ставили перед американской геополитикой поиск новых идей.

Несмотря на то, что военно-политическое и особенно экономическое доминирование США было преобладающим, их общепланетарная экспансия была под вопросом. Мир по-прежнему оставался двухполярными, противоположный полюс во главе с СССР постоянно усиливался.

Новая геополитическая стратегия была предложена С. Коэн, утверждавшим, что нужно отказаться от представлений Хартленда – Римленда, обосновав свои идеи в работе «География и политика в разделенном мире» [6].

Вместо идей глобального контроля над мировым пространством С. Коэн, отталкиваясь от идеи геополитической точки (региона), разделил мировое пространство на геостратегические зоны, выделив в них геополитические регионы, контроль над которыми должен обеспечить мировую гегемонию США. Для оценки уровня внешнеполитического воздействия был использован термин энтропия (от греч. – превращение). С точки зрения нежелательной «энтропии» С. Коэн определил такие государства как, Ливию, Израиль, Ирак, Иран, Кубу, что особенно показательно бывшую Югославию, которой в настоящее время уже не существует.

Г. Киссинджер подхватил концепцию «дисконтинуальных поясов». Он полагал, что «относительно «дисконтинуальных» береговых зон стратегия США должна заключаться в соединении фрагментов в единое целое и обеспечении тем самым полного контроля над Советской Евразией» [7].

«Геополитика» в СССР была объявлена буржуазной лженаукой. Тем не менее, все постулаты атлантических геополитических стратегий учитывались при принятии внешнеполитических решений. Бесспорно, такой подход носил идеологический характер. Но внешнеполитический анализ не мог опереться на российские геополитические теории «больших пространств», их просто не было. Собственно, геополитической теорией (из всех российских геополитических теорий в XIX – XX вв.) можно было признать только «Евразийство», но остановившееся на стадии «срединного государства» [8]. Более продуктивной с точки зрения геополитических конструкторов была идеология-цель «советского интернационализма».

Идеологическое целеполагание эффективно сочетается с военно-техническим ответом. Принятие «Доктрины Соколовского» в 1962 г. положило начало стратегии ядерного сдерживания, главная идея которого заключалась в мгновенном ядерном ответе на любую агрессию со стороны противника [9]. И внешнеполитические результаты не заставляют себя ждать.

Начинается действенный взлом «Римленда». СССР создает военно-политический и экономический союзы социалистических стран (СЭВ, «Организация Варшавского Договора»). Делаются эффективные внешнеполитические шаги в Африке (Египет и Эфиопия); происходит идеологическое проникновение в Гвинею и Мали; поддерживается режим Сукарно в Индонезии; не остались без внимания Конго и Куба. В орбиту Советского союза входят Вьетнам, КНДР, Лаос, Камбоджа и др. страны Евразии и Северной Африки. В марте 1960 г. создаются войска стратегического назначения.

С середины 1960-х гг. начинает реализовываться новая программа строительства Вооруженных Сил («программа Гречко-Горшкова»). Строятся крупные надводные корабли по принципу «корабль за корабль». Чтобы выдержать конкуренцию с США на просторах мирового океана, в СССР создается мощный авианосный флот. Руководствуясь классическим правилам стратегии «Морской державы», к концу 1970-х годов, СССР окружил США на всех океанских направлениях [10]. К этому времени происходит формирование оперативных эскадр ВМФ для действий в стратегически важных районах Мирового океана: 5-й – в зоне Средиземного моря (с 1967 г.), 8-й – в Индийском океане (с 1968 г.), 7-й – на Северном флоте (с 1968 г.) и 10-й – на Тихоокеанском флоте (с 1968 г.). Этот процесс также получает теоретическое обоснование.

В конце 1980-х гг. в СССР создаются авианосцы проекта 1143.5 и вводятся в строй многоцелевые АПЛ проекта 949 («убийцы авианосцев»). Для США это создает крайне сложное положение. На каждом из морских театров и по всему периметру океанских и морских границ государства для ВМФ СССР были созданы развитая инфраструктура, система базирования, судоремонта и объекты другого назначения. К началу 1985 г. ВМФ СССР достиг своей максимальной мощи. Переиграть США удалось, применяя стратегию адмирала С. Г. Горшкова и опираясь исключительно на инструменты холодной войны.

В разгар холодной войны, когда Европа становится главным театром предполагаемого военного противостояния, начальник Генерального штаба СССР маршал Огарков считал, что ставку надо делать не на бесконечное наращивание ракетно-ядерного потенциала, а на высокоточные неядерные вооружения и суперсовременные системы управления боевыми действиями. В военной теории появилось понятие «Доктрина Огаркова». Ее реализация в СССР, могла бы сильно изменить советскую армию, сделав ее самой современной и боеспособной в мире. Однако этот проект не был реализован, больше того политическая элита СССР пошла на беспрецедентные уступки как в военной, так и внешнеполитической сферах.

Мощная в геополитическом и военном плане держава потерпела поражение в глобальном геополитическом противостоянии, нарушив геополитические законы развития. Уже в позднем СССР, особенно в 80-е годы XX века началась трансформация сознания советского общества. Социальные, юридические, экономические и этические нормативы становились «текучими», дрейфуя в сторону либеральной демократии, с одной стороны, и национализма – с другой.

Отказ от идеологии-цели в борьбе с «талассократией» при М. С. Горбачеве было началом геополитической катастрофы, которая разразилась в 1991 г. в связи с распадом СССР. Попытка сблизиться с миром «Запада» была изначально невыполнимой – геополитические противоречия с ним могут быть разрешены только с победой одной из сторон. «Победившая» сторона активно стала навязывать России правовые институты, каждый из которых в той или иной мере ограничивал ее суверенитет. Российские элиты стали ориентироваться на центры идеологического целеполагания – Европу, Великобританию и США.

«Конец коммунизма» в Восточной Европе материализовал мечту Запада о «конце истории», более того Россия и новые независимые государства на бывшем постсоветском пространстве безропотно приняли навязанные им правила игры. Но отношение к России не изменилось. После победы в холодной войне и с самороспуском СССР, теперь уже объединенный «Запад» не собирался останавливаться на достигнутом. Активно продолжали развиваться геополитические проектные инструменты, но уже в рамках геополитики «больших пространств» XX века. Замячивший шанс однополярного мира ознаменовал появлению специфического геополитического инструмента, получившего название «мондиализм». Если в последние годы существования СССР «мондиализм» провозглашался в форме «теории конвергенции» и предусматривающая установление единого Мирового Правительства, то после распада «Красной империи» произошла трансформация «мондиализма» в «неоатлантизм», отрицавший существование любого мирового центра кроме США.

Своеобразным геополитическим инструментом (планом) дальнейшей гегемонии выступила работа Збигнева Бжезинского «Великая шахматная доска». В своем геополитическом эссе Збигнев Бжезинский очень четко определил отношение Запада к уже постсоветской России. Приведем для более четкого понимания основную идею автора: «Распад в конце 1991 года самого крупного по территории государства в мире способствовал образованию «черной дыры» в самом центре Евразии. Это было похоже на то, как если бы центральную и важную в геополитическом смысле часть суши стерли с карты земли» [11]. Начиная с 90-х годов XX века США последовательно претворяют план З. Бжезинского используя для этого различные инструменты политико-экономического, политического, культурного и военного характера.

Суммировав теоретические положения геополитических теорий, можно выделить ряд теоретических постулатов.

1. Геополитика наука о больших пространствах. Попытка обосновать геополитику государства – шаг в сторону географического детерминизма или политической географии (после Второй мировой войны).

2. Устойчивая русофобия Запада в XX веке имеет не столько идеологический, сколько геополитический характер.

3. Противоречия между теллуократией (власть посредством земли) и талассократией (власть посредством моря) – не разрешимы.

4. Геополитическое целеполагание (идеология – как цель) является основой любых стратегий, и именно геополитика создает право, а не наоборот.

5. В теории геополитики определены два региона в борьбе за обладание которыми будет решаться судьба мирового порядка – Тихоокеанский и Атлантический.

Современная российская геополитика, к сожалению, так и осталась на уровне анализа «срединного государства» без учета мировых геополитических процессов. Главная проблема при определении стратегического планирования российской внешней политики отсутствие идеологии-цели. Внутренние и внешние проблемы России во многом зависят именно от этого. Необходимо четкое осознание геополитической, а значит и идеологической цели российского государства на долгосрочную перспективу (не менее 30-50 лет). Внешнеполитическая деятельность лишь инструмент реализации этой цели.

Прежде чем попытаться сформулировать понимание геополитической стратегии, приведем мнение профессора И. А. Гундарова, специалиста по психодемографии, который утверждает, что – демографический провал есть следствие смыслового провала, расплата за него [12]. К сожалению, политическая элита России не избавилась от иллюзий XX века – отсюда неясность геополитического проекта (образа будущего), что, к сожалению, создало иллюзию у наших противников реализовать идею победы над Россией. США и их союзники повышают ставки в геополитической игре на Украине – ответ за Россией.

Попытки выстроить равноправное партнерство натолкнулись на серьезные экономические ограничения и жесткий диктат США и Европейского Союза прежде всего в сфере политики. Верхом цинизма стало требование отменить поправки в Конституцию Российской Федерации принятые 1 июля 2020 г., не говоря о дискриминации русских и русского языка в странах Европы и особенно в контексте военных преступлений на Украине.

Нами уже предлагалась тактика внешнеполитической деятельности в виде политики трех кругов [13]. Однако экономический детерминизм во внешнеполитической деятельности заставляет элиты России с завидным упорством стучаться в давно закрытые двери. Наверное, уже пара закончить с иллюзиями по поводу Европы и США. Ни о каком сотрудничестве в ближайшей перспективе говорить не приходится. Кроме этого, нами предлагалось провести широкомасштабную ревизию международных договоров как политических, так и экономических [13]. Экзистенциальный конфликт с Европой и США обнулили наши обязательства и прежде всего перед странами НАТО. Действия Турции в Сирии и на Украине обнуляют наши обязательства в ее отношении, а также и в отношении некоторых постсоветских государств. Введение индекса внешнеполитической лояльности к России вполне обоснованный и необходимый шаг.

Надежды на приход новой администрации США или лояльных политических режимов в Европе несостоятельны, конфликт с ними будет продолжаться и в будущем, а значить нам нужна политика стратегия – цель независимо от геополитической конъюнктуры. Активное сотрудничество в рамках БРИКС не может считаться стратегией или стратегической целью, это возможный механизм реализации цели (стратегии). Формирование стратегии внешнеполитической деятельности России невозможно без целеполагания (идеологии-цели). Только после этого могут быть разработаны эффективные инструменты усиления влияния России в мире.

Список литературы

1. Ратцель, Ф. Политическая география. Геополитика : хрестоматия / Ф. Ратцель ; сост. Б. А. Исаев. – Санкт-Петербург : Питер, 2007. – С. 15-36.
2. Дугин, А. Г. Геополитика / А. Г. Дугин. – М. : Академический Проект : Гаудеамус, 2011. – С. 202, 206.
3. Федоров, Н. В. Идеи А. Т. Мэхэна и военно-морская политика великих держав на рубеже XIX — XX вв. / Н. В. Федоров // Военно-исторический журнал. – 2012. – № 12. – С.15-21.

4. Маккиндер, Х. Д. Демократические идеалы и реальность / Х. Д. Маккиндер // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 2. – С. 134 -144.
5. Spykmen, N. Geography of Peace / Nicholas John Spykman ; Yale University, Institute of International Studies. – New York : Harcourt : Brace, 1944. – 66 p.
6. Cohen, S. B. Geography and Politics in a Divided World / Saul Bernard Cohen. – London : Methuen, 1964. – XXIII, 351 p.
7. Kissinger, H. A. The Necessity for Choice: Prospects of American Foreign Policy / H. A. Kissinger. – New York : Harper, 1961. – 370 p.
8. Мир России – Евразия : антология / сост.: Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. – М. : Высшая школа, 1995. – 396 с.
9. Родионов, И. Н. О некоторых положениях советской военной доктрины / И. Н. Родионов // Военная мысль. – 1991. – №3. – С.5.
10. Горшков, С. Г. Морская мощь государства / С. Г. Горшков. – М. : Воениздат, 1976. – 418 с.
11. Бжезинский, З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / З. Бжезинский. – М. : Международные отношения, 1999. – 256 с. – С. 108.
12. Гундаров, И. А. Демографическая катастрофа в России: причины, механизм, пути преодоления / И. А. Гундаров. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 208 с. – С. 80-81.
13. Рябцев, А. Л. Внешняя политика России в условиях кризиса однополярного мира в XXI веке. Морская стратегия и политика России в контексте обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития в XXI веке / А. Л. Рябцев // Сборник научных трудов. – Севастополь : ЧВВМУ имени П.С. Нахимова, 2023. – С. 53–57.

Статья поступила в редакцию 02.02.2025

Ryabtsev, A. L. *Geopolitical Foundations of Russia's Foreign Policy in the 21st century*

The article considers the influence of the modern geopolitical worldview on Russia's foreign policy in the context of national security and stability of the country in the 21st century. The author substantiates the necessity of geopolitical implications in making foreign policy decisions.

Keywords: geopolitics of "large spaces", national security, multipolar world, state sovereignty, foreign policy, foreign policy loyalty, policy of three circles.

УДК 322(470)(091)

Рассматривается проблема взаимоотношений Церкви и государства в контексте исторического развития России на основе учёта взаимного влияния христианских канонов и государственных законов о религии. Особое внимание уделено взаимодействию Русской православной церкви и военной составляющей власти, при учёте законодательного отделения Церкви от государства.

Ключевые слова: государство, христианство, Церковь, Россия, война, власть, священство, общество.

А. И. Бояркин, доцент, канд. пед. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: aiboyarkin@mail.sevsu.ru

СИМФОНΙΑ ДУХОВНОСТИ И ВЛАСТИ В ИСТОРИИ РОССИИ

Духовность – это моральные традиции, которые объединяют общество, влияющие на национальную идентичность и укрепляющие суверенитет государства. Применительно к личности человека – духовность можно ассоциировать с совестью человека.

Идеологическая и духовная составляющая государства является жизненной необходимостью его существования. История подтверждает тот факт, что отсутствие какой-либо из них приводит к разрушению государства.

Церковные организации играют важную роль в современном обществе России. Деятельность христианских, мусульманских и буддийских объединений охватывает широкий спектр сфер – от культуры и духовности до правовых, экономических и политических аспектов.

Религиозный фактор существенно влияет на общественные процессы, особенно в контексте межэтнических и межконфессиональных отношений, способствуя укреплению нравственных ценностей в общественном сознании.

Сегодня вопрос взаимодействия церкви и государства остаётся особенно актуальным. Большинство населения России идентифицируют себя с православной традицией. Учитывая, что крупнейшей и наиболее структурированной религиозной организацией страны является Русская православная церковь Московского патриархата, активно взаимодействующая с государственными структурами, становится очевидной важность детального изучения этих взаимоотношений. Власть в лице государства является тем сдерживающим фактором, который заставляет людей стремиться к справедливому обществу.

Уважение к государственной власти всегда было настоятельным требованием Церкви, независимо от моральных ценностей этой власти. Православные христиане в своих молитвах всегда поминают государство и власть. Примером служит прошение в сугубой ектенье на богослужении: «Ещё молимся о Богохранимой стране нашей, властях и воинстве её, да тихую и безмятежную жизнь проведём во всяком благочестии и чистоте» [5, с. 101].

Ещё в античности философ и богослов Аврелий Августин Блаженный в трактате «О граде Божием» писал, что светская государственная власть нестабильна и подвержена распаду по сравнению с объединением людей, созданным на основе духовных традиций. В то же время он считал, что светская государственная власть дана людям свыше, чтобы в мире был хоть какой-то порядок, поэтому в соответствии с принципом «Богу – богово, кесарю – кесарево» люди должны подчиняться законному правителю. Позднее Фома Аквинский в своих произведениях «Сумма теологий» и «О правлении государей» писал, что Бог осуществляет управление Мирозданием и вверяет власть Правителю. Роль Церкви заключается в осознании божественных законов и доведении их до государей. То есть, государство от Бога и его целью является общее благо и законность.

Однако встаёт вопрос, если вся власть от Бога, то почему в мире столько несправедливости, почему на вершине власти появляются тираны, властолюбцы, диктаторы, убийцы? Почему Господь попускает такое?

Здесь необходимо разделить два понятия. Возникает дилемма. Первое – без государственной власти общество выжить и развиваться не может и действительно, понятие власти – от Бога. Второе – всё что делает власть, это от человека, которому Бог дал свободную волю. И тот, кто стоит у власти и пользуется её выгодами для своих амбиций всё равно будет отвечать здесь перед обществом и спасением своей души перед Богом. В Евангелии от Луки есть предупреждение: «И от всякого, кому дано много, много и потребуется, и кому много вверено, с того больше взыщут» [4, с. 64].

В данной ситуации отрицать государственную власть и впадать в анархию, нельзя. Поэтому в Священном Писании апостол Павел, обращаясь к христианам Рима, сформулировал необходимость взаимодействия их с властями: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение. Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых» [4, с. 203].

В истории мы видим существование различных моделей взаимоотношения государства и Церкви. Первая модель предполагает отсутствие государственной религии и равное отношение ко всем конфессиям без выделения привилегированных. Религиозная модель, напротив, основывается на том, что власть принадлежит духовной элите, как это реализовано, например, в Ватикане. В клерикальной модели религиозные институты оказывают влияние на государственную политику через законодательно закреплённые механизмы, а также обязательное изучение теологии в образовательных учреждениях. В смешанных моделях, несмотря на декларируемое равенство всех религий, определённые традиционные конфессии могут обладать особыми привилегиями и участвовать в формировании государственной политики.

В православной традиции сложилось особое представление о гармоничном взаимодействии государства и Церкви. Однако поиск оптимального соотношения между божественным и человеческим в общественной жизни остаётся открытым вопросом. Нахождение этого баланса является ключевым условием устойчивого развития общества и личности. Исторически реальное взаимодействие Церкви и государства на Руси началось с распространения христианства. Крещение Руси в 988 году оказало влияние на развитие не только государства, но и всего мира. Языческая Древняя Русь превратилась в новое сильное христианское государство, объединившее большинство славянских племён единой верой. Для нас севастопольцев, особое значение приобретает место Херсонес – Корсунь – Севастополь, как сакральное место, и как Москва со временем, начиная с 9 века, являлся точкой духовной сборки русского народа. Можно говорить, что именно отсюда есть, пошла земля русская православная. Именно отсюда на всю территорию нашего государства-цивилизации транслировался уникальный духовно-нравственный, ценностный код.

Христианство становится государственной религией, проникая во все сферы жизни общества. В этот период очень важным становится вопрос, как избежать смешения церковных и государственных дел. История Руси показывает, что борьба за полную власть в государственном управлении между Церковью и мирской властью приводила к серьёзным нестроениям в обществе. Примером может служить деятельность патриарха Никона, приведшая к расколу не только в Церкви, но и в обществе. До сих пор раскол старообрядчества полностью не преодолен.

Сегодня в нашей Конституции отмечено: «Российская Федерация – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом» [1, с. 4]. Церковь получается полностью отделена от государства, однако является важнейшей частью общества, как хранительница традиционных духовно-нравственных ценностей, обеспечивающих государству историческую память и суверенитет. Принцип светского государства не следует трактовать как полное устранение религии из общественной жизни, запрет на участие религиозных организаций в обсуждении значимых общественных вопросов или лишение их права высказывать мнение о действиях властей. Светскость подразумевает разграничение компетенций государства и Церкви, а также их невмешательство во внутренние дела друг друга.

Русская православная церковь Московского патриархата поддерживает невмешательство государства в церковные дела. Это обусловлено событиями нашей истории, когда православие являлось государственной религией Российской империи, что в своём большинстве, привело к искажениям в религиозной жизни общества.

Упразднение патриаршества при императоре Петре I и создание Священного синода на протяжении двух столетий привело к серьёзным последствиям вмешательства государства в церковные дела. Возглавлявший Синод обер-прокурор был светским чиновником. Часто на этом посту встречались люди, имеющие низкие моральные качества и даже не воцерковлённые, как, например,

граф Д. А. Толстой, который практически загубил реформу духовного образования в России. Решением императора Николая I почти на пятьдесят лет был приостановлен Синодальный перевод Библии на русский язык.

Не осталось без серьёзных последствий и вменение Церкви не свойственных ей обязанностей контроля за жизнью не только прихожан, но всего общества в целом. Неприемлемым была обязанность священников информировать полицию о людях, которые на исповеди признавались в своих грешных поступках или мыслях против государственных устоев. В последний период тайна исповеди была восстановлена, однако доверие к Церкви было подорвано. Кроме этого государство обязало Церковь заниматься чисто мирскими делами: регистрировать браки, учитывать регулярность причащения людей.

Дьякон Игорь Цуканов очень чётко показал моменты вмешательства государства в церковную жизнь: «В синодальный период сложилась печально известная традиция причащаться один раз в год. Родилась она из той же самой попытки власти регламентировать духовную жизнь своих граждан. Еще в 1716 году Петр издал указ об обязательном ежегодном причащении всех православных христиан. И вплоть до начала XX века госслужащие были обязаны ежегодно предоставлять по месту службы справку о прохождении таинств Исповеди и Причастия. Вводились все эти требования с благой целью – мотивировать христиан причащаться хотя бы раз в год. Но в народе это быстро перетолковали как предписанную государством норму. Приходили в храм раз в год (чаще всего Великим постом), исповедовались, приступали к Чаше, брали у священника заветную справку – и исчезали до следующего года, продолжая числиться православными христианами» [6].

То же относилось и к студенчеству. Перед сдачей экзамена студент обязан был предоставить экзаменатору справку от священника об исповеди и причастии.

На современном этапе в Основах социальной концепции Русской православной церкви определены государственно-конфессиональные отношения.

«Религиозно-мировоззренческий нейтралитет государства не противоречит христианскому представлению о призвании Церкви в обществе. Однако Церковь должна указывать государству на недопустимость распространения убеждений или действий, ведущих к установлению всецелого контроля за жизнью личности, ее убеждениями и отношениями с другими людьми, а также к разрушению личной, семейной или общественной нравственности, оскорблению религиозных чувств, нанесению ущерба культурно-духовной самобытности народа или возникновению угрозы священному дару жизни. В осуществлении своих социальных, благотворительных, образовательных и других общественно значимых программ Церковь может рассчитывать на помощь и содействие государства. Она также вправе ожидать, что государство при построении своих отношений с религиозными объединениями будет учитывать количество их последователей, их место в формировании исторического культурного и духовного облика народа, их гражданскую позицию» [2, с. 32].

Со своей стороны, Церковь тоже не должна вмешиваться в государственное управление. С апостольских времён, чтобы не смешивать церковные и государственные функции священнослужителям запрещалось участвовать в каком бы то ни было государственной деятельности. Это запрещение основывается на апостольских правилах и решениях седьмого Вселенского собора, где говорится: «Епископ, или пресвитер, или диакон, да не приемлет на себя мирских попечений. А иначе да будет извержен от священного чина» [3, с. 628].

К сожалению, наша Церковь имела отрицательный опыт, когда в период перестройки в 1990 году, священник Глеб Якунин избрался в Верховный совет. Но уже в 1993 году, согласно каноническим правилам он был лишен за это сана священника, предан анафеме и отлучен от церкви, отказавшись покаяться.

Современное отношение Русской православной церкви к участию священнослужителей в работе с государственными структурами выражено в решениях Священного Синода, который состоялся в Москве 27 декабря 2024 года. В документе «О светской трудовой деятельности священнослужителей» особо подчеркнуто что недопустимыми для клирика являются такие сферы деятельности как воинская служба и всякая вообще государственная служба, предполагающая возможность участия в боевых действиях или использовании оружия.

Государство ведёт войны и очень важно понимать, что Церковь с осуждением и отрицанием относиться к войне, кем бы она ни велась и по какому бы поводу. Война – это жестокость, озлобленность, кровопролитие, а христианство – это религия любви, милосердия и мира. Таким образом, война отвратительна самому существу христианства. Но тут надо понимать, что христианство возвещает не только прощение, но и праведное возмездие, а законы Иисуса Христа даны для христианского религиозного общества верующих во имя Его – для царства Божия, а не для земного

государства. В основе войн лежат постоянные, в этом земном нашем существовании неотвратимые причины и прежде всего в нравственном состоянии человечества.

Церковь, признавая войну несчастьем, не накладывает строгого запрета на участие христиан в боевых действиях, если речь идёт о защите близких и восстановлении справедливости. В таких случаях война рассматривается как вынужденная мера, хотя и нежелательная. В Ветхом и Новом Заветах не содержится категорического запрета на ведение войны. Моисею были даны не только заповеди, запрещающие убивать, но и наставления о ведении военных действий. Более того, в ряде случаев Бог повелевал израильтянам начинать войны против народов, проявивших нечестие.

Война, согласно Божьему Промыслу, стала инструментом, с помощью которого еврейский народ завоевал себе землю. Совместное существование с народами, погрязшими в идолопоклонстве и пороке, представляло угрозу для иудеев, поэтому войны такого рода в Священном Писании поощрялись.

В Новом Завете отношение к войне имеет противоречия. Хотя в Евангелии от Луки и Деяниях апостолов не осуждается военная служба и нет требований её оставить.

Исходя из этого, можно заключить, что нравственная оценка войны зависит от целей, которые она преследует. Церковь может благословить войну, если она направлена на защиту святых ценностей, предотвращение насилия и спасение невинных. Отказ от защиты слабых, напротив, может быть расценён как попустительство злу.

Согласно канонам Русской православной церкви, священнослужители и монашествующие не должны участвовать в боевых действиях. Более того, если священник совершил убийство, даже в условиях войны, он теряет право на священнослужение.

Тем не менее, история России знает случаи, когда духовенству приходилось применять оружие. Например, схимонахи Пересвет и Ослябя, участвовавшие в Куликовской битве, и были канонизированы. В Смутное время монахи Троице-Сергиева монастыря мужественно защищали обитель от польско-литовских войск на протяжении полутора лет.

Помимо участия в сражениях, священнослужители всегда выполняли важные пастырские функции в военное время. Они не только совершали религиозные обряды, но и поддерживали воинов духовно, помогали раненым, вдохновляли солдат и несли служение в самых сложных условиях. им.

В критические моменты истории нашей Родины только взаимодействие Церкви и власти реально помогало отстоять независимость и суверенитет нашего государства. Вспомним примеры такого взаимодействия.

Битва на льду Чудского озера по праву считается одной из наиболее значимых битв в российской истории. Это сражение, произошедшее в начале апреля 1242 года, стало противостоянием между войсками Новгородской республики, возглавляемыми святым князем Александром Невским, и армией крестоносцев Ливонского ордена. Победа новгородцев имела огромное значение – поражение могло бы изменить ход российской истории, однако благодаря стратегическому таланту Невского враг был повержен.

К концу четырнадцатого века российские княжества объединились вокруг Москвы, что сыграло решающую роль в победе на Куликовом поле в 1380 году. Великий духовный наставник Сергей Радонежский благословил Дмитрия Донского на этот подвиг, а митрополит Алексей сыграл важную роль в подготовке князя к исторической битве, заложив тем самым основы будущего могущества российского государства.

В период Смутного времени церковь вновь сыграла ключевую роль в сохранении государственности. Благословение патриарха Гермогена вдохновило нижегородское ополчение под предводительством Кузьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского на освобождение Москвы в 1612 году. Значительный вклад в это событие внесли духовные лидеры – протопоп Савва Ефимьев и келарь Троице-Сергиевой лавры Авраамий Палицын, поднимавшие боевой дух воинов.

Особое место в памяти крымчан занимает Крымская война 1853–1856 годов, ставшая трагическим испытанием. Священнослужители не только разделяли все тяготы военных действий с солдатами и моряками, но и поддерживали их духовно, напутствуя на защиту Родины. Их служение было бескорыстным, направленным не на земные награды, а на высшие духовные идеалы. В ходе войны многие священники были ранены или погибли, исполняя свой долг.

Военное духовенство принимало участие и в других значимых битвах. В Бородинском сражении 1812 года многие священники, вооружённые лишь крестом и молитвой, вдохновляли солдат на подвиг. Согласно воспоминаниям военного историка, А. И. Михайловского-Данилевского, гвардейские полки, перед которыми шли священнослужители в полном облачении, неизменно добивались успеха в бою.

Институт полковых священников в годы русско-японской и первой мировой войны оказал существенное содействие в поднятии морального духа наших войск. Много духовенства Русской

Православной Церкви хотело служить на передовой с оружием, но на заседании Святейшего Синода было решено категорически запретить это им, исключая духовные должности. В этот период общее число убитых и умерших от ран священников превышало 100 человек.

Проявления патриотической деятельности Русской Церкви в годы Великой Отечественной войны были очень многообразны. Многие клирики, вернувшиеся из лагерей и ссылок, были направлены в Красную армию. Многие из них награждены орденами и медалями.

Священнослужители оказывали поддержку бойцам Красной армии, помогая укрываться от преследования тем, кто отстал от своих частей или сбежал из лагерей для военнопленных. Они активно вели патриотическую пропаганду среди мирного населения, а нередко и сами вступали в ряды антифашистских формирований. Особенно широко было распространено участие духовенства в сопротивлении на оккупированных территориях, где они становились частью партизанского движения, оказывая содействие борцам за освобождение. Яркий пример подвига явил святитель Лука архиепископ Симферопольский и Крымский, будучи одарённым хирургом спас тысячи жизней красноармейцев и был удостоен высшей Сталинской премии 1 степени.

Специальная военная операция России показала необходимость сегодня в полной мере задействовать опыт Русской православной церкви в воспитании воинов в духе православных традиций по защите нашей Родины. Церковь сегодня молится о христолюбивом воинстве нашей страны, своего государства, об упокоении погибших воинов, о спасении плененных. Более пятидесяти священников Русской православной церкви сегодня находятся в войсках, а зачастую и на передовой. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл назвал по именам шестерых военных священников, погибших от рук украинских фашистов. Он отметил, что священнослужители погибли при исполнении пастырского долга, высоко оценив молитвенную практику участников спецоперации, особенно тех, кто молится перед боем. Он подчеркнул, что молитва военных – это «крик души», способный творить чудеса. По его словам, беседа бойцов с Богом творит чудеса.

В заключении хочется отметить, что история развития государств показывает, что там, где уделяют особое внимание развитию и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей, носителями которых являются религиозные организации, а для России это Православная Церковь, а также плодотворное сотрудничество Церкви и государства это всегда приводит к процветанию общественной жизни.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. : с учетом поправок, внесен. Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ] // Российская газета – 2009. – 21 янв.
2. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека. – М. : Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2018. – 176 с.
3. Правила Святых Вселенских Соборов. – Тутаев : Православное братство святых князей Бориса и Глеба, 2001. – 1437 с.
4. Священное Евангелие. – М. : Издательство Московской Патриархии, 2014. – 696 с.
5. Служебник. – М.: Издательство Московской Патриархии, 2009. – 592 с.
6. Цуканов, И. Дьякон Синодальный период: 10 наивных вопросов об одном из самых неоднозначных периодов в истории Русской Церкви // Фома : электронный журнал. – 2021. – Вып. 2. – URL: <https://foma.ru/sinodalnyj-period-10-naivnyh-voprosov-ob-odnom-iz-samyh-neodnoznachnyh-periodov-v-istorii-russkoj-cerkvi.html> (дата обращения: 04.01.2025).

Статья поступила в редакцию 25.01.2025

Boyarkin, A. I. *The Symphony of Spirituality and Power in the History of Russia*

The relationship between church and state in the context of the historical development of Russia is considered on the basis of mutual influence of Christian canons and state laws regulating religious belief. The article focuses on the interaction between the Russian Orthodox Church and military power taking into account the legislative separation of church and state.

Keywords: state, Christianity, church, Russia, war, power, priesthood, society.

УДК 141.33+271.2-587

В статье осуществляется компаративный анализ учений о любви и молитве в философско-мистических традициях православного исихазма и мусульманского суфизма. Делается вывод о наличии общих и индивидуальных особенностей исихазма и суфизма. Опираясь на учение о трансцендентно-имманентной сущности Абсолюта, они рассматривают любовь и молитву как важнейшие условия мистической теории и практики на пути к духовному совершенству. Утверждается, что любовь и молитва – это неразрывно связанные концепты. Делается акцент на бескорыстии и самоотречении в проявлении любви, говорится о важности внимательности во время молитвы и ее непрерывности. Различия между исихазмом и суфизмом проявились в понимании сущности любви и методах молитвы.

Ключевые слова: Абсолют, трансцендентно-имманентный, мистическая традиция, тварное, нетварное, обожение, синергия, фана, бака, зикр

С. Г. Суворова, ст. преподаватель

Херсонский государственный педагогический университет

E-mail: MargaritkaSu@yandex.ru

КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ УЧЕНИЙ О ЛЮБВИ И МОЛИТВЕ В ИСИХАЗМЕ И СУФИЗМЕ

Современная философия религии и религиоведение утверждают ценность метода компаративного исследования религий мира. Именно такой подход дает возможность преодолеть внутриконфессиональный субъективизм и перейти к научному объективному анализу религиозных учений. Цель компаративного метода: найти общее и индивидуальное в теории и практике религиозного учения. Объектом научного исследования могут быть также религиозно-мистические учения, которые оказались совсем недавно в центре внимания из-за своего богатого опыта познания Абсолюта и преображения человека. Среди важнейших особенностей мистического опыта, во-первых, стремление к онтологическому единству с Абсолютной реальностью, а, во-вторых, качественная трансформация личности и сознания человека [5, с. 196, 199].

Научное исследование феномена мистики началось только в XX веке. К нему причастны как отечественные, так и зарубежные философы и ученые. Прежде всего, необходимо отметить работы Э. Андерхилл, Н. Бердяева, С. Булгакова, У. Джемса, Р. Джонса, А. Маслоу, Е. Торчинова, У. Стейса, У. Уэйнрайта, Ф. Хаппольда, Д. Холлинбэка, М. Элиаде, С. Элвуда. Одним из важнейших направлений исследования явилась проблема типологии мистической теории и практики. Полностью соглашусь с мнением С. Н. Булгакова, что «религиозная философия не знает более центральной проблемы, нежели о смысле божественного Ничто» [1]. Именно поэтому типология религиозно-мистических учений, прежде всего, основана на представлении об Абсолютной реальности, которая лежит в их основе.

Один из типов философско-религиозного мировоззрения можно определить как трансцендентно-имманентный. Он представляет собой такое мировоззрение, в котором божественное начало одновременно и превосходит (трансцендентно), и присутствует (имманентно) в сотворенном мире. Этот тип лучше всего представлен в христианстве и исламе. Сформировавшиеся на их основе мистические учения можно отнести к интеграционным трансцендентно-имманентным традициям, потому что они направлены на объединение идеального и материального, абсолютного и феноменального бытия [4, с. 35]. В таких традициях основным методом мистической практики, направленной на преодоление разрыва между двумя уровнями бытия, становится любовь. Именно любовь рассматривается как трансформирующая сила, способная преодолеть пропасть между божественным, вечным и совершенным бытием Бога и несовершенным, ограниченным миром человеческого существования.

Целью статьи является компаративный анализ особенностей мистического метода двух интеграционных трансцендентно-имманентных традиций – православного исихазма и мусульманского суфизма.

Любовь и молитва в трансцендентно-имманентной традиции православного исихазма. Онтологическое и антропологическое учение христианства качественно отличается от всех известных до него философско-религиозных учений. Впервые возникает учение об Абсолюте как Святой Троице. Трансцендентная божественная природа была объявлена единством Божественной сущности

Божественных энергий, которые несводимы друг к другу. Отцы Церкви провозгласили сущность Бога непознаваемой для человека, но все-таки допустили возможность её мистического познания через познание божественных «нетварных» энергий. По мнению Н. С. Жиртуевой, православную мистику можно определить как *трансцендентно-имманентную (антиномическую)* [4, с. 112].

Столь же уникальным является и христианское учение о человеке, которое утверждает, что более всех других существ человек сотворен по образу Святой Троицы. Он также объявляется единством непознаваемой сущности, составляющей основу его личности, и «тварных» человеческих энергий, с помощью которых совершается процесс творчества. По сути, вся жизнь человеческая становится творческим процессом, смыслом которого является «обожение» человеческой личности (греческое *θεωσις*, «теозис»). Оно подразумевает, что человек может проникаться Божественными энергиями и соединяться с Богом, и это «соединение» составляет суть состояния святости. Именно обожение становится целью мистической практики православного исихазма. Оно достигается только путем синергии – взаимного стремления Бога и человека друг к другу [4, с. 112-113]. Синергия означает совместное действие, соработничество. Это означает, что человек не пассивно принимает божественную благодать, а активно сотрудничает с Богом в своем спасении и преображении.

Христианство провозгласило, что «Бог есть Любовь» (1 Ин. 4, 8), что из Любви рождено бытие и ею наполнено. Таким образом, сущностью Бога была утверждена любовь, которая отныне является основным способом соединения тварного и нетварного бытия, основным методом мистической практики исихазма.

Согласно учению исихазма, любовь является не только свойством Бога, но и фундаментальной основой самого бытия. Бытие не просто создано из любви, но и постоянно поддерживается ею, являясь выражением божественной любви во всех своих проявлениях. Любовь не ограничивается актом творения, но пронизывает все аспекты существования, делая мир выражением божественной сущности. Таким образом, любовь становится не только источником, но и непрерывным условием существования мира и человека.

Православное учение утверждает Бога как Абсолютную личность, поэтому любовь приобретает личностный характер. Это троичная любовь, которая подразумевает умение любить Бога, самого себя и ближнего. Но при этом каждый человек не теряет своей индивидуальности. Любовь есть сила, объединяющая всё во единое, сохраняя при этом индивидуальность каждого.

Любовь к Богу рассматривается как высшая форма любви, сознательное стремление к единению с Божеством. Она трансформирует личность, ведет к освобождению от эгоизма и духовному росту. Как указывает А. И. Осипов, «духовное единение с Ним является конечной целью устремлений человека и величайшим для него благом» [10, с. 50]. Эта форма любви, однако, не ведет к растворению или слиянию божественного и человеческого. Напротив, трансцендентно-имманентная мистика подчеркивает союз любви между совершенной, Божественной личностью, и несовершенной, человеческой личностью. Это союз, в котором Бог и человек находятся в глубокой и взаимообогащающей синергийной связи.

Любовь к себе, в отличие от эгоистичного самолюбования, подразумевает принятие себя как образа и подобия Бога. Поэтому любовь к себе подразумевает стремление к самосовершенствованию и раскрытию своего духовного потенциала – то есть достижению состояния обожения.

Любовь к ближнему рассматривается как неотъемлемая часть троичной любви: «Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас» (Ин. 15: 12). Преподобный Антоний Великий говорит: «Ближний наш – наша жизнь и наша смерть. Если мы приобретём брата, мы приобретём Бога, а если оскорбим брата, мы оскорбим Бога» [2, 1:5:22]. Любовь к ближнему проявляется в сострадании, милосердии, прощении, и готовности служить другим. Эта любовь не ограничивается узким кругом родственников или друзей, но распространяется на всех людей без исключения, проявляя доброжелательное отношение ко всем. Преподобный Максим Исповедник говорит: «Если одних ненавидишь, а других ни любишь, ни ненавидишь; иных любишь, но посредственно, а иных любишь очень сильно; то из сего неравенства, познай, что ты далек еще от совершенной любви, которая внушает любить равно всякого человека» [3, III:12:10]. Любовь видит в каждом человеке не объект для манипуляции, а образ Божий, достойный уважения и принятия. Она не порабощает, а освобождает, не требует, а дарит, не потребляет, а творит. Справедливы слова Преподобного Паисия Святогорца: «Того, у кого настоящая любовь, не волнует, оценят его любовь тли нет. Жертву, которую он совершает ради ближнего по чистой любви, он даже не помнит» [12, V:3]. Любовь здесь не дефицит, а избыток, который естественно изливается на окружающих. Любовь является ключом к уподоблению Богу и к духовному преображению. Об этом говорит святитель Иоанн Златоуст: «Быть близко или далеко от Бога зависит только от самого человека, потому что Бог везде» [9, с. 6]. Таким образом,

истинная любовь безусловна и бескорыстна. Она не стремится к власти и подчинению, она не ставит условий и не ждет награды. Она предоставляет свободу другому, позволяя ему быть самим собой, не пытаясь его изменить или контролировать. Истинная любовь, напротив, видит в каждом человеке уникальную и ценную личность, достойную уважения и принятия.

Опыт христианских подвижников учит, что невозможно приобретение истинной любви, если не будет смирения через осознание своей греховности. Смирение же приобретается в борьбе со всяким возникающим в душе грехом путем покаяния и молитвы, которые являются важнейшими условиями очищения сердца от страстей.

Молитва рассматривается как плод любви, как диалог творения со своим Творцом, а также способ получения божественной благодати. Это, по выражению Исаака Сирина, «всякая беседа (с Богом), совершаемая втайне (внутренно), всякое попечение доброго ума о Боге, всякое размышление о духовном» [8, с. 231].

В христианской традиции молитва проявляется в различных формах, которые можно классифицировать по содержанию и цели. Наиболее распространенная классификация включает в себя просительную, благодарственную и славословную молитвы. Просительная молитва рассматривается как низшая форма молитвы и характеризуется обращением к Богу с конкретными нуждами и желаниями, с осознанием своей немоги и зависимости от Его помощи. Как правило, она рождается страданиями и страхом, лишняя любви и доверия. Но такая несовершенная молитва может стать началом мистического пути.

Высшая (духовная) молитва преодолевает страх, тревогу, сомнения. Это молитва любви-доверия, благодарности и благоговения перед Абсолютом. Важно отметить, что у ее истоков находится учение о непрестанной молитве (*ἀδιάλειπτος προσευχή*), берущее свое начало в Священном Писании. Апостол Павел в Первом послании к Фессалоникийцам призывает: «Непрестанно молитесь» (1 Фес. 5:17). Этот призыв, наряду с другими текстами, такими как «должно всегда молиться» (Лк. 18:1), формирует богословскую основу для практики непрестанной молитвы.

Интерпретация этих текстов святыми отцами и богословами часто приводит к выводу о том, что непрестанная молитва – это не только формальное действие, но и постоянное состояние ума и сердца, направленное к Богу. Преподобный Исаак Сириянин говорит: «Кроме непрестанной молитвы, мы приблизиться к Богу не можем». Святые отцы говорят также, что «если ты молишься только тогда, когда встал на молитву, – то ты никогда не молишься» [11, с. 8].

В христианской духовной традиции, непрестанная молитва рассматривается не только как форма благочестия, но и как необходимая стратегия в борьбе с искушениями, а также как способ достижения постоянного богомыслия. Искушения, понимаемые как нападки на ум и чувства, требуют непрестанного духовного бдения и обращения к Богу за помощью.

Есть несколько форм непрестанной молитвы. Святой Василий Великий рассматривает непрестанную молитву как непрекращающееся состояние богомыслия, т.е., постоянного памятования о Боге и осознания зависимости от Него во всех аспектах жизни. Как он учит, «молиться надобно всегда, при всяком случае... Таким образом, непрестанно будешь молиться, не в словах заключая молитву, но через все течение жизни приближаясь к Богу, чтобы жизнь твоя была непрерывною и непрестанною молитвою» [11, с. 8]. Это центральная тема в его богословии и аскетическом учении. Молитва – это не просто формальный акт, совершаемый в определенное время, но непрерывное состояние духа, пронизывающее все аспекты жизни. Молитва не ограничивается произнесением слов или формул. Это, прежде всего, внутреннее обращение к Богу, постоянное памятование о Его присутствии. Она является проявлением непрестанного богомыслия, то есть постоянного памятования о Боге и осознания своей зависимости от Него. Жизнь христианина должна стать непрерывной молитвой. Это достигается через благочестивые мысли, слова и дела, направленные к Богу. Цель молитвы – это не только просьбы и благодарения, но и постоянное приближение к Богу, стремление к единению с Ним.

Несколько другая форма непрестанной молитвы излагается в поучениях епископа Феофана Затворника: «Надо в продолжение дня чаще к Богу из сердца взывать краткими словами, судя по нужде души и текущим делам. Начинаешь что, например, говори: “Благослови, Господи”. Завершаешь дело, говори: “Слава Тебе, Господи”, – и не языком только, но и чувством сердца. Страсть какая поднимается, говори: “Спаси, Господи, погибаю”... Только, сколько можно чаще делай эти взывания, всегда стараясь, чтобы они из сердца исходили» [11, с. 9]. Здесь, как мы видим, еп. Феофан предлагает нам в течение всего дня непрестанно возносить краткие молитвы, в зависимости от наших дел и состояния.

В исихастской молитвенной практике тесно взаимосвязаны между собой хранение ума и «Иисусова молитва». Хранение ума представляет собой бдительное наблюдение за мыслями и чувствами, а Иисусова молитва – это краткое и многократно повторяемое молитвословие, обращенное ко Христу. Учение о хранении ума базируется на антропологическом понимании человека, как образа Божия, обладающего разумом (нус) и свободной волей. Грехопадение, согласно христианскому учению, повредило эти способности, сделав ум подверженным блужданию и влиянию страстей. Хранение ума – это аскетическая практика, направленная на восстановление целостности человеческого существа, путем очищения ума от ложных мыслей, страстных помыслов и привязанностей. Это требует постоянного внутреннего бодрствования и внимания, чтобы не поддаваться греху. Оно также отражает библейские наставления о необходимости бодрствовать (Мф. 24:42) и постоянно трезвиться (1 Пет. 5:8). Таким образом, хранение ума формирует «молитву внимания».

Иисусова молитва – это краткое молитвословие, обычно произносимое в следующей форме: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Повторенная многократно, она становится средством сосредоточения ума на Боге, подавления греховных мыслей и укрепления духовной связи со Христом. «Именем Моим будут изгонять бесов» (Мк. 16: 17).

Хранение ума и Иисусова молитва взаимосвязаны и усиливают друг друга в духовной практике. Хранение ума подготавливает почву для Иисусовой молитвы, делая ум более собранным и внимательным. В свою очередь, Иисусова молитва помогает хранению ума, заполняя ум благочестивыми мыслями и отвлекая от искушений. Эта взаимосвязь является синергийной, поскольку их сочетание приводит к более глубокому внутреннему преобразению. Эти практики помогают преодолеть гордость, гнев, тщеславие и другие страсти, очищая сердце и ум от греха. Они также способствуют развитию любви, смирения и других христианских добродетелей, что приближает человека к Богу и способствует его обожению.

Любовь и молитва в трансцендентно-имманентной традиции мусульманского суфизма. «Доктрина любви» – центральная тема суфийской теории и практики. Мы рассмотрим различные аспекты этой доктрины, включая её основные концепции, этапы и проявления. Суфии считают, что любовь (араб. ишк, махабба) является одной из главных эманаций (проявлений) Божества. Это означает, что Бог сам является Любовью, и Его любовь изливается на весь мир. Любовь это не только атрибут Бога, но и сущность бытия. Всё сущее, от атомов до звёзд, движимо силой любви, стремясь к объединению и гармонии. Человеческая душа (араб. нафс, рух) является частью этого Божественного проявления и поэтому стремится к возвращению к своему Источнику, то есть к Богу. Это стремление выражается через любовь. Джавад Нурбахш отмечает: «Постоянное внимание, направленное на Бога, ведет к постепенному преобразению атрибутов нафса в Божественные Атрибуты» [6, с. 21].

Особенностью суфизма является понимание любви как страстного, всепоглощающего стремления души к Богу, подобного любви влюблённого к своей возлюбленной, «состояние» от прямого контакта мистика с его Божественным Возлюбленным» [7, с. 355]. Любовь – это мощная сила, которая побуждает суфия к духовному поиску, к преодолению своих слабостей и к полному растворению в Божественном. Она – чистая самоотдача, стремление к Богу ради Него Самого. Путь любви часто сопряжён со страданием. Суфии понимают, что это страдание является частью процесса очищения души и приближения к Богу.

Суфии описывают различные этапы любви на пути к Богу. Любовь к себе, как первый, но не конечный этап – необходимо увидеть любовь Бога внутри себя. Любовь к проявлениям Бога – любовь к природе и красоте мира, как отражению Божественного. Любовь к Пророку Мухаммеду выражает глубокое почитание его как совершенного человека и посредника между Богом и людьми. Любовь к ближнему включает в себя сострадание, милосердие и служение другим. Любовь к Богу (ишк-и-хакики) – истинная любовь, которая является целью духовного пути.

Полулегендарная женщина-аскет из Басры по имени Рабиа ал-Адавиия – одна из самых почитаемых и загадочных фигур в истории раннего суфизма. Она известна своим строгим аскетизмом, глубокой религиозностью и особым пониманием любви к Богу. Рабиа отвергала любовь к Богу из страха перед адом или надежды на райские блага. Она утверждала, что истинная любовь должна быть бескорыстной, основанной только на стремлении к самому Богу, а не на желании получить что-либо от Него. Рабиа отвергала мирские блага и удовольствия, стремясь только к общению с Богом. Она считала, что мирская любовь и привязанности отвлекают от главного – от любви к Богу.

В строках, часто приписываемых ей, говорит о двух видах любви. Ал-Газали утверждал, что под эгоистичной любовью Рабиа ал-Адавиия подразумевала любовь к Богу как Дарителю благодати и преходящего земного благополучия. Любовь условная, которую можно интерпретировать как

благодарность, но не более. Но есть второй и высший вид – любовь, Которой Он Достоин. Такая любовь является бескорыстной, не зависящей от обстоятельств, наполненной восхищением перед красотой и величием Бога. Она – стремление к Богу ради Него Самого, а не ради того, что он может дать. Второй вид любви, согласно ал-Газали, гораздо важнее первого [7, с. 38]. Учение о двух видах любви является важным аспектом суфийской мысли и до сих пор продолжает вдохновлять искателей духовного пути.

Учение о любви оказало влияние на суфийскую практику. Суфии используют зикр (поминание Бога) как способ выражения своей любви к Богу, повторяя Его имена и атрибуты. Цель зикра состоит не просто в повторении слов, но в достижении состояния осознания Божественного присутствия, в растворении своего «я» в Божественном.

Молитва (саят – ритуальная молитва, дуа – личная мольба) в суфизме понимается не только как исполнение предписаний, но и как способ установления и укрепления связи с Богом. Она является средством для выражения любви, поклонения и стремления к единению. Важным аспектом молитвы является ния (намерение). Суфии подчеркивают важность искреннего намерения и присутствия сердца в молитве. Дуа является личной мольбой, где суфий выражает свои самые глубокие чувства и стремления к Богу. Она может включать просьбы, покаяние, благодарность и выражение любви. Молитва рассматривается как духовное восхождение, где душа постепенно приближается к Богу, освобождаясь от своих эгоистических побуждений. Любовь к Богу является главной движущей силой для молитвы. Она побуждает суфия стремиться к Богу, общаться с Ним, выражать свою преданность и стремление к единению.

Созерцание (муракаба) – форма медитации, где суфии пытаются осознать присутствие Бога в своем сердце и во всем мире. Служение (хидма), особенно бедным и нуждающимся – проявление любви к ближнему. Суфии верят, что служа ближнему, они служат Богу. Суфии используют поэзию и музыку как способы выражения своей любви к Богу. Суфийская поэзия полна метафор и образов, описывающих их мистические переживания.

Конечной целью суфийского пути любви является достижение состояния фана (растворение в Боге) и бака (пребывание в Боге) [7, с. 359]. Фана – это состояние полного растворения в Божестве, где суфий теряет ощущение своего отдельного "я" и становится един с Богом. Это состояние полного самоотречения и растворения в любви. Худжвири говорит: «Суфий отсутствует для себя, но присутствует в Боге» [6, с. 5]. После фана суфий достигает бака, состояния вечного пребывания в Боге. Это состояние является возвращением к индивидуальности, которая обогащена и освещена Божественным присутствием. Суфии считают, что любовь и знание (марифа) неразрывно связаны. Истинное знание о Боге приходит через любовь. Сердце, а не разум, является главным органом познания в суфийской традиции. Через любовь и внутреннее очищение суфий получает откровения о Божественной Истине. «Если жаждешь приблизиться к Богу, следует искать его в сердцах людей», – говорит Абу Саид Аби-л-Хэйр [6, с. 25]. Любовь помогает очистить сердце от эгоизма и гордыни, открывая его для восприятия Божественного.

Учение о любви и молитве в суфизме представляет собой целостную систему, в которой любовь является движущей силой, а молитва – средством достижения единения с Богом. Идея о сродстве человеческой души и ее Божественного источника является ключевой для понимания этого стремления, делая любовь и молитву не просто религиозными обязанностями, а естественными проявлениями тоски души по своему Создателю и истинному «Я». Суфийский путь – это постоянный процесс возвращения к этой первоначальной связи, процесс очищения и приближения к Божественной Истине.

Исихазм и суфизм, хотя и имеют разные религиозно-догматические основы, отличаются многими общими особенностями. Опираясь на учение о трансцендентно-имманентной сущности Абсолюта, они рассматривают любовь и молитву как важнейшие условия мистической теории и практики на пути к духовному совершенству. Исихазм и суфизм утверждают, что любовь и молитва – это неразрывно связанные концепты. Обе традиции делают акцент на бескорыстии и самоотречении в проявлении любви, говорят о важности внутреннего состояния, намерения и внимательности во время молитвы, учат непрестанной молитве.

Несмотря на сходства, существуют и различия понимания сущности любви, а также методов молитвы. Компаративный анализ этих двух традиций позволяет лучше понять богатство и глубину мистической мысли человечества, а также общие стремления людей к познанию Бога. Эти различия обусловлены разным образом Бога, сформировавшимся в исихазме и суфизме.

В исихазме Бог – Любовь, проявляющаяся в трех ипостасях. Бог воспринимается как личный, любящий и милосердный, стремящийся к единению с человеком, не имеющий власти над свободой человека. Любовь является ответом человека на любовь личного Бога.

Суфизм имеет более разнообразные и многогранные представления о Боге. С одной стороны, Бог воспринимается как абсолютное Единство (Таухид), всемогущий и трансцендентный. С другой стороны, Бог – это милостивый и сострадательный Судья, любящий и внимательный к Своим творениям. Эта двойственность делает понимание Бога в суфизме более сложным, чем в исихазме. Суфизм также рассматривает Бога через Его 99 прекрасных имен, каждое из которых представляет определенный аспект Божественной природы. Любовь в суфизме – результат осознания Божественного Единства и покорности, преданности Богу, следование его предписаниям.

В исихазме Божественная любовь (агапе) понимается как проявление Божьей благодати, даруемой Святым Духом, как самоотдача Бога к Своему творению. Через любовь к Богу и ближнему человек достигает теозиса, преображая свою природу. В исихазме любовь выражает личную связь с Богом как любящим Отцом. Она исходит из сердца и является результатом внутреннего преображения. Любовь по христианским канонам выражается через самоотречение и служение другим. Христианская мистика своей целью делает реализацию мистического идеала единства человечества, которое живет «жизнью во Христе», в единстве Тела Христова. При этом происходит глобальное единение: каждый человек соединяется своей тварной природой со всем человечеством, и также соединяет в своей личности тварное и нетварное, человеческое и божественное. Достижение этого идеала становится возможным только путем любви к Богу и любви к ближнему [4, с. 246].

В суфизме любовь к Богу выражается как страстное, всепоглощающее стремление к единению с Возлюбленным. Суфии испытывают тоску по Богу как по своему истинному дому, как по источнику своего бытия. Любовь в суфизме не только чувство, но и онтологическая потребность. Любовь неотделима от понимания Бога как Всемогущего Судьи, принимая Его волю, его решение, независимо от того, как он поступает с человеком. Любовь проявляется как полное растворение в Боге, и подразумевает подчинение Его воле и отказ от эгоистических желаний. Если суфизм часто выражает любовь через страстные эмоции и поэтические метафоры, то исихазм делает упор на благодати и смирении.

Учение о молитве в исихазме включает Иисусову молитву как диалог любви с Богом, который является источником всего, в том числе и любви. Иисусова молитва – это не просто повторение слов, но сердечное обращение к Богу как к любящему Отцу. Исихасты видят в молитве способ открытия сердца для любви Бога, и для принятия благодати. В суфизме различается зикр и молитва. Зикр направлен на осознание Божественного единства и величия, а повторение имен Бога является способом укрепления веры и преданности. Молитва – выражение покорности воле Всемогущего Судьи, признание Его власти над всеми творениями.

Исихазм и суфизм представляют собой глубокие и богатые философско-мистические учения, которые помогают людям приобщиться к Абсолютной реальности. Компаративный анализ двух учений показывает, что различия в понимании образа Абсолюта не приводят к полному отрицанию общих духовных целей, но, скорее, формируют различные практические методы, которые являются одинаково ценными и вдохновляющими.

Список литературы

1. Булгаков, С. Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения / С. Н. Булгаков // Электронная библиотека Royallib.com – URL: http://royallib.com/book/s_n_bulgakov/svet_nevecherniy_sozertsaniya_i_umozreniya.html (дата обращения 30.01.2025)
2. Добротолюбие. В 5-и т. Т. 1. / пер. с греч. Святителя Феофана Затворника. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2010. – 608 с.
3. Добротолюбие. В 5-и т. Т. 3. / пер. с греч. Святителя Феофана Затворника. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2010. – 448 с.
4. Жиртуева, Н. С. Философско-мистические традиции мира / Н. С. Жиртуева. – М. : Вузовский учебник ; ИНФРА-М, 2018. – 273 с.
5. Жиртуева, Н. С. Универсальные измерения мистики // Вопросы философии. – 2022. – № 10. – С. 193-203.
6. Из реки речений. Высказывания суфийских наставников / сост. и пер. Л. Тираспольский. – М. : Амрита-Русь, 2004. – 160 с.

7. Кныш, А. Д. Мусульманский мистицизм: Краткая история / А. Д. Кныш ; пер. с англ. М. Г. Романов. – СПб. : ДИЛЯ, 2004. – 464 с.
8. Лосский, Вл. Очерк мистического богословия Восточной церкви // Мистическое богословие. – Киев : Путь к истине, 1991. – С. 95-260.
9. Мысли великих: сборник цитат / составитель Митрополит Симферопольский и Крымский Тихон (Шевкунов). – М. ; Севастополь : Вольный Странник, 2024. – 96 с.
10. Осипов, А. И. Бог / А. И. Осипов. – М. : Братство святого апостола Иоанна Богослова, 2015. – 192 с.
11. Пестов, Н. Е. Современная практика православного благочестия. В 2-х т. Т. 2. / Н. Е. Пестов. – Краматорск : Тираж–51, 2009. – 751 с.
12. Паисий Святогорец, преп. Слова. Том V. Страсти и добродетели. – М. : Орфограф, 2017. – 344 с.

Статья поступила в редакцию 1.02.2025

Suvorova, S. G. *Comparative Analysis of the Teachings on Love and Prayer in Hesychasm and Sufism*

The article provides a comparative analysis of the teachings on love and prayer within Orthodox Hesychasm and Muslim Sufism philosophical and mystical traditions. It reveals common and unique characteristics of Hesychasm and Sufism. Based on the teaching of the transcendent-immanent essence of the Absolute, both traditions view love and prayer as crucial conditions for mystical theory and practice on the path to spiritual perfection. It is affirmed that love and prayer are inextricably linked concepts. Emphasis is placed on selflessness and self-denial in the manifestation of love and on the importance of mindful and ceaseless praying. Differences between Hesychasm and Sufism lie in the understanding of the essence of love and the methods of praying.

Keywords: Absolute, transcendent-immanent, mystical tradition, created, uncreated, deification, synergy, fana, baqa, dhikr

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК [17:111.8]Ильин

В статье рассматривается моральная философия И. А. Ильина в контексте нравственных исканий начала XX века. Представлен сравнительный анализ морального учения Л. Н. Толстого и концепции «сопротивления злу силой», выработанный после переломных событий революции и гражданской войны И. А. Ильиным. Выделяются религиозные положения, которые способствуют формированию гражданской позиции в понимании вопросов патриотизма и социальной справедливости. Приводится аргументация, представленная христианской ортодоксией. Переход от философии к политике, как следует из текста статьи, предполагает возможность использования мировоззренческой парадигмы на практике, когда жанр философского анализа частично превращается в публицистику.

Ключевые слова: зло, патриотизм, гражданское сопротивление, религиозное обоснование, толстовство, моральный выбор, И. А. Ильин, Л. Н. Толстой.

А. В. Миронов, д-р филос. наук,
Севастопольский государственный университет
E-mail: andreymironov@gmail.com

МОРАЛЬНОЕ ОБОСНОВАНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ ЗЛУ СИЛОЙ В ФИЛОСОФИИ И. А. ИЛЬИНА

Переход от философии к политике в оценивании сложившейся общественной ситуации предполагает перенос акцентов с системы ценностей и ее обоснований, которыми руководствовался гражданин, к отстаиванию и утверждению мировоззренческой парадигмы на практике. В таких случаях жанр философского анализа во многом заменяется публицистикой, рассматривающей текущие события и степень их воздействия на жизнь отдельно взятого человека, общества, государства в конкретном временном периоде.

В переломные периоды истории человек вынужден перестраиваться: вырабатывать новые ориентиры, цели и способы их реализации. Рассмотрение кризисных явлений в русской истории позволяет более ясно представить механизм действия социальных отношений, способствующий разрушению прежней системы коммуникации между гражданином и государством, индивидом и обществом. Творчество И. А. Ильина, вбирающее временной отрезок, предшествующий октябрьским событиям 1917 года, представляет возможности философского анализа взаимодействия моральной и политической составляющих в общем духовном контексте русского социума того времени.

Целью исследования является решение следующих задач: 1) установить основные моральные доминанты, которые способствовали трансформации политической системы российского государства; 2) выделить философский контент в публицистических произведениях И. А. Ильина; 3) выявить соотношение морального и политического в учении И. А. Ильина.

В статье используется сравнительно-исторический метод и системный подход, что позволяет соотнести критический анализ творчества И. А. Ильина со значимыми моральными учениями начала XX века.

Революция, гражданская война, эмиграция, Вторая мировая война – это вехи истории России XX века, и в такой же степени вехи биографии И. А. Ильина. Учеба в Московском университете, подготовка к магистерской диссертации, публикация произведений – традиционный путь ученого в условиях государственной стабильности и порядка. Тематика книг И. А. Ильина говорит сама за себя: «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека», «Учение Шеллинга об Абсолютном», «Идея общей воли у Жан-Жака Руссо». В этих работах ощущается желание автора быть в контексте философских проблем европейской культуры и, прежде всего, немецкой классической философии, что у Ильина прекрасно сочетается с его умением анализировать и систематизировать исторические события, а также грамотно использовать философский «инструментарий». Подобный подход гарантировал общественное и профессиональное признание ученого. Удаленность от социальных

конфликтов, перипетий политической борьбы была запрограммирована благоговением перед философским знанием как воплощением человеческого духа и последовательно очищалась от вторжения действительности, которая, если и допускалась, то только в виде сложных абстракций и отвлеченных идей. Потрясения, произошедшие в России, нарушили не только равномерный ход жизни государства и общества, но и поставили под вопрос правомерность изоляции философии от событий, волнующих большинство образованной публики.

Оказавшись в эмиграции, русское философское сообщество разделилось: большинство мыслителей продолжило линию собственного творчества, начатую в России, усложнив ее апокалиптикой и эсхатологическими представлениями: Л. И. Шестов – «Киркегард и экзистенциальная философия» [15], Л. И. Шестов «Добро в учении гр. Толстого и Ницше» [14], Л. И. Шестов «Афины и Иерусалим: опыт религиозной философии» [13]; Н. А. Бердяев – «Философия свободного духа» [4], Н. А. Бердяев «О назначении человека» [2], Н. А. Бердяев «Творчество и объективация. Опыт эсхатологической метафизики» [3]. Когорта мыслителей обратилась к богословию: С. Н. Булгаков – трилогия «Агнец Божий. О Богочеловечестве» [5]; Г. В. Флоровский – «Восточные отцы церкви» [11], Г. В. «Пути русского богословия» [12]; Л. П. Карсавин – «Философия истории» [10], Л. П. Карсавин «О началах. Опыт христианской метафизики» [9].

В это же время И. А. Ильин публикует полемически заостренную работу «О сопротивлении злу силою» (1925 год). В этой работе он предлагает мировоззренческое, а по существу, философское, обоснование борьбы со злом. Прошло всего три года, как он выслан из России, где несколько раз арестовывался, сидел в тюрьме, находился на грани жизни и смерти. И, тем не менее, его первое общественно значимое печатное произведение не содержит даже намека на политические реалии. Библиографические ссылки содержат евангельскую и апостольскую литературу, сочинения по русской истории, иезуитские тексты, посвященные проблемам морали. Никаких иллюстраций и примеров из личного опыта, обезличенность понятий «злодей», «злостное насилие», общепринятый характер алгоритмов, классификаций и проч. – все это характерно для работ Ильина того периода. Эмиграция в это время обсуждает на шумевшую книгу С. П. Мельгунова «Красный террор в России». Рассуждения о сопротивлении не получают однозначной политической направленности, в них отсутствует гражданская убежденность. Развенчание кумира (Л. Н. Толстого) могло показаться несвоевременным большинству читающей публики.

Личность для И. А. Ильина – точка отсчета. Ее право должно освещаться христианской догматикой. Сила воли, «благое самозаставление», «понижение и пресечение» опираются на нашу способность к добру, к его воплощению и прославлению делами. Религиозное «безволие» и «духовное безразличие», по мысли Ильина, и есть главная причина деградации общества. Церковь и ее ценности способны совершенствовать индивида, придать ему стимул борьбы, ограничить своеволие, мотивировать к самопожертвованию. Так, он писал: «Духовная любовь, владея источником истинного, боголюбивого человеколюбия ведаёт цену и соблазны сентиментальной гуманности, не обольщается ею. Она не измеряет усовершенствования человеческой жизни довольством отдельных людей или счастьем человеческой массы, ей ведомы все духовные опасности, связанные с наличностью земного наслаждения и все духовное значение его утраты» [8, с. 77].

Понимая сложность поставленных вопросов, Ильин сознательно дистанцируется от политики, предпочитая решать проблему в области моральных и религиозных санкций относительно поступка, продиктованного желанием борьбы со злом. Неоформленность политической платформы, сомнения, свойственные русской интеллигенции повлияли на постепенное становление позиции Ильина по отношению к конкретным действиям военных и гражданских организаций белой эмиграции, и уже способствовали формированию системы четких предписаний поведения личности, обосновав ее религиозным опытом поколений.

Ниспровержение кумиров – задача проблемная, тем более, когда в качестве объекта критики выбирается исполинская фигура Л. Н. Толстого и его учение. На протяжении нескольких десятков лет он выступал «учителем жизни» для тысяч людей, его книги «Исповедь», «Не могу молчать», «В чем моя вера» стали катехизисом существования, передовые люди России сверяли с ними свои помыслы, поступки, направленность действий. «Слово великого писателя» некоторых заставляло менять привычный уклад жизни, выбирать общественно значимую профессию и искать свою среду существования, оно рождало мысли о перестраивании семейных отношений. Особое место в проповедях Л. Н. Толстого занимает вопрос о «непротивлении злу насилием», что предполагает отказ от права личности на ответное насилие на насилие (в качестве насилия может выступить чуждое и разрушительное влияние, навязывание несвойственного образа жизни и др.). Обоснованием выступает христианская догматика, где акцент делается на покорности и буквально понятием смирении перед

любым злом, выступающем как нечто внешнее по отношению к индивиду. Таким образом, писателем выдвигается и обосновывается положение: согласиться со злом – лучше, чем ему противостоять. «Учение о непротивлении злу насилием не есть какой-либо новый закон, а есть только указание на неправильно допускаемое людьми отступление от закона любви, есть только указание на то, что всякое допущение насилия против ближнего, во имя ли возмездия и предполагаемого избавления себя или ближнего от зла, несовместимо с любовью» [6, с. 178]. Л. Н. Толстой не признает патриотизм в качестве моральной ценности, предлагает отмежеваться от социальной системы, как порочной, лживой безнравственной. Общественное одобрение, служение, гордость находятся в таком случае в сфере, враждебной человеческому развитию. Таким образом, квиетизм становится единственной формой существования, сознательно изолирующей личность от общественных вопросов, особенно остро проявляющихся в моменты потрясений и кризисов. В период социальных разломов, «бури и натиска» И. А. Ильин не случайно возвращается к этой теме.

Дискуссии вокруг учения Л. Н. Толстого пронизывали русское общество и ранее, жестко делили на принимающих и отвергающих его доктрину, но всегда оставляли ощущение незавершенности. В период революционных событий накал страстей, материализовавший зло, диктующее свою волю, принцип силы как оправдание содеянного становятся определяющими факторами. Борьба духовная, присущая мыслящему человеку, как неприятие чуждого или навязанного перерастает в борьбу за родных, близких и дальних, ставя перед собой задачу – уберечь, а значит нейтрализовать порочное влияние. Социальный мир инициирует зло, значит нужно научиться его определять, понимать возможности его воздействия, выработать средства противостояния, используя традиции православной церкви и не предаваясь слепой вере в авторитеты, какими бы значимыми они ни казались. Построение своей теории Ильин связывает с гражданским долгом перед Родиной и соотечественниками, освобождая их от псевдо-иллюзий прошлого, раскрепощая волю, формируя готовность встретить зло во всеоружии.

В книге «О сопротивлении злу силою» соприкасаются три позиции: христианская ортодоксия, толстовство и философская аргументация И. А. Ильина. Критической оценке подвергается близкая русской интеллигенции идея о мирном сосуществовании в обществе, о потакании безволию, о ложной демаркации добра и зла. Ильин однозначен в своих выводах: непротивление злу подразумевает принятие зла, наивно-идиллический взгляд на человеческое существо опасен своими последствиями. Духовный мир существует в двух полюсах: добро и зло – тяготение к одному или другому определяет поступки, отношение к окружающим. Зло – «противодуховная вражда и слепая сила ненависти» [8, с.15]. Разрушив его, человек имеет возможность продемонстрировать лучшие в себе качества. Объявление нейтралитета, по мнению И. А. Ильина, недопустимо, что инициировало вопрос о насилии: его границах, способах, оценке личностной и общественной.

По мысли Ильина, в мировой культуре оформились две позиции: вольтеррианство и масонство. Первая предлагает изменить социальный строй, законы, формы правления, отношение к собственности, вторая – обратить внимание на себя, изжить пороки, совершенствоваться в добродетелях. На основе второй Л. Н. Толстой создает свое учение, предостерегая от навязывания, принуждения в отношении личности. Занимаясь собой, человек уже выполнил свой долг. И. А. Ильин видит в таком убеждении неприкрытый эгоцентризм, оставление мира в угоду псевдоспокойствию. Когда человек пытается защититься от хаоса, анархии, произвола, тогда и утверждается позитивное «я». Бегство же в «свой мир» равно капитуляции, покиданию и оставлению других в беде, являет собой потворство деструкции, сродни соучастию в непреднамеренном подавлении. Борьба ведется в двух направлениях: с недостатками общества, государства и со своими личными ошибками. Осознание несовершенства заставляет быть более объективным, беспристрастным, повышать нравственную планку, трудиться над преодолением. Согласно мнению Ильина, проекция личности отражается в социальной действительности и через это возникает возможность взаимовоспитания, большого единения, которое преобразуется в общее пространство, то есть государство. Тогда получается, что «самопонужение» есть средство развития, выход из животной среды, стимул всех достижений. Оно сопоставимо с насилием, только направленное на себя. Преодоление физической и духовной лени, бесхарактерности, нравственной индифферентности заставляет изменять сложившиеся стереотипы, пробуждает душевное движение, помогает отслеживать недостойное. Индивид определяется с личными перспективами, выбирает приоритеты и настраивает себя в соответствии с механизмом самопринуждения. Как, оставаясь христианином и принимая моральную составляющую религии, сопротивляться злу посредством «физического понуждения и пресечения»? Рационалистическая этика четко трактует: принцип самосохранения должен защищаться системой, которой гражданин вручает свои права. У Мартина Лютера, основателя протестантизма, прямолинейно выражено положение: дело

войны – «дело превосходное и божественное». И. А. Ильин не уповает на аксиоматику, ему необходимо довести до «сердца» человека, что со злом нужно бороться.

С христианской точки зрения, искушение, «прельщение» недостойным, игра на слабостях, санкционирование недопустимого, физическое посягательство – это социальные формы зла. Общим пониманием для Ильина и сторонников христианской ортодоксальной мысли является то, что человек в современном мире перестает восприниматься как главная ценность, в лучшем случае он выступает как средство для удовлетворения чужих интересов. Политические партии, власть оформляют зло в общедоступные лозунги: «Грабь награбленное», «Бей буржуев», «Долой опиум для народа», «Да здравствует гражданская война».

И. А. Ильин рассматривает разные формы насилия и через это исследование выходит на понимание природы зла, а также на раскрытие пределов индивидуальной свободы в обществе. Понимание личностной свободы связано у него, что важно подчеркнуть, с христианским пониманием подлинного патриотизма. Не труд, а разбой; не любовь, а ненависть, когда разрушительное в человеке не осуждается, а одобряется. Насилие действует наступательно, не ограничивая себя нравственными принципами. Не столь важно, какими манифестами оправдываются поступки, они противоречат и христианским, и человеческим заповедям. Не осознав добро, как высшее начало, индивид ничего не может противопоставить злу. Утверждая добро, проникаясь им, человек постепенно вытесняет зло из себя, отодвигая за пределы личности, то есть, создается пространство, в котором волевым актом пресечено распространение аморального. Рассматривать зло как слабость, заблуждение, ошибку – опасно, так как принижается потенциальная угроза данного феномена.

Магнетизм, притягательность зла подчеркивали такие русские писатели и мыслители, как Ф. М. Достоевский и В. С. Соловьев. Принятие его – это реализм в политике, морали, социальных связях. Ильину чужд путь моралиста, напуганного собственным несовершенством и поэтому отказывающегося от нравственной оценки. Опрошение, предложенное Л. Н. Толстым, выводит человека за пределы социального мира, снимает ответственность за происходящее в нем. Отказавшись от благ цивилизации, вместе с ними вычеркиваются и все государственные институты: органы контроля, армия, суд. У толстовца возникает чувство превосходства над неправильно живущими, рождается право на неприятие, мир отвергается, как средоточие раздора, вражды и эгоизма. Зло не исчезает, оно торжествует, устанавливая свои порядки, свою шкалу ценностей, свои поведенческие формы. Борьба со злом не должна восприниматься как самоцель, она имеет иное оправдание по И. А. Ильину. Воздействие на человека силой, чтобы добиться личного интереса, недопустимо – произойдет подмена мотивации. Христианин ведет борьбу с носителями зла не как с личными врагами, а как с врагами Божиими, нарушающими не только запреты, но и сами основы мирского существования. «Побеждает зло тот, кто превращает его в добро» [8, 68]. Свобода воли – это не только фундаментальный принцип христианства, в такой же степени можно его распространить и на светские отношения. Право выбора, дарованное Богом и обществом, возвышает человека, акцентирует его свободу, допускает личное мнение, использование различных средств для достижения цели. Преодолевая зло в себе, индивид вынужден с ним соприкасаться в действительности. Любое его проявление создает серьезную проблему, переходящую из сферы умозрительного в практическую. Не сопротивляясь злу, человек оказывает ему явную поддержку. Не встречая препятствий, барьеров оно разрастается и начинает навязывать свою волю, не допуская иных толкований. Все непохожее, не подпадающее под эти стандарты, высмеивается, критикуется, а потом уничтожается (психологически или физически). Зло обладает отличительной характеристикой – наступательность. Доброта воспринимается как слабость, прощение, как несостоятельность, приличие как противоположное по отношению к свободе проявления личности. При вторжении в человеческую жизнь злая воля не обращает внимания на уклад, обычаи, традиции, культуру.

Ильин, как религиозный мыслитель, пытается решить проблему зла, изучая ее в рамках церковного учения, а в последующем – ищет ответы в пространствах общества и государства. Без первого для него невозможно второе, так как большинство его соотечественников – христиане. Лейтмотив его рассуждений: Христос не призывает любить врагов Божьих [1, Мф XI. 21-24, Мрк XII. 38-40, Лука XI. 39-52]. Когда ссылаются на известное евангельское изречение: «Любите врагов ваших», то контекст его воспринимается в рамках личного. Способность не ответить обидой на обиду, подавить тщеславие и честолюбие, смирить гордыню, не затаить в душе вражды и ненависти – ущемление интересов касается только одного отдельно взятого человека, его душевных переживаний и чаяний. Внутренняя работа позволяет преодолеть раздор на уровне житейского и бытового, попытаться найти компромисс, уравнивать себя и другого и через это снять противоречие, допуская собственное несовершенство. Но Ильин не допускает потакания вопиющему своеволию, разрушающему не только

ценности другого, а затрагивающие сотни и тысячи граждан. Сила способна остановить грешника от задуманного, от воплощения своего замысла, тем самым уберечь его и других от непоправимого. Если на уровне личного человек сам должен принимать решения, то в случае общественной опасности гражданин должен воспользоваться своим гражданским правом.

Обличение неправды русскими святыми, участие священнослужителей в войнах (св. Сергей Радонежский благословил на ратный подвиг монахов Ослябю и Пересвета), институт военных священников в армии – показатель того, что церковь никогда не устранилась от противодействия как духовному, так и материальному злу. Ильин связывает воедино религиозную и патриотическую направленность, идентифицируя нравственность в данных границах. В зависимости от принятой позиции рассматриваются обязанности личности, ее духовный уровень и опыт. Участие в войне – несомненное зло, но оно позволяет избежать еще большего зла и его последствий. От воина требуется нравственное напряжение, героизм, самопожертвование, сила характера. Осознание необходимости боевых действий формирует новый стержень в участнике: обретение товарищества, взаимопомощь и самое важное – высшую цель служения этносу. Требования высокой добродетели вступают в противоречие с идеей человекоубийства. Духовный компромисс позволяет разрешить этот вопрос: приятие личной несправедливости в борьбе со злодейством. Чувство вины, естественно возникающее, компенсируется выполненным долгом перед народом, историей, верой. Раздвоение личности между требованиями присяги, гражданственности и собственными представлениями о неприятии убийства повышает накал моральной жизни, не позволяет опуститься до примитивности в понимании возникшего конфликта.

Борьба со злом содержит внутреннюю опасность. Следствием войны становится падение народной нравственности. Человеческая жизнь обесценивается, вседозволенность надолго закрепляется в массовом сознании, спорные ситуации решаются в конфликтной форме, сдерживаемость нравственных запретов рушится. Разделение времени на мир и войну не воспринимается больше в обычных моральных стандартах. Право на убийство, хитрость во имя достижения цели, безразличие к переживаниям другого на долгие годы становятся обычными нормами. Зло уравнивается с обыденностью, не производит должного впечатления, не шокирует окружающих. Общество в такой ситуации вступает в период кризисных явлений. Необходимо время, чтобы прежние ценности утвердились, а вновь возникшие заняли исключительное место. Вера, церковь должны помочь человеку обрести равновесие, переосмыслить прошедшее, попытаться дать новое толкование его поступкам. Начав борьбу со злом во имя правды и справедливости, можно постепенно опуститься до нравственного тщеславия и высокомерия (в христианстве подобное получило название фарисейства). Уверенность в собственном праве судить, вторгаться в чужое личностное пространство отнимает у человека чувство собственного несовершенства, потенциальной неправоты, необходимости пристально следить за генезисом морального развития. Общественная система вынуждена заносить эти положения в массовую идеологию, моделировать образ врага, чтобы доказать право на насилие. И. А. Ильин подчеркивает недопустимость данной направленности: идея постоянной борьбы создает предпосылки псевдомира, где фундаментальные человеческие сущности подменяются искусственным политическим ангажированием.

Духовный опыт занимает особое место в творчестве И. А. Ильина. Он не ассоциируется с прагматическими целями, но диктует четкую поведенческую схему. Достоинство духовного опыта заключается в том, что оформляются ценности, важность которых непререкаема для дальнейшего развития. Религиозное чувство, выступая в качестве путеводной звезды, не позволяет подменить совесть логической конструкцией, искренность равнодушием. Точкой отсчета является любовь, способность индивида к ее реализации. Через любовь осуществляется преодоление себя, как эгоцентрического существа, несовершенство окружающих и окружающего. «Любовь есть доброта» [8, с. 155]. Столкновение со злом ставит вопрос о своей собственной позиции, о сделанном и несделанном, внимании и равнодушии к другому. Духовные переживания, вызванные личными и социальными обстоятельствами, заставляют задуматься, беспристрастно оценить себя и поступки, активизируют волю. Ощущение собственной неправоты двояко: с одной стороны, оно примиряет с несовершенством, с другой – определяет недостатки, преодоление которых становится актуальной задачей развития. И. А. Ильин связывает этот процесс напрямую с религиозной верой: перед лицом Бога человек не способен к обману, он пользуется иными критериями осуществления себя как личности.

Духовные переживания возможны только в рамках свободы. Внутренняя свобода выстраивает мотивы поведения, которые реализуются во внешней свободе. Любое посягательство на выбор личности приводит к стагнации, духовной болезни и смерти. Безразличие, конформизм, циничное отношение к жизни становятся следствием этих ограничений. Внешний диктат не может воспитать в

гражданине сострадание, милосердие, патриотизм. Насильственно утвержденные границы духовной жизни человека не позволяют двигаться, размышлять, оценивать. (Атеизм как форма государственной идеологии, пролетарская мораль как единственная и бесспорная). Вариативность путей восприятия действительности, самостоятельный поиск истины, раскрепощенность, концентрируют нравственные силы, закаляют и позволяют укрепиться в собственных представлениях о наиболее сложных проблемах бытия. «Пусть люди жадны, жестки, грешны, но Господь повелевает «солнцу» светить для праведных и для грешных» [8, с. 198]. Ошибки, заблуждения, промахи естественны, без них невозможно определиться в самом главном, они часть свободы, играющие роль балансира помыслов и действий.

Гражданский патриотизм оформляет духовный уклад народа. Служение - обществу, государству, церкви, миру выстраивает особое отношение к себе. Проникаясь интересами сообщества, понимая его ценность, человек возвышает себя, настраивается на определенный ход развития, определяется с целями и средствами. Для него открываются иные горизонты – органического соединения с этносом. Связи, пронизывающие национальную структуру, скрепляются общей нравственностью, где четко расставлены приоритеты. Обезличивание снимает не только внутреннюю специфику, но, унифицируя, навязывает чужую. В ходе Гражданской войны, в первые годы Советской власти патриотизм объявляется пережитком прошлого, ему придается буржуазный, монархический, враждебный характер, он представляет реальную опасность для коммунистического режима. Гражданин (у И. А. Ильина этот статус тождественен патриоту) готов к борьбе, у него есть опора, исторические примеры служения, несговорчивость с властью. Не прибегая к активному сопротивлению, он способен к моральной автономии, разрушающей фундамент тоталитарной идеологии. «Стоит отдать жизнь за Родину, веру, свободу, но не за личные удовольствия» [8, с. 178]. Признание необходимости единения с другими на духовной основе объединяет эти два начала в единое целое, взаимозависимость которых подтверждается многолетней историей. Ильин выделяет аспект: достижения духовные есть одновременно и достояния человеческие. Патриотизм отделен от национализма, в нем нет изначального этнического превосходства, пренебрежения, вражды к другим. Любовь к Родине – это любовь к Богу, национальному гению, культуре, традициям. Через единение проявляется духовный коллективизм, воспитывающий в человеке взаимопомощь, милосердие, сострадание.

У И. А. Ильина вся система моральных принципов строится на религиозном основании. Светские принципы изменчивы, имеют многомерный вектор воздействия, следовательно, человек в сложной ситуации может потерять четкие ориентиры поступка. Вера позволяет воспользоваться четкими указателями в утверждении выбранного образа жизни, которые в дальнейшем возлагают ответственность на личность, мотивируя ее бороться с собой, внешними соблазнами и искушениями, тиранией политической идеологии, преодолевать слабости и малодушие. «Утратив подлинную правду в себе самих, люди оказываются бессильными создать ее и в общении» [6, с. 318]. Утилитаризм, прагматизм действуют на безличном уровне, в них представлены эффективные модели социально приемлемого поведения, но живое чувство, «веление сердца» не затрагивается, отсюда неспособность возвыситься человеку. Сфера сверхъестественного – единственная, где сущность человека подвергается качественному воздействию. По мнению И. А. Ильина, индивид уходит из религиозного поля, используя рационалистические построения в области морали, патриотизма, справедливости, создавая потенциальное пространство реализации своеволия. Эта ситуация возникает, когда он не может справиться с хаосом страстей и самопроявлений. Устраняя барьеры, поддаваясь чувству мнимой свободы, человек теряет контроль над внутренним содержанием поступков, а логика складывающихся обстоятельств определяет ход негативных действий.

Начиная с 1947 по 1954 гг. И. А. Ильин публикует в эмигрантской прессе статьи, посвященные актуальным политическим проблемам. Он пытается осмыслить случившееся в России, понять причины крушения великой страны, рассеяние веры у русского народа. Его интерес носит практический характер: вслед за упадком должен наступить период возрождения и еще не добившись победы политической нужно думать о духовном возрождении. Ключевыми темами становятся: свобода, демократия, независимость. «Право на правду» определяет справедливость в отношениях между людьми. В 1947 г. появилась статья «О моральном обновлении человечества». В ней И. А. Ильин возвращается к теме деморализации, охватившей Европу. Западный мир утверждает внехристианскую доктрину, которая ассоциируется у автора с упрощением и примитивностью. Человеку предлагается схема социальной реализации с штампованным набором добродетелей. Профессиональный морализм беспочвенен. Он отрывает у каждого возможность сделать свой выбор, преодолеть свои преграды, выстрадать свою позицию относительно актуальных вопросов бытия. «Понять, что человечеству всегда необходимо бороться с этой деморализацией, и в наше время в особенности, ибо эпоха повторных войн и длительных переворотов, по-видимому, еще не изжитая, а к чему способны

деморализованные народы, отвыкшие от честного труда и волевой дисциплины, мы видим ныне воочию» [7, с. 222]. Осмысливая опыт истории, И. А. Ильин предостерегает будущие поколения от тех моральных и социальных иллюзий, которые стали причиной упадка народной нравственности и следствием государственных потрясений.

Список литературы

1. Библия. Книги Священного писания, Ветхого и Нового завета. - Москва : Российское Библейское общество, 1995. - 1376 с.
2. Бердяев, Н. А. О назначении человека / Н. А. Бердяев. – Москва : ЕЕ Медиа, 2012. – 320 с.
3. Бердяев, Н. А. Творчество и объективация. Опыт эсхатологической Метафизики / Н. А. Бердяев. – М. : Амрита, 2021. – 360 с.
4. Бердяев, Н. А. Философия свободного духа / Н. А. Бердяев. – М. : Республика, 1994. – 480 с.
5. Булгаков, С. Н. Агнец Божий. О Богочеловечестве. Ч. 1 / С. Н. Булгаков. – М. : Издательская группа URSS, 2000. – 464 с.
6. Ильин, И. А. Аксиомы религиозного опыта / И. А. Ильин. – М. : Парог, 1993. – 448 с.
7. Ильин, И. А. Наши задачи / И. А. Ильин. – М. : Парог, 1992. – 271 с.
8. Ильин, И. А. Путь к очевидности / И. А. Ильин. – М. : Наука, 1993. – 430 с.
9. Карсавин, Л. П. О началах / Л. П. Карсавин. – М. : Directmedia, 2017. – 476 с.
10. Карсавин, Л. П. Философия истории / Л. П. Карсавин. – М. : Комплект, 1993. – 352 с.
11. Флоровский, Г. В. Восточные отцы церкви / Г. В. Флоровский. – М. : АСТ, 2005. – 633 с.
12. Флоровский, Г. В. Пути русского богословия / Г. В. Флоровский. – М. : Институт русской цивилизации, 2009. – 848 с.
13. Шестов, Л. И. Афины и Иерусалим / Л. И. Шестов. – М. : АСТ : Фолио, 2001. – 400 с.
14. Шестов, Л. И. Добро в учении гр. Толстого и Ницше. Избранные Произведения / Л. И. Шестов. – М. : Ренессанс, 1993 – 512 с.
15. Шестов, Л. И. Киркегард и экзистенциальная философия / Л. И. Шестов. – М. : Прогресс-Гнозис, 1992. – 304 с.

Статья поступила в редакцию 10.02.2025

Mironov, A. V. *Moral Justification of Resistance to Evil by Force in the Philosophy of I. A. Ilyin*

The article examines I.A. Ilyin's moral philosophy in the context of the moral inquiry of the early 20th century. The author provides a comparative analysis of L.N. Tolstoy's moral teaching and the concept of "resistance to evil by force" developed after the crucial events of the Russian Revolution and the Civil War by I.A. Ilyin. The focus is on the religious attitudes that contribute to the formation of civic attitudes including patriotism and social justice. The author goes over argumentation presented by Christian orthodoxy. The transition from philosophy to politics suggests the possibility of using the worldview paradigm in practice, with the genre of philosophical analysis partially turning into journalism.

Keywords: evil, patriotism, civil resistance, religious justification, Tolstoyan movement, moral choice, I. A. Ilyin, L. N. Tolstoy.

УДК 130:316.324.8

В статье рассматриваются критические аспекты современной социальной философии в контексте анализа наиболее актуальных проблем постиндустриального общества. Проводится исследование концепции постиндустриального общества в зависимости от особенностей функционирования различных социальных и политических институтов. Кроме того, анализируются различные вопросы, связанные с проблемой социальных и технологических изменений в рамках подходов, свойственных для философии постмодерна. Также проводится сравнительный анализ критических позиций различных философов в отношении проблемы понимания сущности постиндустриального общества и современной цивилизации.

Ключевые слова: постиндустриальное общество, социальная критика, социальная стратификация, общество потребления, постмодерн, симулякры, фетишизация, социальная акселерация, прекариат, эксплуатация.

Р. В. Ткаченко, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: rvtkachenko@mail.ru

МОТИВЫ КРИТИКИ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Анализируя различные тенденции, появляющиеся в сегодняшней социально-политической среде, можно найти немало аспектов, на которые обращали внимание мыслители прошлого, полностью или частично совпадающие с тем, что мы патетически называем «современность». Постоянные технологические обновления, лишённые смысла операционные новации, которым при помощи масс-медиа придается глобальный оттенок и чуть ли не судьбоносное содержание – все это входит в концепцию, органично обозначенную Мартином Хайдеггером в своих сочинениях как «Ge – stell» (в русском языке наиболее близким по смыслу в контекстуальном плане является термин «подмена» или «подменение»).

Согласно данной концепции, уже на ранней стадии формирования метафизики естественное отношение к реальному объекту подменяется его идеей и некой умозрительной сущностью. Благодаря этому факту и начинает формироваться своеобразная искусственная картина мира, существующая как представление, зачастую не имеющая реальной смысловой наполненности (сродни симулякрам в философии постмодерна) и оперирующая лишь лейблами и этикетками, лишёнными содержания.

Человек в подобной системе открыто подчиняется конструированию мира в единый универсальный образ и становится придатком разнообразных технических устройств, систем и процессов. «Из-за скрытости опасности, заслоняемой эффективностью постава, дело пока еще снова и снова выступает в таком свете, как если бы техника была инструментом в человеческих руках. Реально, однако, человеческое существо падает прямо в руки существу техники» [12, с. 264]. Таким образом, благодаря прагматике и установлению эффективности как основного телеологического принципа существования происходит полная дегуманизация современной социально-политической системы. В этой ситуации «Ge – stell» представляет собой угрозу гибели самой сущности человека и выступает как инструмент активной деантропологизации общества. Человек интерпретируется исключительно как функциональная единица, как «человеко-час», «человеко-рубль» но не как человек. Встраивание человека исключительно в качестве функциональной единицы в систему формирования и удовлетворения потребностей современного общества также изменяет саму антропологическую сущность человека. Так, Эрих Фромм в своей работе «Человек для себя» указывал: «Мы находимся во власти анонимных сил рынка, успеха, общественного признания, «здорового смысла, а точнее – той бессмыслицы, которая принята в обществе, – мы отдали себя во власть машин и техники, чьими рабами мы сейчас являемся» [11, с. 664].

Любопытно, что данная постиндустриальная система также обладает своим своеобразным репрессивным аппаратом. Однако в отличие от тоталитарных политических систем она не ставит своей целью физическое уничтожение отдельных индивидов или групп (например, за инакомыслие или деятельность, несовпадающую с одобряемыми политическими тенденциями). Напротив, она стремится обеспечить относительно общую комфортность индивидуального существования, ориентируя человека исключительно на процессы, приносящие прибыль. В руках данной репрессивной системы находятся финансовые потоки, благодаря которым удовлетворяются потребности.

Перекрытие или изменение направления данных потоков превращает индивидов (или отдельные социальные группы) в маргиналов, стоящих на грани физического выживания. Причины, из-за которых подобное может произойти весьма разнообразны. Это и несоответствие критериям социально-политической системы и нежелательные социальные контакты или отсутствие регистрации на каких-либо сайтах. Последствия индустриальной революции «значительно увеличили среднюю продолжительность жизни, особенно тех из нас, кто живет в «развитых странах», но они дестабилизировали общество, сделали жизнь бесполезной, подвергли людей унижению, привели к широкому распространению психического страдания (в третьем мире также и физического) и нанесли непоправимый вред окружающей среде» [6, с. 18].

Человек общества потребления самоидентифицирует себя прежде всего со своими потребностями. Он не в состоянии от них дистанцироваться и рассматривает потребности в качестве главного предиката собственного существования и своего социального положения. В подобной системе выражение «Пурпурный – цвет королей», заменяется на «Если ты носишь пурпурный, значит ты – король». Таким образом, «симуляция ставит под сомнение различие между «истинным» и «ложным», «между реальным и воображаемым» [4, с. 8]. Как метко заметил в своих сочинениях Жан Бодрийяр, в современном социуме отсутствуют зеркала, здесь есть только витрины. Здесь уже ничто не предъясвляет человеку его искажённое отображение, на основании которого он мог бы критическим осмыслить собственное «Я», свое место в мире.

В подобной ситуации мы уже не можем обратиться к сатире или карнавальности как средствам социальной критики или катарсиса, так как они практически полностью искоренены ежедневной прагматикой (или корпоративной этикой) вследствие своей невыгодности для официальной линии, или же сведены до уровня мемов или демотиваторов.

Обращаясь к анализу исторического опыта (прежде всего к сочинениям М. М. Бахтина и Ж. Ле Гоффа) мы можем встретить детальное рассмотрение своеобразных социальных институтов, действовавших в прошлом в качестве некоего социального демпфера и орудия общественной критики. Сатира, карнавальность, уличное искусство – все это заставляло задуматься (а иногда и посмеяться) над каретной, предлагаемой официозом.

Согласно исследованиям Михаила Михайловича Бахтина (прежде всего работам, посвященным смеховой культуре Средневековья и Возрождения), именно гротеск данных явлений можно интерпретировать как особую эстетическую концепцию существования общества. Гротеск помогает критически осмыслить доминирующую официальную точку зрения на социальную действительность. Ощутить возможность существования иных интерпретаций мира, иного миропорядка, иного мироощущения. Возможность вернуться к первичному, досоциальному ощущению мира и природы, к некоему (говоря языком Ф. Ницше) дионисийскому началу. «Моменты смерти и возрождения, смены и обновления всегда были ведущими в праздничном мироощущении. Именно эти моменты – в конкретных формах определённых праздников – создавали специфическую праздничность праздника» [1, с. 17].

Любопытно, что инверсия бинарных противопоставлений (природное – социальное, официальное – неофициальное) затрагивала ещё одну область культуры, а именно соотношение профанного и сакрального. В период уличного действия активно смешивались или менялись местами практически все оппозиции официальной христианской культуры, идеи о возвышенном и низменном. Именно поэтому в подобных действиях фигура трикстера (шута, скомороха, дурака) становилась центральным действующим лицом, наделялась особым смыслом и превращалась в объект поклонения и интереса. «Шуты и дураки, являются носителями особенной жизненной формы, реальной и идеальной одновременно. Они находятся на границах жизни и искусства: это не просто чудачки или глупые люди, но это и не комические актёры» [1, с. 15].

В качестве же антитезы площадному дураку, шуту, скомороху из народа неизбежно выступает некая официальная фигура. Карнавальный епископ (или носитель иного сана или звания, градоначальник, министр) выступает как вместилище всего официально приемлемого, превозносимого, но подвергаемого площадному осмеянию. Возвышенное переходит в низменное, верх превращается в низ. Риторика возвышенных речей и софистика официоза замещается на пародийное сквернословие и неподцензурную лексику. На подобные своеобразные мотивы искусства и культуры обращал внимание в своих работах выдающийся французский медиевист Жак Ле Гофф. Так, в своём фундаментальном исследовании «Рождение чистилища» при анализе различных аспектов средневековой культуры, он отмечал: «В игре инверсий между культурой учёной и культурой фольклорной обычно именно фольклор воображает мир наизнанку. Здесь мысль учёная, заимствуя восходящую к фольклору тему того света, производит инверсию за свой счёт» [7, с. 439].

Конечно же подобная деятельность во все века с неизбежностью порождает недовольства (а зачастую и резко негативное репрессивное отношение) со стороны власть имущих, так как неизменно рассматривается в качестве покушения на сакральность власти и на механизмы социального доминирования.

Функция критики в современной социальной системе стремительно нивелируется. Пользуясь терминологией Гадамера, диалогичность системы коммуникации под влиянием официального дискурса здесь замещается на монологичность, при которой ««Я» предпочитает себя, а «Ты» просто-напросто берется в расчет - в качестве средства» [5, с. 65]. Всеобъемлющее доминирование официального дискурса, и элиминирование несовпадающих с ним точек зрения работает зачастую как средство принудительной легитимизации властного дискурса в массовом сознании. На это так же влияет активное применение различных методов социального контроля (различные системы социального рейтинга, выявление уровня лояльности, социальная стигматизация и пр.), влияющее на возможности получения доступа к материальным благам. «Любая система, чтобы стать целью в себе, должна устранить вопрос о своей реальной целесообразности. При помощи шулерской законности потребностей и удовлетворения вытесняется вопрос о социальной и политической целесообразности порядка производства» [2, с. 81].

В современной системе «Я» абсорбируется и рассасывается в постоянном круговороте объектов-знаков, активно фетишизируемых при помощи масс-медиа и наделяемого глубинным псевдосмыслом при помощи рекламы и пропаганды. «Мы полностью захвачены обменом: на него – будь то обмен рыночный или обмен символический – в настоящее время, так или иначе, выходят все наши построения. Во всяком случае, именно он составляет действительную основу нашей морали, точно так же, как и убеждения, что обмениваться может всё, что существуют лишь вещи, которые в состоянии стать ценностью, а значит, замещать одна другую» [3, с. 49].

Стоит отметить, что здесь идет речь не только о материальных объектах, но и о приобретаемых символах социального положения (звание, степень, статус и др.). В подобной системе «ценностей» вещи интерпретируются в виде некоего комплекса, который несет в себе не столько функциональную прагматическую нагрузку, сколько задаёт иерархическую систему ранжирования личностей. Происходит своеобразная редукции личности к определенному спектру вещей-символов (маркам, брендам, видам недвижимости и др.) практически полностью детерминирующих социальное положение индивида. Так, Элвин Тоффлер в своей работе «Футурошок», указывал: «Любое изделие будь то автомобиль или консервный нож может быть оценено по разным параметрам, Автомобиль, например, не только транспортное средство, Он выражает личность своего владельца, является символом его общественного положения» [9, с. 81].

Неодинаковость вещей-символов подменяет собой прежние механизмы социальной стратификации – пол, расу, социальный класс, то есть ранжирование в подобной системе осуществляется за счет объектов, доступных для потребления. Именно данный критерий и приводит к неизбежной фетишизации вещей-символов.

Если исходить из критической позиции Жана Бодрийяра, то не потребности детерминируют функционирование системы производства, а напротив – система потребностей искусственно задается системой производства. Система потребностей здесь не возникает спонтанно, исходя из биологической или социальной необходимости. Она планомерно формируется и организуется рычагами современной цивилизации как специфическая социальная потребительская сила. Здесь не отражается случайное отношение индивидуума к некоторому объекту. Здесь прогнозируется и задается любая потребительская закономерность. Тот же Элвин Тоффлер отмечал: «Потребитель иногда попадает в ловко расставленную западню: производитель преднамеренно укорачивает жизнь старого изделия и одновременно выпускает «новую усовершенствованную» модель, разрекламировав ее как последнее достижение передовой технологии» [9, с. 80].

Фетишизация, превращение человека в придаток системы потребления, усиливает социальное отчуждение и фрагментирование общества. Говорить о современном обществе как о некой системе, стремящейся к социальной гармонии и консолидации практически невозможно. «Разделение труда, функциональное разделение терминов дискурса не «мистифицируют» людей, а социализируют их и формируют их обмен в соответствии с абстрактной общей моделью. Само понятие индивида здесь является продуктом этой обобщённой системы обмена» [2, с. 204].

Гигантский разрыв в материальном положении различных социальных слоев, кредитная зависимость, галопирующая инфляция, политическая нестабильность – все это помещает индивидуума в ситуацию, при которой приходится прежде всего думать о чисто биологическом выживании. Работа в этом случае превращается не столько в общественно полезную деятельность, сколько в выгодный

для социальной элиты инструмент эксплуатации, позволяющий предъявлять самый широкий (а иногда и бессмысленный) перечень требования и активно использовать неоплачиваемые формы труда (обязательная рабочая нагрузка, выполняемая в нерабочее время, социальное служение и др.). Именно для этого системе выгодно поддерживать в обществе определенный уровень безработицы. Этому также способствует метаморфозы рынка труда, наблюдаемые в постиндустриальном обществе. Активная миграция населения, фриланс, кратковременные проекты, служащие только для выполнения определенного вида заказа, обозначенные Элвином Тоффлером как «адхократия» (от лат. «ad hoc» – для конкретного случая) – все это сказывается на уровне занятости населения. В этих условиях активно формируется глобальное явление, обозначенное Гаем Стэндингом в своих работах как «прекариат» (от лат. *precarium* – нестабильный, негарантированный) [8].

Частично занятые или временные работники, чье неустойчивое положение характеризуется низкой социальной защищенностью и нестабильным доходом, могут выступать как современное олицетворение отчуждения как от результатов труда, так и социального отчуждения. «Прекариат понимает, что у всего, что он делает в настоящий момент, нет никакой проекции на будущее, как нет и самого будущего. Он не удивится, если завтра окажется «не у дел», и, почему знать, может, это не так уж и плохо, если подвернется другая работа или поманит очередной проект?» [8, с. 23].

Подобное положение индивидов имеет двойственную перспективу. С одной стороны, прекариат может стать плодотворной социальной средой для различных маргинальных явлений, так как наличие класса с низкой социальной защищенностью и неустойчивостью может вызвать самые негативные явления (например, вовлечение в различные стихийные или спланированные акции или движения). «В настоящее время временная работа – четкий показатель своего рода уязвимости. Для кого-то она может стать ступенькой для карьерного роста. Но для многих это ступень, ведущая вниз, к статусу с более низким доходом» [8, с. 26]. С другой стороны, наличие прекариата открывает для социальной элиты широкие возможности для эксплуатации и значительно снижает расходы на оплату труда. Конечно, постоянная сменяемость кадров может повлечь за собой активную депрофессионализацию и изменение профессиональной структуры общества, вследствие которого происходит изменение средневзвешенного уровня квалификации занятого населения, но для системы, нацеленной на выполнение конкретных проектов и получения реальной прибыли, подобная ситуация является приемлемой. Выгодными здесь будут считаться только те работники, которых легко найти и от которых легко избавиться.

Помимо этого, у прекариата сильно «размыты» основы для единой социальной самоидентификации. Временные работники и работники, занятые неполный рабочий день, безработные и фрилансеры, стажеры, а также часть мигрантов, подвергаемые трудовой эксплуатации – все могут быть отнесены к данному социальному классу [10, с. 4-5]. Наблюдаемый статусный диссонанс вызывает активную деконсолидацию данной части общества. Говорить о каком-либо социальном единстве тут не приходится.

Кроме того, постоянная социальная акселерация и тяга к постоянным техническим инновациям порождают усложнение систем социальной взаимозависимости (особенно, при помощи высоких технологий) и соответственно понижают порог её равновесия и устойчивости к кризисным явлениям. Так, при процессах постоянной новации сложную многоэлементную систему легче вывести из состояния равновесия, чем менее сложную и более инертную (например, традиционное аграрное общество), даже если критическое воздействие будет направлено только на отдельные её элементы (например, на банковскую или энергетическую систему). Именно поэтому возможность, если не разрушить, то хотя бы временно парализовать функционирование социальных и политических институтов при помощи террористических актов вдохновляет деятельность множества экстремистских групп и отдельных индивидуумов.

В современной системе, благодаря доминированию масс-медиа и информационных потоков теракт становится очередным событием в череде событийности. «Все теракты, угоны самолетов и т.д. отныне являются в некотором роде преступлениями – симуляциями, если иметь в виду их заведомую вписанность в дешифровку и ритуальную оркестровку средствами массовой информации, заведомую известность их сценариев и возможных последствий» [4, с. 33].

Выгодна ли такая ситуация для официальной системы? Вполне возможно. В контексте существования террористических актов и совершающих их лиц и организаций различного толка (ультралевые, ультраправые, националистические, религиозные и т. д.) и прибегая к доказательству от противного, система интерпретирует себя как воплощение стабильности и порядка, дающая индивидам возможности (иногда и разовые) для более-менее стабильного существования. Происходит своего рода самолегитимизация системы. В массовом сознании формируется установка: «Так и должно быть, иначе

– хаос, террор и массовые беспорядки!».

Еще одной сферой активного влияния постиндустриального общества становится естественная окружающая среда. Несмотря на декларируемый переход к наукоёмким, ресурсосберегающим и информационным технологиям, провозглашённым многочисленными гуру техноцивилизации (М. Маклюэн, Д. Белл и др.), природа все также рассматривается в качестве бесконечного ресурса, единственное назначение которого – обеспечивать комфортное существования человека потребляющего.

«Природа являет собой безупречный контр – идеал технологии по нескольким причинам. Природа (та, что находится вне власти системы) – это противоположность технологии (которая стремится неограниченно расширить власть системы). ... Вовсе не обязательно учреждать ради природы какие-то химерические утопии или новые типы социального порядка. Природа сама заботится о себе» [6, с. 65].

Наступление на природу обладает для официальной системы не только прагматическим, но и символическим характером, при котором естественная органическая неупорядоченность замещается алгебраическим порядком бетонных конструкций. Природная среда здесь становится объектом получения прибыли и больше не рассматривается как естественная среда обитания человека.

Перечисленные выше факторы, которые можно рассматривать в качестве неотъемлемых предикатов существования современной цивилизации, приводят к неизбежным метаморфозам, вызываемым как в общественном, так и в индивидуальном сознании. Метаморфозам, порождающим самый целый спектр различных вариантов поведения и противодействия. От дауншифтинга и акций в стиле Теда Качинского, до современных аналогов жизни на Уолденском пруду Генри Дэвида Торо или пифоса Диогена.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / Михаил Бахтин. – М. : Эксмо, 2014 – 704 с.
2. Бодрийяр, Ж. К критике политической экономии знака / Жан Бодрийяр – М. : Академический проект, 2007. – 335 с.
3. Бодрийяр, Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту / Жан Бодрийяр. – Екатеринбург : У-Фактория, 2006. – 200 с.
4. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Жан Бодрийяр. – М. : ПОСТУМ, 2013. – 240 с.
5. Канке, В. А. Основные философские направления и концепции науки. Итоги XX столетия / Виктор Канке. – М. : Логос, 2000. – 320 с.
6. Качинский, Т. Индустриальное общество и его будущее / Теодор Качинский – М. : Опустошитель, 2023. – 180 с.
7. Ле Гофф, Ж. Рождение чистилища / Жак Ле Гофф. – Екатеринбург : У-Фактория, 2011. – 544 с.
8. Стэндинг, Г. Прекариат: новый опасный класс / Гай Стэндинг. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2011. – 328 с.
9. Тоффлер, Э. Шок будущего / Элвин Тоффлер. – М. : АСТ, 2001. – 560 с.
10. Тощенко, Ж. Т. Прекариат – новый социальный класс / Жан Тощенко // Социологические исследования. – 2015. – С. 3 – 12.
11. Фромм, Э. Бегство от свободы ; Человек для себя / Эрих Фромм. – Мн. : Попурри, 2000. – 672 с.
12. Хайдеггер, М. Что такое метафизика? / Мартин Хайдеггер. – М. : Академический проект, 2007. – 303 с.

Статья поступила в редакцию 03.02.2025

Tkachenko, R. V. Criticism of Post-Industrial Society in Modern Social Philosophy

The article examines critical aspects of modern social philosophy in the context of the analysis of the major problems of post-industrial society. It focuses on the study of concept of a post-industrial society depending on the functioning of various social and political institutions. In addition, the attention is paid to diverse issues related to the problem of social and technological changes within the framework of approaches characteristic of postmodern philosophy. The author provides a comparative analysis of the critical stances of various philosophers regarding the problem of understanding the essence of post-industrial society and modern civilization.

Keywords: post-industrial society, social criticism, social stratification, consumer society, postmodernism, simulacra, fetishization, social acceleration, precariat, exploitation.

УДК 321:141(470)

Статья посвящена проблеме власти в отечественной философии. Отдельное внимание в процессе исследования уделено анализу подходов в русской философии к вопросу о природе и сущности власти. Определены основные качества политического процесса, а также проанализированы оценки позитивных и негативных сторон формирования отношений власти.

Ключевые слова: власть, государство, человек, гражданин, право.

С. В. Чугунов, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: serzh.chugunov.62@mail.ru

ПРОБЛЕМА ПРИРОДЫ И СУЩНОСТИ ВЛАСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Природа и сущность власти, формы ее проявления в различных областях социальной жизнедеятельности общества являлись объектом анализа отечественной философии в разные исторические периоды. В. С. Соловьев отмечал, что вопрос о происхождении власти сложен и не однозначен по своему решению. Его сложность заключается в необходимости ответа на вопрос, почему большинство людей добровольно подчиняются меньшинству, выполняя их приказы и распоряжения? Но власть необходима, она учит людей признавать силу закона, ценить справедливость, понимать свое место и роль в обществе. Отвечая на вопрос Соловьева, Л. А. Тихомиров утверждал, что в глубине души каждый человек стремится к подчинению кому-либо или чему-либо, поэтому реальность власти является прямым следствием психической природы человека.

Славянофилы, а затем представители анархизма утверждали, что государство и власть не являются обязательными условиями развития социальной жизни, т. к. единство граждан подразумевает, прежде всего, их равноправие, а управление может опираться на принцип коллективного решения. Данный подход подверг критике С. Л. Франк. По его мнению, одним из начал общества является начало иерархизма. В любом общественном строе, на каких бы условиях оно не строилось и основывалось неизбежным следствием становится неравенство между людьми, имеющими различный социальный статус. Сравнивая общество с живым организмом, философ отмечал, что социальное целое не является однородной кучей, а представляет собой сложную динамичную систему, чьи элементы выполняют различные функции. Принцип иерархизма опирается на две формы отношений, которые характерны для любых объединений людей – властвование и подчинение. Поэтому, как подчеркивал русский философ, власть не может существовать без промежуточных звеньев, а те, в свою очередь, без определяющего направления развития власти, центра. Длина цепи звеньев является показателем прогресса общества, а ее упрощение может свидетельствовать о начале общественного упадка. Иерархическая структура общества должна носить характер подчинения большинства единству, которое находит свое выражение в деятельности высшей инстанции. Наиболее адекватной формой выражения единства является единовластие, выражающее организующий и творческий потенциал отношений власти.

Решая вопрос о происхождении власти, Франк отмечал, что первоначально отношения подчинения основывались на чувстве страха перед физической силой. Затем, в процессе усложнения социальных отношений и механизма власти подчинение закрепляется в языковой форме, порождая «объективную силу повеления». Эта сила проявляется не в действиях носителей власти, а в общественном мнении. Общественное мнение проявляется не только в осознанном одобрении или осуждении деятельности власти, но и в чувствах, переживаниях. Именно на бессознательном отношении к власти акцентировал внимание Франк, утверждая, что формирование общественного мнения может носить непредсказуемый характер, включать в себе неопределенные элементы и не прогнозируемые результаты.

Психическая убежденность, господствующая в общественном мнении, с одной стороны, слабая политическая активность граждан – с другой стороны, являются, как считал Франк, основными причинами деспотизма власти. Опасность деспотизма выражается в вере народа в силу власти, в возможность достижения социального счастья и материального благополучия. Философ утверждал, что там, где господствует фанатичная вера в лучшее будущее невозможна никакая рациональная аргументация.

Анализируя различные исторические формы власти, Франк пришел к выводу, что переход от деспотизма к демократии должен опираться на сознательное стремление граждан управлять государством. Философ отмечал: «Только общество, которое не поклоняется более никаким идолам, которому чужда фанатическая вера, приводящая к обожествлению одних человеческих дел и стремлений, и к деспотическому подавлению и истреблению противоположных, – только такое общество навсегда освободилось от деспотизма и только строй жизни, основанный на моральном уважении ко всем мнениям и верам, на терпимости, истекающей из независимого критического мышления, образует прочную твердыню свободного демократического устройства» [4, с.129 -130].

Как сторонник либерализма, Франк считал одной из совершенных форм власти либерально-демократическую форму, но и ее принципы могут быть искажены действиями партии или решениями парламента. Слабость демократии заключается в ориентации на стремление удовлетворить материальные потребности граждан, тогда как истинная сила власти должны опираться на реализацию духовных ценностей. Только в этом случае, как утверждал философ, возможно достижение соборного единства как основы для последовательного строительства общества.

Всякая власть от Бога. Это утверждение Н. А. Бердяев считал истиной только при условии, что всякая власть исполняет свое объективное назначение, выражая общенациональные и государственные интересы. Власть объективна, она не должна быть классовой или партийной. Как указывал философ, это бремя и служение. Тот, кто взял на себя бремя власти, принимает на себя ответственность за судьбы государства и народа, а не отдельной социальной группы, всего целого, а не части. Власть, отрицающая ответственность перед своими гражданами обречена, так как она утрачивает доверие и перестает выполнять функцию служения. Поэтому ответственность власти заключается в свободе ее действий на основе доверия со стороны народа. В тоже время, структуры власти не должны проявлять классовое господство или личную заинтересованность в управлении государством.

Власть не может быть абсолютной. Ограничение властных полномочий не является результатом слабости власти, т. к. слабая власть никому не нужна. Ограничение власти – это объективно необходимый процесс, препятствующий проявлению с ее стороны произвола или действий, выражающих стремление к насилию.

Наиболее сложной проблемой, так же, как и Франк, Бердяев считал вопрос о происхождении власти. По мнению философа, любой носитель власти обладает гипнотическим воздействием, призывающим к подчинению. Бердяев отмечал: «Дар людей власти заключается в способности к внушению. Властвует тот, кто ввергает народные массы в гипнотическое состояние» [1, с.315]. Если, в древние времена, процесс воздействия на людей дополнялся их верой в божественную природу власти, то в современности, важную роль имеет пропаганда. Пропаганда, проникая в подсознание людей, рождает страсти, которые, по определению философа, являются стимулом к подчинению.

Одной из функций пропаганды является поддержание престижа власти, но престиж должен опираться на конструктивные действия, а не на обещания, которые, нередко, не связаны с реальными событиями. Да и стремление к престижу не всегда бывает корыстным, оно может быть даже жертвенным. Престиж, только тогда имеет ценность, когда связан с творчеством, служением, желанием претворять в реальность социальные ценности.

Пропаганда власти, как утверждал Бердяев, не должна сводится к ее «обожествлению». Любые попытки придать власти «священный» характер философ считал необоснованными. Власть, одна из функций которой – борьба со злом, сама может стать его источником. Поэтому одной из центральных проблем анализа властных отношений является вопрос о субъекте власти. По мнению Бердяева, можно говорить, только о двух типах властных отношений: аристократии и охлократии, власти лучших и власти худших. Чем лучший отличается от худшего? Лучший осознает истину, что основой власти является вера в человека, в его свободу и творческий потенциал. Только в этом случае, как утверждал философ, подчинение власти не будет приобретать механический характер, вызывать недовольство и стремление к ее свержению.

В чем сила власти? Отвечая на этот вопрос, И. А. Ильин отмечал, что сила власти заключается в духовности и проявлении воли. Духовная сторона власти проявляется в ее достоинстве и авторитете. Основу достоинства составляет доверие граждан, их свободное и сознательное стремление принимать участие в государственной деятельности. Доверие граждан не нуждается в принуждении. Философ признавал, что принуждение может быть необходимой мерой, но, как условно временная замена истинной силы. Духовный авторитет власти, во многом зависит от ее независимости. Власть должна быть автономной, только в этом случае, она имеет авторитет в народе, проявляя силу своею правотой и готовностью к «служению».

Ильин отмечал, что важным фактором укрепления власти является проявление ею воли. Безвольная власть, не проявляющая строгость и твердость в решении государственных вопросов, не найдет отклика у граждан. Безволие власти – это причина недоверия к ней, нежелание выполнять ее указы – причина зависимости от внешних факторов. Даже зависимость от церкви нежелательна и, по мнению философа, противоречит канонам христианства. Воля, как внутренняя сторона власти, направлена не только на реализацию какой-либо политической задачи. Воля правителя мобилизует граждан к принятию решения, активизации своих стремлений. Ильин подчеркивал: «Властвование есть тонкий художественно согласующийся процесс общения более могучей воли с более слабой волей» [2, с. 234].

Воля власти не может носить беспредметный характер, ее духовная сторона связана с особыми способами достижения результата, носящими правовой характер, что способствует ее единству. Философ отмечал, что правосознание не может принимать и реагировать на две нормы, исходящие от двух, исключаящих друг друга субъектов власти. Единство власти придает ей авторитет, служит препятствием для попыток разрушения государства. Воля к власти направлена на осуществление государственных целей, поэтому политические программы не должны носить классовый характер. Государственная программа утрачивает свое содержательно поступательное значение, если защищает интересы класса, а не всего народа. Программа должна быть осуществима, включать в себя реальные меры и реформы, только в этом случае воля реализуется в процессе государственного строительства.

Особое внимание Ильин уделял этической стороне власти. Управлять государством должны люди достойные, честные, справедливые и неподкупные. Управляющий слой общества обязан учитывать творческую активность граждан, поощрять, а не принуждать, служить живым примером. Философ отвергал любые формы проявления авантюризма, карьеризма, демагогии в системе государственного управления. Демагог выдвигает популярные лозунги, мобилизуя граждан для противогосударственных или противоправных действий. Характерной чертой людей власти является осознание ответственности за принимаемые решения, отношение к власти не как к привилегии, а как к труду.

Л. П. Карсавин поставил вопрос об исторической природе власти. По его мнению, власть должна принадлежать достойным людям, иначе в государстве не будет достигнуто единство граждан. В процессе развития всеединого социального субъекта, например, нации, происходит формирование господствующего слоя. Господствующий слой постепенно трансформируется в политическую элиту, представляющую собой субъекта власти. Философ считал, что политическая элита, как динамическая система отношений, видоизменяется в зависимости от уровня преобразования общества. Именно элита составляет основу для формирования правительства и различных элементов властных структур. Создавая элементы власти, элита может преследовать, только собственные интересы, не принимая во внимание потребности и желания других граждан. В этом Карсавин «видел» причину слабости элиты и условие возможности раскола государства. Данную ситуацию он назвал процессом «отрыва» от народа, ошибкой односторонности решений власти.

Любой субъект власти функционально ограничен, с одной стороны, условиями развития конкретной социальной ситуации, с другой стороны, возможностями своего состава. Поэтому решение правительства может рассматриваться только как единичный акт. Преодолением данной ситуации, по мнению философа, является взаимодействие членов правительства и его общение с правящим слоем, а через него и со всем народом. Только в этом случае, единичные правительственные акты получают возможность быть действительными и общезначимыми символами выражения народных идеалов. Выражая свое решение и осуществляя свою волю, правительство тем самым выражает и реализует потребности народа и народную волю. Своим единичным актом оно «дает выход» для множества единично-индивидуальных актов: индивидуальные личности признают, одобряют и поддерживают действие правительства. Так правительство, по мнению Карсавина, становится через посредство правящего слоя носителем народных взглядов и народной воли, по сути являясь культурно-государственным объединением.

Центральная функция «государственного актива» или правительства – управление социальными процессами. «Он должен быть стержнем правящего слоя, вонзающимся в глубину народного материка, живым стволом, ветви которого прорастают всю толщу народной жизни. Он прорезает культурное целое и в вертикальном, и в горизонтальном направлениях. И при соблюдении этих условий его идеология может быть действительно народной, а он сам – выражать народную волю» [3 с.223]. Как носитель идеологии, государственный актив объединяет неактивных граждан, политически их направляя на реализацию своих решений. Но, как считал русский философ, выполняя функцию управления, правительство не должно подавлять или устранять возможность активного

участия субъектов хозяйства и духовной культуры. Наоборот, оно обязано способствовать и содействовать их деятельности, взаимодействовать с ними, что является важным фактором развития социального бытия. Только в этом случае, политические объединения и элементы власти будут представлять собой необходимую часть государственной системы, а не обособленную политическую «единицу».

Анализируя различные формы власти, Карсавин пришел к выводу, что ни одна из них не является совершенной. Абсолютная власть, опираясь на принцип индивидуальной формы правления, не ограничена в своих возможностях. В этом заключается ее преимущество. Но в тоже время, она не рассматривает народные массы как субъект власти, что не редко приводит к деспотизму. В конечном итоге, там, где политические права народа ограничены, а государственный актив бездействует, нельзя говорить о сильном государстве.

Демократическая власть, как утверждал философ, является результатом многопартийной борьбы. При этом, политическая деятельность народа сводится к участию в выборах и от управления государством он, фактически устранен. Многопартийность ослабляет государственную власть, делая ее непоследовательной. Слабость власти проявляется в отсутствии единого идеологического пути, стремления к поиску компромисса между противоречиями в целях и задачах партийных программ. Карсавин считал, что путь развития государственной власти должен заключаться в создании условий для становления и усиления форм проявления политической культуры народа. Только в этом случае можно утверждать о действительной силе государства.

Список литературы

1. Бердяев, Н. А. Царство духа и царство кесаря / Н. А. Бердяев. – М. : Республика, 1995. – 383 с.
2. Ильин, И. А. Почему мы верим в Россию : соч. / И. А. Ильин. – М. : Эксмо, 2007. – 912с.
3. Карсавин, Л. П. Избранные сочинения / Л. П. Карсавин. – Харьков : Фолио, 1992. – 525 с.
4. Франк, С. Л. Духовные основы общества / С. Л. Франк. – Нью-Йорк : Посев, 1988. – 316 с.

Статья поступила в редакцию 23.01.2025

Chugunov, S. V. *On the Nature and Essence of Power in Russian Philosophy*.

The article is devoted to the problem of power in Russian philosophy. Special attention in the course of the research is paid to the analysis of Russian philosophy approaches to the question of the nature and essence of power. The main qualities of the political process are also identified. The article pays more attention to the analysis of the assessment of the positive and negative sides of the formation of power relations.

Keywords: power, state, person, citizen, law.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 393(=16)

На основе анализа текста «Повести временных лет» и произведений арабских авторов X в., а также материалов археологических исследований восточнославянских могильников языческой эпохи авторы представили свое виденье структуры и идейной семантики древнерусского языческого обрядового комплекса тризна. По мнению авторов, тризна представляла собой сложный ритуальный комплекс обычаев и обрядов, осуществляемых нашими предками в языческую эпоху перед захоронением умершего. Начиналась она хмельным пиром, сопровождавшимся плачем и самоистязаниями и заканчивался веселой музыкой и ритуальными играми. Все эти обычаи и обряды символизировали разрыв родовых связей покойника с живыми родственниками и переход его в некое идеальное место в небесном мире.

Ключевые слова: тризна, погребение, хмельной пир, самоистязания, игрища, языческие могильники.

М. Н. Козлов, доцент, д-р ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: kmn_75@mail.ru

Е. Е. Бойцова, доцент, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: e.e.bojtsova@mail.sevsu.ru

ТРИЗНА В СИСТЕМЕ ДРЕВНЕРУССКИХ ЯЗЫЧЕСКИХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ

Несмотря на то, что восточнославянское язычество неоднократно становилось предметом научного исследования, оно все еще во многом остается для отечественных ученых большим белым пятном. Особенно сложно провести реконструкцию многочисленных языческих обрядов. Так, благодаря археологическим исследованиям мы знаем каким образом наши предки хоронили умерших, какой погребальный инвентарь сопровождал покойника в загробный мир и т. п. При этом многочисленные ритуалы, сопровождающие погребения наших предков-язычников во многом остаются для нас загадкой.

Так, неотъемлемой частью восточнославянской языческой погребальной обрядности была тризна – сложный ритуальный комплекс, связанный с обрядом погребения. Несмотря на тот факт, что тризна неоднократно упоминается в восточнославянских письменных источниках XI-XVI вв., многие детали до сих пор надежно не установлены. Между тем, полноценное изучение древнеславянской культуры дохристианской эпохи невозможно без детальной реконструкции языческих обрядов, связанных с тризной.

В отечественной гуманитарной науке вплоть до нашего времени сохранились две противоречащих друг другу теории относительно того, какие языческие обряды составляли основу тризны. Так, долгое время в науке под словом «тризна» понимали «хмельной пир», или поминки по умершему человеку [11, с. 65], [13, с. 239].

М. С. Грушевский предположил, что частью погребальной тризны могли быть также воинские и ритуальные игры, но при этом отмечал, что практиковали их лишь представители славянской воинской элиты [5, с. 146-147].

Его поддержал В. Томк, по мнению которого, тризна представляла собой систему военных поединков и ритуальных игр, главная цель которых заключалась в том, чтобы умиловить подземных богов [24, с. 17].

Согласно точке зрения О. Н. Трубачева, «тризна» – это жертвоприношение трехлетних животных во время погребения умершего [25, с. 133].

Гипотезу М. С. Грушевского и В. Томка вполне разделял Б. А. Рыбаков. По его мнению, тризна представляла собой боевую игру, призванную отогнать чудовищ загробного мира от живых людей [18, с. 87].

Схожего мнения придерживался М. В. Попович, который видел в тризне имитацию «мира наизнанку», «антимира» [16, с. 34].

В наше время представления о тризне как комплексе погребальных обрядов, связанных с ритуальными играми и ристаниями придерживается Е. В. Рыбакова [17, с. 62].

Таким образом, можно предположить, что в отечественной исторической науке не существует единого мнения относительно структуры и идейной семантики тризны.

Историческая реконструкция языческого обрядового ритуального комплекса тризна – основная цель данной статьи.

В процессе исследования применялись специальные методы познания (историко-аналитический и проблемно-хронологический). Материалы, которые составляют основу исследования, изучены и подвергнуты анализу с учетом хронологии событий, необходимости получения исторической информации из прорабатываемых научных источников. При сопоставлении различных теоретических взглядов по анализируемым проблемам использован метод сравнительного и ретроспективного анализа.

Основой источниковедческой базы данной статьи стали описания древнерусских языческих погребальных обрядов из «Повести временных лет», а также произведений арабских авторов X в. Также при написании статьи были использованы материалы археологических исследований восточнославянских могильников языческой эпохи.

Летописец Нестор в начале своей «Повести временных лет» сообщает о том, что в его время вятичи, кривичи и многие другие «погане» «творяху тризну» над телом покойника перед его кремацией [15, с. 11]. Как видно из данного источника, современники Нестора понимали под тризной весь комплекс языческих обрядов и обычаев, предшествующих непосредственно захоронению покойника. При этом, летописец явно описал простонародные языческие традиции, никак не связанные с обычаями и обрядами древнерусской воинской элиты. Данный факт убедительно опровергает гипотезу М. С. Грушевского.

Другое упоминание тризны можно найти в той же «Повести временных лет» под 945 г. в тексте легенды о мести княгини Ольги. Согласно данному источнику, княгиня приказала древлянам «готовить меду многи для тризны в Искоростне» перед погребением тела князя Игоря [15, с. 28]. Как мы видим, в данном источнике частью тризны перед захоронением князя Игоря назван погребальный пир с хмельным медом. Таким образом, погребальный хмельной пир был обязательной составной частью тризны.

Хмельные напитки (особенно мед) и ритуальная пища, видимо, были символом прощания общины с умершим и умершего с реальным миром. Не случайно в «Слове о полку Игоревом» князю Святославу перед гибелью приснился сон, в котором он пьет вино «с горем смешанное» [22, с. 8]. В этом сюжете, как верно заметил М. П. Алексеев, нашла свое отражение инициация перехода князя в загробный мир [1, с. 240].

Согласно «Запискам путешественника» Ибн-Фадлана с умершим славянским князем во временную могилу клали еду и хмельной мед [9, с. 98]. Из другого отрывка его труда мы узнаем о том, что обреченная на смерть девушка перед принесением ее в жертву выпила две глиняных кружки хмельного напитка. Они, по словам Ибн-Фадлана, символизировали прощание девушки с миром живых людей [9, с. 99].

У славян Мекленбурга еще в XV в. существовал обычай предлагать умершему перед захоронением кружку хмельного напитка, а затем выливать его в могилу [13, с. 142].

Согласно данным польского священника Иоанна Мелетия, украинцы Прикарпатья в XVI в. перед захоронением покойника обычно садились за стол, и пили хмельной мед, заедая его блинами, а затем «дарили подарки умершим» – женщине давали в могилу нитки с иглой, мужчине – платок, который повязывали ему на голову [10, с. 152].

Погребальный пир сопровождался криками и самоистязаниями. Так, Ибн-Русте, арабский ученый первой половины X в., пишет в своей «Книге драгоценных сокровищ» о том, что перед захоронением умершего женщины царапают себе ножом лица и руки [8, с. 45]. В «Житие Константина Муромского» – источнике XVI в., в котором, описывая дохристианские обычаи славянского населения древнего Муром, автор упомянул «плач безмърный, ножекроение и лицедрание» как элемент погребального обряда, осуществляемый перед кремацией покойника [7, с. 234].

В «Слове от отца к сыну» сообщается о том, что в день, когда провожают покойника в последний путь, все «ад других мртца плачуть» [21, с. 483].

Вероятно, подобные обычаи существовали и у западных славян. Так, в XVI в. один из чешских королей объявил даже специальный Муранский указ в котором под страхом сурового наказания запретил в день погребения умершего следовать языческим обычаям – царапать себе лицо, вырывать волосы, громко кричать [13, с. 217].

Хмельной пир перед захоронением умершего проходил, согласно данным археологии, как недалеко от места будущего захоронения, так и вне могильников. Так, согласно данным археологии, в целом ряде случаев тризна осуществлялась недалеко от места захоронения умершего, на территории самого могильника. Так, при раскопках курганного могильника у села Пересаж (нынешняя Черниговская область Украины) на дне рва, который окружал курганы, были найдены под дерном целые кувшины и кости животных со следами дробления [27, с. 102].

Следы проведения общинного пира (кости жертвенных животных со следами деления на порции и дужки деревянных ведер) были найдены при раскопках древнерусских курганов Волини, Среднего Поднепровья, Новгородских сопок, могильников Водской пятины, а также дружинных могильников Киева, Чернигова, Гнездова, Тимирево, Шестовиц [20, с. 111], [12, с. 88], [6, с. 34, 75], [2, с. 89], [20, с. 254].

В подавляющем же большинстве древнерусских могильников дохристианской эпохи никаких следов тризны зафиксировано не было. Таким образом, можно предположить, что погребальные пиры в подавляющем большинстве случаев проводились за пределами языческих могильников.

Дошедшие до нашего времени письменные источники свидетельствуют о том, что тризна включала не только погребальный пир, но и игрища – состязания, ритуальные игры и т. п.

Так, в древнерусских документах XII-XVII вв. слово «тризна» упоминается в значении «игрище», «битва», «поединок», «тризнище» – место проведения состязаний [23, с. 995]. У чехов слово «třizen» означает «мука», «truzniti» – «издеваться», «мучать» [26, с. 102]. В древнерусском глоссе к рукописным беседам Иоанна Лествица «тризна» употребляется в значении «подвиг». В новгородском словаре XV в. слово «тризна» пояснено как «мука», «страдание» [4, с. 267].

В нескольких дошедших до нашего времени письменных источниках упоминается битва как часть погребального обряда. В частности, подобную ассоциацию можно найти в «Житии Константина Муромского» [7, с. 231].

Согласно «Запискам» Ибн-Фадлана, перед кремацией умершего князя, некие воины-русы били по щитам, иницируя звуки битвы [9, с. 99]. По словам Иоанна Мелетия, русины в XVI в. сопровождавшие мертвеца на кладбище махали мечами, отгоняя от покойника «нечистую силу» [10, с.152].

На территории нынешней Западной Украины сохранились вплоть до начала XX в. обычай устраивать посмертные игры при покойнике [14, с. 107], [19, с. 130]. В разных местах они имели разные названия - «лопатки», «грушки» и «лубок», и проходили ночью в доме, где находился покойник [14, с.107]. Интересная игра под названием «У бога и черта» сохранилась у закарпатских горцев. В ходе игры молодые люди, которые проводят ночь возле мертвеца, разбиваются на две группы. Каждая из них пытается перетянуть кого-то с противоположной стороны. Тот, кого перетянут, считается «убитым» [19, с.130]. Нетрудно заметить, что во время этого ритуала имитируются некоторые элементы древних поединков во время тризны, приводившие к смерти участников.

Н. М. Велецкая предположила, что подобные ритуальные игры иницируют древний обычай убийства пожилых людей [3, с.153-154]. По нашему мнению, данная гипотеза представляется маловероятной, поскольку такие обряды имели место и в том случае, когда умирали молодые люди.

Не находит подтверждение и гипотеза В. Томка и М. В. Поповича, связывающих ритуальные игры перед погребением умершего с поклонением подземным богам. Так, согласно дошедшим до нашего времени письменным источникам, наши предки во время погребения умершего обычно имитировали веселье. Так, Ибн-Русте, в своей «Книге драгоценных сокровищ», например, сообщил, что во время кремации славяне играют на музыкальных инструментах (лютнях, гуслах и свирелях), пьют изготовленный из меда хмельной напиток и «громко веселятся», радуясь тому, что покойнику придавалась большая милость попасть на небо [8, с. 48].

Схожие данные сообщает и арабский путешественник X в. Ибн-Фадлан, по словам которого перед сожжением умершего князя все веселятся и радуются, даже девушка, предназначенная в жертву покойнику [9, с. 99].

Таким образом, музыка и ритуальные игры перед погребением покойника символизировали не подземный «антимир», с которым у наших предков были связаны самые мрачные представления, а некое идеальное место – небесный вырий.

Можно вполне согласиться в этом отношении с Н. Н. Велецкой, по мнению которой, комплекс обрядов, связанных с весельем и ритуальными играми практикуемый нашими предками-язычниками перед кремацией покойника, символизировал один из этапов проводов умершего в мир мертвых [3, с. 160].

В целом же, можно прийти к выводу о том, что тризна представляла собой сложный ритуальный комплекс обычаев и обрядов, осуществляемых нашими предками в языческую эпоху перед захоронением умершего. Начиналась она хмельным пиром, сопровождавшимся плачем и самоистязаниями и заканчивалась веселой музыкой и ритуальными играми. Все эти обычаи и обряды символизировали разрыв родовых связей покойника с живыми родственниками и переход его в некое идеальное место в небесном мире.

Список литературы

1. Алексеев, М. П. К сну Святослава в «Слове о полку Игореве» / М. П. Алексеев // Слово о полку Игореве : сборник статей / вступ. статья и комментарии В. П. Адриановой-Перетц. – М.-Л. : Наука, 1950. – С. 226-248
2. Бліфельд, Д. І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці / Д. І. Бліфельд. – Киев : Наукова думка, 1977. – 233 с.
3. Велецкая, Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов / Н. Н. Велецкая. – М. : Наука, 1978. – 239 с.
4. Востоков, А. Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея / А. Х. Востоков. – СПб. : Печатня Румянцевского музея, 1842. – 371 с.
5. Грушевський, М. С. Історія України-Руси / М. С. Грушевський. – Київ : Наукова думка, 1991. – Т. 1. – 648 с.
6. Дубов, И. В. Новые источники по истории Древней Руси / И. В. Дубов. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1990. – 197 с.
7. Житие Константина Муромского // Памятники старинной русской литературы, изданные Н. И. Костомаровым. – СПб. : Изд-во Императорской академии наук. – 1860. – Т. 1. – С. 229-235.
8. Ибн Русте, Абу Али Ахмад ибн Умар. Книга драгоценных сокровищ / Ибн-Русте // Древняя Русь в свете зарубежных источников. – М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. – Т. 3. Восточные источники. – С.43-50.
9. Ибн Фадлан, Ахмед. Записки путешественника / Ибн-Фадлан // Сказания мусульманских писателей о славянах и русских с половины VII до конца X в. / Собрание, перевод и объяснения Гаркави А. Я. – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1870. – С. 82-116.
10. Иоанн Менецкий. О языческих обычаях прусов, ливов и других языческих народов // Шафарик П. И. Славянские древности / Шафарик П. И. ; перевод с чешского О. Бодянского. – СПб. : Типография Санкт-Петербургского ун-та, 1837. – Т. 2. – С. 149-153.
11. Кайсаров, А. Славянская и российская мифология / А. Кайсаров // Мифы древних славян. – Саратов : Надежда, 1993. – С. 23-84.
12. Каргер, М. К. Древний Киев / М. К. Каргер. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. – Т. 1. – 579 с.
13. Котляревский, А. А. Собрание сочинений : в 3-х т. Т. 3: О погребальных обычаях древних славян / А. А. Котляревский. – СПб. : Синодальная типография, 1893. – 493 с.
14. Курочкин, О. Поховальні забави – релікти дохристиянського світогляду / О. Курочкин // Берегиня. – 1998. – №3-4. – С. 106-123.
15. Повесть временных лет / под ред. и с пред. В.П. Адриановой-Перетц. – М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1950. – 239 с.
16. Попович, М. В. Мироззрение древних славян / М. В. Попович. – Киев : Наукова думка, 1985. – 167 с.
17. Рыбакова, Е. В. Тризна: этимология и семантика термина / Е. В. Рыбакова // Вестник оренбургского государственного университета. – 2005. – № 2 (40). – С. 57-62.
18. Рыбаков, Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М. : Изд-во Академии Наук СССР, 1987. – 782 с.
19. Седакова, О. А. Поминальные дни и статья Д. К. Зеленина «Древнерусский языческий культ заложенных покойников» / О. А. Седакова // Проблемы славянской этнографии (к 100-летию со дня рождения Д.К. Зеленина). – Ленинград : Наука, 1979. – С. 123-130.

20. Седов, В. В. Восточные славяне в VI-XIII вв. / В. В. Седов. – М.: Наука, 1982. – 327 с.
21. Слово некоего отца к сыну своему // Историческая хрестоматия церковно-славянского и древне-русского языков / под ред. А. Буслаева. – М. : Изд-во Императорской академии наук, 1861. – С. 48-34.
22. Слово о полку Игореве / вступительная статья и редакция текста И. Глазунова. – СПб. : Изд-во К. Праца, 1897. – 22 с.
23. Срезневский, И. Словарь русского языка / И. Срезневский. – М. : Книга, 1989. – Т. 3, ч. 2. – 979 с.
24. Томк, В. История чешского королевства / В. Томк. – СПб. : Типография Санкт-Петербургского ун-та, 1868. – 841 с.
25. Трубачев, О. Н. Следы язычества в славянской лексике / О. Н. Трубачев // Вопросы славянского языкознания. – 1959. – № 4. – С. 130-133
26. Фасмер, Макс. Этимологический словарь русского языка / Макс Фасмер. – М. : Прогресс, 1971. – Т.4. – 827 с.
27. Ширинский, С. С. Курганы X в. у деревни Пересаж / С. С. Ширинский // КСИА. – 1969. – Вып. 120. – С. 100-106.

Статья поступила в редакцию 25.01.2025

Kozlov, M. N., Boitsova, E. E. *Trizna in the System of Ancient Russian Pagan Funeral Traditions*

Based on the analysis of the text of *The Tale of Bygone Years* and the works of Arab authors of the 10th century, as well as archaeological materials of East Slavic burial grounds of the pagan era, the authors present their vision of the structure and symbolic significance of the ancient Russian pagan ritual called *trizna*. *Trizna* was a complex ritual performed by our ancestors in the pagan era before the burial of the deceased. It began with a feast accompanied by crying and self-flagellation and ended with cheerful music and ritual games. All these customs and rituals symbolized the severance of the ancestral ties of the deceased with their living relatives and their transition to some ideal place in the heavenly world.

Keywords: *trizna*, burial, feast, self-flagellation, ritual games, pagan burial grounds.

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 930.2:[94:355.6](47:44)''1806/1807''

В статье рассмотрена проблема снабжения русской армии провиантом и фуражом в первой половине 1807 года в ходе войны 1806-1807 годов с Наполеоном. На основании вводимых в научный оборот источников установлено, что одной из причин неудачного для Российской империи завершения этой кампании были просчеты в организации снабжения русской армии. Несмотря на сложившуюся в отечественной историографии традицию, описывающую причины проблем со снабжением в деятельности поставщиков и чиновников провиантского ведомства, используемые в исследовании документы позволяют сделать вывод о системных недостатках в организации управления армией, обусловленных решениями императора Александра I, командующего армией Л. Л. Беннигсена, и других высших офицеров.

Ключевые слова: война 1806-1807 годов, русская армия, провиант, снабжение, Александр I, Л. Л. Беннигсен, В. С. Попов, провиантский департамент, ливерант.

С. Н. Осиповский, канд. полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: snosipovskiy@mail.sevsu.ru

А. А. Митус, канд. экон. наук

Севастопольский государственный университет.

E-mail: mitus@mail.sevsu.ru

Голдаева Е. В., ст. преподаватель

Севастопольский государственный университет

E-mail: evgoldaeva@mail.sevsu.ru

ПРОВИАНТСКОЕ СНАБЖЕНИЕ РУССКОЙ АРМИИ В 1807 ГОДУ ПО ДОКУМЕНТАМ ВАСИЛИЯ СТЕПАНОВИЧА ПОПОВА

Ход и последствия военных действий русской армии против Наполеона в 1807 году были тесно взаимосвязаны с вопросами провиантского снабжения. Само заключение Тильзитского мира было обусловлено не только неудачным Фридландским сражением, но и очевидными недостатками в организации обеспечения армии продовольствием и фуражом. Эти недостатки отмечались всеми без исключения современниками событий, и лично императором Александром I, принимавшим участие в решении провиантских задач. Тем не менее, анализ причин произошедшего, восходящий к оценкам деятелей описываемых событий, и транслируемый в современной исторической литературе, проводился весьма поверхностно, без детального анализа документов и может быть признан недостаточным. Проанализированный в настоящем исследовании не введенный до этого времени в научный оборот комплекс источников, связанных с деятельностью действительного тайного советника Василия Степановича Попова, может позволить прояснить многие вопросы, связанные с организацией провиантского снабжения русской армии в 1807 году, и, в том числе, ответить на вопрос о причинах недостатков в указанной сфере. Роль В.С. Попова в снабжении армии провиантом в 1807 году и последующим реформированием в этой сфере до сих пор не была предметом отдельного научного исследования. Представляется возможным, опираясь на имеющиеся литературе оценки и вводимые в научный оборот архивные источники, осветить процессы снабжения русской армии и участие в этих процессах В. С. Попова.

Основу источниковой базы настоящего исследования составил комплекс документов, принадлежащий управляющему Комиссариатским и Провиантским департаментам в 1807 году действительному статскому советнику Василию Степановичу Попову, содержащийся в Государственном архиве республики Крым (далее – ГАРК). Это, прежде всего, доклады В.С. Попова императору Александру I [6, Ф. 535. Оп.1. Д. 1326-1334] за 1807 год, материалы провиантской комиссии [6, Ф. 535. Оп.1. Д. 1338], донесения и рапорты на имя В.С. Попова о снабжении армии по провиантской части [6, Ф. 535. Оп.1. Д. 1343, 1345, 1347, 1349, 1350], включая деятельность заграничной провиантской комиссии [6, Ф. 535. Оп.1. Д. 1352, 1356, 1360] и Мемельской счетной комиссии [6, Ф. 535. Оп.1. Д. 1377, 1381, 1390]. Важность вопроса о снабжении армии потребовала личного вмешательства императора Александра I, копии личных писем и рескриптов которого из документов В.С. Попова также были предметом анализа [6, Ф. 535. Оп.1. Д. 1367, 1342].

Другую группу источников составили документы личного происхождения. Это опубликованные записки и воспоминания Д. Б. Мертваго [11], Д. Давыдова [7], А. П. Ермолова [9], Ф. В. Остен-Сакена [8], Л. Л. Беннигсена [1] и др.

Основу методологии исследования составили, во-первых, общенаучные методы – так, анализ документов позволил представить проблему провиантского снабжения русской армии как комплекс мер и действий, имеющих начало в деятельности императора Александра I и через сложную военно-административную систему, доходящую до рядовых солдат. Историко-правовой метод позволил проследить эволюцию регулирования провиантского снабжения во второй половине XVIII – начале XIX веков. Проблемно-хронологический метод использовался при решении вопроса о причинах возникновения и путях решения задач по оптимизации продовольственного снабжения на протяжении зимы – лета 1807 года.

История войны Четвертой коалиции с Наполеоном в 1806-1807 годах неоднократно была предметом исторических исследований. Среди основных работ дореволюционного периода можно назвать монографии А. И. Михайловского-Данилевского [12] и О. фон Леттов-Форбека [10]. В современной историографии вопроса следует назвать исследование И. Н. Васильева [3]. Несмотря на относительную изученность общего характера военных действий, ряд вопросов не был предметом системного изучения. К таким вопросам относится система провиантского снабжения русской армии, особенности которой повлияли как на результаты этой войны, так и на последующие события. Тематике снабжения русской армии провиантом и фуражом в период XIX века, в свою очередь, посвящен ряд работ, включая диссертации и отдельные публикации П. И. Вещикова [4], С. В. Гаврилова [5]. Однако период 1806-1807 годов в контексте снабжения армии до сих пор не выделялся в качестве предмета исследования и относительно подробно рассматривался только в одной работе общего характера – «Столетие военного министерства 1802-1902. Главное интендантское управление» [15]. Написанная на основании архивных и мемуарных документов, эта работа является до сих пор одним из основных источников в изучении вопросов интендантского снабжения русской армии в XIX веке.

Система снабжения регулярной русской армии была заложена повелениями Петра I от 18 февраля 1700 года, которыми он дал начало двум приказам – провиантскому и комиссариатскому [15, с. 10]. Основу их составил специальный штат чиновников и устроенные государственные магазины. С 29 января 1797 года приказы Указом Павла I были переименованы в соответствующие экспедиции, являвшиеся частями военной коллегии и осуществляющее общее руководство в масштабах страны. Деятельность по снабжению армии продовольствием и обмундированием велась соответственно в провиантском и комиссариатском департаментах. Они имели соответствующий штат и региональные структуры (депо и комиссионерства). При Павле были утверждены новые штаты и дополнявшие их Положения, установившие, в числе прочего, необходимость рассмотрения всех вопросов коллегиально, в «присутствиях».

После министерской реформы Александра I 1802 года обе экспедиции подчинялись министру военно-сухопутных сил, которым стал генерал от инфантерии С. К. Вязьмитинов. 13 июля 1805 года указом императора провиантский и комиссариатский департаменты были объединены под руководством генерал-интенданта армии [15, с.146]. Должность генерал-провиантмейстера сохраняется, но он во всем подчинен генерал-интенданту.

Заготовка продовольственных припасов в начале XIX века осуществлялась в целом в соответствии с Высочайше утвержденными для Провиантского правления Регулами (1758) [14, с.1). В них были определены основные правила провиантского снабжения войск, предусматривающие обыкновенные способы и чрезвычайные. К обыкновенным относились:

1. покупка с вольного на торги привоза;

2. общественная от шляхетства поставка;
3. прием из дворцовых, конюшенных, архиерейских и монастырских вотчин;

К чрезвычайным:

1. подряд, производимый через купцов;
2. перевозку из одного магазина в другой на наемных или обывательских подводах и судах;
3. сбор с подданных натурою [15, с. 105].

С 9 апреля 1802 года устанавливается новый порядок покупки провианта и фуража, в котором определяющая роль в установлении справочных цен на них принадлежит исключительно гражданской администрации в лице губернаторов и капитан-исправников. 13 февраля 1805 года с целью еще более сократить возможность военных по совершению закупок и возможных при этом злоупотреблений, Александр в семи губерниях возложил обязанности по снабжению войск продовольствием на гражданских губернаторов. Это вызвало недовольство в частях, особенно передвигавшихся или находившихся рядом с границами, и уже с лета 1806 года заготовление продовольствия и фуража вновь целиком легло на провиантский департамент. Еще одним важным нововведением 1806 года стало образование в составе каждой дивизии особенной комиссариатской и провиантской комиссий. Они были обязаны всегда следовать вместе с дивизией и обеспечивать ее всем необходимым. Также было обращено особое внимание на контроль над расходуемыми суммами. К 1806 году в счетной экспедиции по провиантскому департаменту оказалось нерешенными 2078 дел, включающих 5651 счетов, включая расходы, начиная с 1781 года. На основании Высочайшего указа от 18 июля 1806 года личный состав счетной экспедиции был увеличен, и она получила более рациональное устройство [15, с. 183]. Таковы, в общих чертах, организационные и правовые предпосылки организации снабжения русской армии к началу войны 1806-1807 годов. В ходе военных действий произошел ряд организационных изменений, среди которых следует отметить упразднение корпусной провиантской комиссии при корпусе Беннигсена с 7 января 1807, вместо нее была образована заграничная провиантская комиссия под управлением генерал-майора Евгения Федоровича Арбузова [15, с.238].

При планировании кампании 1806 года был сделан ряд решений, оказавших впоследствии свое негативное значение на ход и результат военных действия. Во-первых, командующий Л. Л. Беннигсен не планировал устраивать провиантские магазины на правом берегу Вислы, понадеявшись на снабжение прусскими союзниками. Во-вторых, войска должны были максимально ограничить обоз. Это решение было подтверждено Высочайшим рескриптом от 6 октября, по которому «провиантские и лазаретные фуры и артельные телеги приказано было с собою не брать» [15, с. 195]. Вследствие этого снабжение нашей армии продовольствием как в 1806, так и в начале 1807 года было чрезвычайно затруднено. Это касалось и французской армии [См.: 1, с. 199, 3, с. 72-73], и русских войск, бедственное положение которых отмечалось многими участниками событий – А. П. Ермоловым [9, с. 63], Д. Давыдовым [7, с. 81-82] и др. После приезда в действующую армию в конце марта 1807 года (5 апреля в Бартенштейн) император Александр I на месте узнает, в том числе и от прусского короля, о масштабе катастрофических проблем с провиантом и фуражом, достигших в русской армии своего апогея к началу весны этого года. Именным высочайшим указом от 29 апреля он потребовал от министра военных сухопутных сил С. К. Вязьмитинова подробной информации о состоянии дел по снабжению армии по провиантской и комиссариатской части. Следует отметить, что ведомости по этим опросам Вязьмитинов смог отправить только 22 мая [6, Ф. 535. Оп. 1. Д. 1348. Л. 1], очевидно, не имея под рукой подробных актуальных данных. Главной причиной бедственного положения снабжения в армии Александр видел упущения, допущенные министром военно-сухопутных сил С. К. Вязьмитиновым и генерал-интендантом князем Д. П. Волконским. Для скорейшего прояснения реальной ситуации со снабжением и доставления продовольствия и фуража в войска через генерал-адъютанта графа Х. А. Ливена император распорядился С. К. Вязьмитинову, министру внутренних дел В. П. Кочубею и Д. П. Волконскому провести ревизию всех наличных запасов и обеспечить их доставку в армию. В работе «Столетие военного министерства» отмечалось, что в работе особого совещания приняли участие все три чиновника, «представившие результаты своих трудов ... в донесении, отправленном государю из С.-Петербурга 24 апреля» [15, с. 252]. Тем не менее, отпуск донесения, легший на стол императору, подписан только министрами Вязьмитиновым и Кочубеем, а в тексте отмечено, что в силу отбытия генерал-интенданта Волконского в армию, вопрос рассматривался на основании распоряжений «которые на предмет продовольствия заграничных войск Генерал-Интендантом сделаны» [6, Ф. 535. Оп. 1. Д. 1331, Л. 4].

Одной из очевидных причин, затруднявших доставку подвозимых из русских магазинов преимущественно морем припасов было крайне незначительное количество фур для их дальнейшей транспортировки. Поэтому Александр лично распорядился повелением от 29 апреля

малороссийскому генерал-губернатору князю А. Б. Куракину о покупке 1 тысячи «фур и волов для подвижного армии магазейна, а равно и быков для мясной солдатам порции и хлебного вина» [6, Ф. 535. Оп. 1. Д. 1340. Л. 1]. 19 мая последовало повторное требование Александра о доставлении фур, на которые необходимо было дополнительно загрузить 20 000 ведер хлебного вина. Начальником отправляемого из малороссийской губернии подвижного магазина императором был назначен генерал-майор А. С. Гинкуль, извещенный об этом В. С. Поповым 29 июля 1807 года. Поскольку необходимых служителей у Гинкуля не имелось, он в этот же день обратился к Алексею Михайловичу Римскому-Корсакову, в провиантскую комиссию в Витебск и командирам дивизий с просьбой о присылке чиновников. Куракин смог отправить со 2 июня по 8 августа все требуемое, притом одних волов было куплено более 3 тыс. пар [6, Ф. 535. Оп. 1. Д. 1340, Л. 7].

Для снабжения армии Беннигсена транспортом император повелевает отправить всех «годных лошадей с исправною упряжью и повозками» литовскому военному губернатору А. М. Римскому-Корсакову (письмо Александра I от 11 мая 1807 года) [6, Ф. 535. Оп. 1. Д. 1335. Л. 2].

Вместе с этим 24 апреля все полномочия по снабжению армии продовольствием и денежными средствами, сосредоточенные при армии Беннигсена, были переданы В.С. Попову. По мнению Ф. П. Шелехова, «Попов был деятель выдающийся, талантливый, мужественный; но едва ли у него были знания военного дела вообще и сложного военного хозяйства в частности» [15, с. 259]. Предыдущая карьера Василия Степановича Попова дает повод усомниться в этой характеристике. Военную службу он начал унтер-офицером в 1767 году, после чего принимал участие в целом ряде военных походов, дослужившись до генерал-майорского звания. Целый ряд полученных им наград, в т. ч. ордена Св. Владимира 4, 2 и 1 степеней получены вследствие его участия в военных действиях с турками в качестве ближайшего соратника Г. А. Потемкина.

С конца апреля 1807 года Попов лично или в регулярных письмах докладывает Александру I о состоянии дел в снабжении и обеспечении войск продовольствием. Одним из первых распоряжений Попова стала просьба о вызове министра иностранных дел Пруссии Гарденберга «чтобы дал таких поставщиков, посредством которых мог бы я освободиться из рук Меровича» [6, Ф. 535. Оп. 1. Д. 1333, Л. 12]. Кандидатуру юрбургского купца 1-ой гильдии Йоселя Мейеровича для поставок в армию провианта и фуража «и к другим поручениям при войсках» предложил лично император Александр I, о чем генерал-адъютант граф Ливен сообщил в письме Беннигсену 20 октября 1806 года [15, с. 215]. Следует отметить, что главными организаторами поставок в армию были два Мееровича – отец и сын (Йосель (Осип) и Натан соответственно). В анализируемых нами документах не всегда указано имя ливеранта, а иногда встречается одно из них, причем чаще – Натан.

Факт завышенных цен на провиант и продовольствие имеет подтверждение. В документе «Выписка из сведений генерала от кавалерии барона Беннигсена о ценах им утвержденных на продукты продовольствия» [6, Ф. 535. Оп. 1. Д. 1323. Л. 1-6] есть перечень утвержденных им закупочных цен на продовольствие и фураж. Так, упомянутый ливерант Меерович получал за поставленную в войска рожь в ноябре 1806 года 5 талеров 30 грошей за шефель. Однако «предложением (Беннигсена – С.О.) сего ноября 30-го данным корпусной провиантской комиссии об отпуске в каждую дивизию по 50-ти тысяч рублей велено полкам покупать продовольствие с понижением цен утвержденных ливерантам» [6, Ф. 535. Оп. 1. Д. 1323. Л. 1]. Цена шефеля ржи при покупке напрямую в войска не должна была превышать 4 талеров. Разница в 1 талер 30 грошей за шефель при значительных объемах поставок (всего Меерович только по контракту от 7 декабря должен был доставить 100 тыс. шефелей ржи) давала вполне ощутимую прибыль в 130 тыс. талеров. Овес Меерович и компания поставляли по 2 талера 80 грошей, войска по предложенной Беннигсеном цене обязаны были покупать за 2 талера 16 грошей, а только приехавший к театру военных действий Попов нашел возможность «купить гораздо дешевле ...овес по 1,5 талера за шефель», для чего просил о деньгах для этой закупки [6, Ф. 535. Оп. 1. Д. 1333. Л. 5]. Аналогичная ситуация складывалась со всеми поставляемыми Мееровичем продуктами продовольствия и фуражом. Высокие цены его отмечались Поповым, сетовавшим, что, если бы была возможность подвоза из армейских магазинов, «не было бы нужды покупать дорогими ценами у Меровича» [6, Ф. 535, Д. 1331. Л. 1 А]. Таким образом, можно видеть потери для казны, заключающиеся в явно завышенных ценах, утвержденных генералом от кавалерии Л. Л. Беннигсеном для Мееровича.

Не все необходимое продовольствие было доставлено Мееровичем вовремя. Из 1 969 680 пудов сухарей в войска было поставлено не более 1,5 млн. пудов. Оставшиеся 469 680 пудов должны были быть предоставлены водой в Пиллау. Недостачи были по хлебу (25 тыс. фунтов), овсу (2443 шефеля), вину (100 омов) [6, Ф. 535. Оп. 1. Д. 1338. Л. 13]. Уже после окончания военных действий часть не поставленного провианта и овса было доставлено Мееровичем в Мемель. Об этом В. С. Попов доложил

императору, на что «его Величество высочайше указать соизволил привезенного ливерантом Мееровичем...провианта и овса которых он в свое время не выставил ...от него не принимать» [6, Ф. 535. Оп. 1. Д. 1369. Л. 5].

Претензии к Мееровичу не ограничивались только завышенными ценами. В мае 1807 года он обратился к В. С. Попову с просьбой об отпуске ему денег за «разные учиненные им в армию поставки хлеба и прочих жизненных припасов» [6, Ф. 535. Оп. 1. Д. 1366. Л. 4]. Запрошенные Поповым сведения у главного комиссионера генерал-майора Е. Ф. Арбузова и в Кенигсбергской провиантской комиссии показали, что из отпущенных Мееровичу наличными деньгами 2 391 017 прусских талеров 80 грошей подтверждена квитанциями сумма только в 550 391 талер 57,5 грошей. Отсутствие квитанций на более чем 1 800 000 талеров вызвало недоумение у Попова, запросившего информацию об этом у Беннигсена и Мееровича. В июне отмечен еще один факт – Л. Л. Беннигсен сообщает Попову о претензиях кёнигсбергских банкиров, у которых Меерович занял 400 или 500 тыс. талеров, но так и не вернул. Всего же Мееровичу только за первые 4 месяца 1807 года было выдано из казны более 3 млн. рублей.

После заключения мира Йосель Меерович находился в Вильно, где он был арестован 11 августа прибывшим от «военного министра по Имянному повелению» военным советником Высоцким и помещен в здешнюю крепость [6, Ф. 535. Оп. 1. Д. 1358. Л. 12]. В письме, отправленном неизвестному адресату 22 октября из крепости, Меерович сетует, что уже три месяца он в заключении, «никуда не требуют, не знаю, за что посажен...Мое все имение находится в казне...Милостивый государь! Примите труд доложить о моем нещастии его сиятельству князю Дмитрию Петровичу который обо мне известен» [6, Ф. 535. Оп. 1. Д. 1358. Л. 12]. Это письмо не могло возыметь действия, поскольку упомянутый в письме князь Дмитрий Петрович – генерал-интендант Волконский 24 ноября императором Александром I был отрешен от звания, а впоследствии попал под следствие комиссии действительного тайного советника П. С. Валуева. Результатом расследования стало увольнение «вовсе от службы» Волконского «с правом носить обще-армейский мундир, в снисхождение долговременного его служения в чинах генеральских» [15, с. 289].

Имеющиеся источники позволяют представить дальнейшую судьбу ливерантов Йоселя и Натана Мееровичей. Весной 1811 года Натан, вероятно, вместе с отцом находился в Петербурге, «жительство имеет 4-ой Адмиралтейской части в доме госпожи Порошиной» [6, Ф. 535. Д. 1392, Л. 24], где подвергался претензиям кредиторов. Имея на руках свидетельство на 100 тыс. рублей серебром, выданное Виленским провиантским депо за сделанные в 1807 году поставки, Мееровичи обращались 4 марта к военному министру с просьбой о «удовлетворении его Натана и отца его Мееровича причитающейся суммой» [6, Ф. 535. Д. 1392, Л. 25]. Министр обратился к военной коллегии для дальнейшего удовлетворения претензий, но последняя «объявила, что хотя по зделанной справке и следует Натану Мееровичу и отцу его немалое количество денег, но оных ни им самим и никому другому Высочайшим указом повелено не выдавать и претензии не рассматривать» [6, Ф. 535, Д. 1392, Л. 26 об.]. Вторичное обращение к военному министру (в мае) и к В. С. Попову, в котором Натан описывает свое «бедственное до крайности положение» и умоляет «о том милосердии, на которое правость дела моего и суд беспристрастный обещают...надежду» [6, Ф. 535. Оп. 1. Д. 1392. Л. 23], также не могли возыметь действия.

Среди современников событий, так и в ряде современных работ, отмечаются многочисленные злоупотребления комиссионеров. Многие контракты на снабжение армии продовольствием, были заключены с местными купцами, евреями по национальности. По свидетельству Ф. В. Остен-Сакена «евреи обворовывают армию; они разоряют жителей и оставляют войска в полнейшей нищете и лишении. Генерал Беннигсен принимает в них такое участие, как будто они его дети. Он заставляет подозревать себя в том, что делит с ними барыши» [8, с. 168]. Леттов-Форбек, ссылаясь на воспоминания Гарденберга, разделяет это мнение: «достоверно было то, что некий Мейерович содержал все домашнее хозяйство генерала, и когда супруга последнего прибыла в мае в Кенигсберг, то он приготовил ей прекрасно меблированную квартиру, в которой генеральша нашла новый красивый серебряный сервиз» [10, Т. 4, с. 100]. В современной монографии Васильева утверждается: «Поставки продовольствия отдавались в подряд исключительно евреям, что приводило к отвратительному результату» [3, Т. 2, с. 74]. Тем не менее, анализ дел Мемельской комиссии позволяет получить представление о национальном составе подрядчиков-ливерантов. В компании Мееровича находились бартенштейнский купец Поль, придворный комиссионер Мариус Липман, барон Рель, уездный писарь Крумхар, купцы Лоренц и Лорк, Яков Израиль. Самостоятельными поставщиками припасов в армию названы кёнигсбергский купец Эдуард Хартог, помещик Гофгейнц, ливерант Иванович. Таким образом, можно сделать заключение об участии в поставках представителей различных национальностей, а не исключительно евреев.

К 7 мая (об этом Попов лично докладывает Александру I) было законтрактовано с поставкой до 14 мая в главную квартиру армии Бартенштейн 1 млн фунтов хлеба, 0,5 млн фунтов сухарей и 200 тыс. фунтов мяса [6, Д. 1333, Л. 5]. Для оплаты продовольствия лично В.С. Попову было выделено 102 000 голландских червонных, что составляло по курсу 306 тыс. рублей серебром [6, Ф. 535., Оп. 1, д. 1339, Л. 62]. Одной из главных проблем была доставка продовольствия из Фридланда, Велау и Кёнигсберга в Гейльсберг. «Все, какие только найти возможно, употребляю я способы к свозке наибольшего количества провианта и фуража...Просьбы, понуждение, угрозы, всего употребляю, чтобы придать стремление сему движению» [6, Ф. 535., Оп. 1, д. 1333, Л.20]. Для решения неотложных вопросов Попов лично посещает Гейльсберг, Кёнигсберг, Пилау, Прейсиш-Эйлау. По его просьбе прусский министр Гарденберг распорядился о доставлении более 1 тысячи Возвратившись из Прейсиш-Эйлау, В. С. Попов обсудил сложившееся положение дел с Беннигсеном, придя к совместному заключению о необходимости не «упустить теперешний случай, когда силы неприятельские разделены» [6, Ф. 535., Оп. 1, д. 1333л. 20 об.]. Он предлагал начать военные действия с 17 мая после наполнения гейльсбергского магазина. Генерал-кригскомиссар М. А. Обрезков и лейб-хирург Я. В. Виллие были снабжены наставлениями и направлены в преддверии планируемого наступления в Кёнигсберг. Очевидно, что широкие полномочия, полученные Поповым от императора, и проявляемая им требовательность могли вызывать недовольство у многих, в том числе и отмеченных выше лиц. Поэтому неудивительно, что в своем письме к Александру I от 14 мая Василий Степанович предупреждает критику в свой адрес: «Может быть иным не нравится взыскание и понуждение мною чинимое – может быть другим неприятна точность, которую я требую...но я на это не смотрю. Долг и польза службе Вашего Величества для меня выше всех уважений» [6, Ф. 535. Оп. 1. Д. 1333, Л. 21].

23 мая 1807 года он информирует Александра I о результатах своей работы, сообщая, в том числе, «Денег в армии нет, бедные офицеры более нуждаются в жалованье, нежели солдаты; генерал-кригскомиссару предписал я собрать ведомости от полков от потребных в оные на жалованье суммах, дабы тот час по получении комиссариатской суммы можно было всех служащих удовлетворить» [6, Ф. 535. Оп. 1. Д. 1333, л. 19 об.]. Отмеченный факт красноречиво свидетельствует, что проблемы в снабжении армии касались не только деятельности провиантского ведомства, но и комиссариатского, и носили системный характер. Жалованье выдавалось три раза в год (январская, майская и сентябрьская треть), и речь шла о недополучении денег еще за январскую треть 1807 года. За неимением других возможностей В. С. Попов распорядился выдать «на удовольствие армии» имеющиеся в его распоряжении испанские пиастры по курсу пиастр-один рубль тридцать пять копеек серебром. Сообщая об этом императору, он предполагал в дальнейшем получение от этого выгоды, поскольку пиастры будут обмениваться Казенной палатой по этому же курсу и «переделяться в рубли с выгодой казенною» [6, Ф. 535. Оп. 1. Д. 1333, Л. 22]. Следует отметить, что деньги, направляемые в действующую армию, были самых разных видов – голландские червонные (дукаты), российские золотые и серебряные рубли, ефимки (очевидно, альбертусталеры), испанские пиастры, прусские талеры, ассигнации.

Критическую ситуацию в армии в контексте снабжения ее продовольствием благодаря стараниям Попова удалось исправить. Если в начале весны 1807 года Беннигсен одной из причин бездействия армии называет недостаток провианта [2, с. 251], то уже к 20-м числам мая вследствие ее снабжения им военные действия возобновляются.

Помимо вопросов снабжения Попов уделяет внимание снижению расходов на транспортировку в пределы России раненых морскими судами. Он обратил внимание императора на «неумеренные» цены, предъявляемые корабельщиками – 21 прусский талер за один ласт, что давало при средней загрузке в 200 раненых расход в 10 с половиной талеров на человека. Для экономии казны Попов предложил отправить приказание морскому министру П. В. Чичагову выделить корабли из Кронштадта или других гаваней, что должно было составить до ста тысяч рублей экономии [6, Ф. 535. Оп. 1. Д. 1333, Л. 19].

Решающее сражение кампании произошло при Фридланде 2 июня 1807 года. Получив 4 июня донесение о поражении русской армии от Беннигсена, и одновременно письмо от находящегося при армии дипломатического чиновника Цисмера, император Александр I принял решение о поручении решить вопрос о перемирии с Наполеоном Василию Степановичу Попову (полный текст письма приведен в работе Богдановича [2, с. 285-286]. Известна оценка, данная Богдановичем решающей роли В.С. Попова, фактически предопределившего начало переговоров и завершения войны.

Недостатки в снабжении, бывшие одной из причин заключения Тильзитского мира, вызвали очевидное недовольство императора Александра. 28 июня 1807 г. он собственноручным указом запретил всем служащим в провиантском и комиссариатском департаментах ношение общего

армейского мундира. Состав их был подвергнут пересмотру, с тем, чтобы от всех «излишних, праздных и предосудительных людей были очищены, оставя в оных одних тех, которые действительно замечаются по ревностной службе, по своей способности и по не преткновенному поведению» [6, Ф. 535. Оп. 1. д. 1319, Л. 56 об]. Отношение к провиантским чиновникам в это время лучше всего иллюстрирует резолюция А. А. Аракчеева на сообщении об успешном доставлении продовольствия одним из комиссионеров: «Это мне одному только известно, сколько у меня обещано молебнов, сколько обещаний пешком по монастырям ходить, дабы Всевышний сохранил провиантских комиссионеров от искушений наводящих по священному писанию самими дьяволами и верно мои молитвы уже доходят до Бога» [6, Ф. 535. Оп. 1. Д. 21. Л. 3]. После заключения перемирия в провиантском и комиссариатском ведомствах начинается ряд расследований по обвинению в совершенных злоупотреблениях. Под следствием оказался начальник Московской комиссариатской комиссии генерал-майор Новицкий. На время следствия В. С. Попов рекомендовал на должность руководителя комиссии генерал-майора И. М. Милованова [Ф. 535. Оп. 1. Д. 1329, л.1]. Допросный лист генерал-майора позволяет оценить финансовое состояние высокопоставленного представителя ведомства, начавшего службу в 1770 году, и к 1808 году владеющим лишь пустопорожним местом в Москве около Донского монастыря «с ветхим домом, да людей мужеского 15-ть, женского 19-ть душ, одежды, лошадей и экипаж по чину моему ничего более не имею» [6, Ф. 535. Оп. 1. Д. 1337. Л. 6]. Военный суд нашел Новицкого невиновным по всем семи пунктам обвинения. Помимо Новицкого, под следствие попали генерал-майор Яковлев, колледжский ассесор Ишимов, комиссионер Лелиевр, ряд других офицеров и чиновников.

Количество дел, в которых рассматривались злоупотребления чиновников провиантского ведомства, было весьма значительным. В сентябре Александр для ускорения процесса обратился к министру Вязьмитинову с именным указом, в котором «по множеству состоящих в провиантской экспедиции нерешенных дел, знатные казенные взыскания содержащих» [6, Ф. 535. Оп. 1. Д. 1369, Л. 27] повелел учредить особую временную комиссию для их скорейшего разбора. Ее возглавил генерал-майор А. Д. Сухарев, которому были приданы «известные по беспорочному поведению» три чиновника провиантского ведомства. Завершает указ императора повеление, чтобы в будущем «провиантской экспедиции производить дела свои с лучшим прилежанием и успехом опасаясь за наималейшее впредь запущение оных неминуемого взыскания» [6, Ф. 535. Оп. 1. Д. 1369, 27 об.].

Все расходы по снабжению действующей армии должны были быть строго проверены, для этого Высочайшим повелением была учреждена особая «Мемельская счетная по заграничным армейским расходам комиссия». Ее возглавил В. С. Попов. Датой ее учреждения в литературе называлось 17 июня 1807 года [15, с. 288]. Тем не менее, в бумагах Попова есть документ (с входящим номером 264 от 17 июня 1807 года), представляющий копию рескрипта Александра I, в котором император сообщает: «Господин тайный советник Попов! Предписав вам указом от 11-го мая о учреждении счетной по Армейским расходам комиссии повелеваю составить оную из действительных статских советников Фукса, барона Биллера и статского советника Михайлова, снабдить их достаточною канцеляриею из комиссионеров...Пребывание ея назначить в Мемеле» [6, Ф. 535. Оп. 1. Д. 535, оп.1, д. 1342, Л.1]. В задачи комиссии входило: провести расчеты с прусским правительством по взаимным ссудам, рассчитаться с полками и поставщиками и составить отчет по всем суммам и долгам за кампанию [15, с. 292]. Особо подчеркивалось, что данные в комиссию должны были предоставить все – полки и команды, чиновники, заведующие провиантскими магазинами и комиссариатской частью, поставщики. Комиссия обязана была проверить указанные в документах и отчетах цены, и донести об этом лично Александру I. Десятый пункт распоряжения императора прямо касается роли Попова в работе комиссии: «Вы не оставте снабдить комиссию вашим руководством и дальнейшими наставлениями, и об успехах трудов ея доносить мне» [6, Ф. 535, оп.1, д. 1342, л. 2 об.]. Работа членов комиссии вознаграждалась «двойным жалованием по чинам их».

В штате Мемельской комиссии с августа 1807 года числится, в числе прочих, губернский секретарь Василий Веденисов [6, Ф. 535. Оп. 1. Д. 1369. Л. 8]. Известно, что родным племянником В.С. Попова, известным по письму 1776 года, был Петр Веденисов [13, с. 140]. Очевидно, Василий Степанович Попов оказал протекцию своему внучатому племяннику, устроив его в состав комиссии.

Основной объем требуемой для работы Мемельской комиссии информации был сосредоточен в заграничной провиантской комиссии, возглавляемой генерал-майором Евгением Федоровичем Арбузовым. В. С. Попов лично обращается к нему письмом от 1 ноября 1807 года, для ускорения присылки необходимых в работе счетной комиссии сведений. Арбузов ответным письмом от 28 ноября объясняет затруднение в отправлении информации прежде всего отсутствием необходимого для этого штата. Оказывается, что заграничная комиссия не имела в своем составе ни бухгалтеров, ни

переводчиков, и «крайне малое число письмоводителей» [6, Ф.535, оп.1, д. 1342, Л.3]. Об этом Арбузов информировал в свое время генерал-провиантмейстера князя Н. Л. Шаховского, но необходимых чиновников так и не было прислано.

Прием претензий в Мемельскую комиссию продолжался до 24 октября 1816 года. Не закончив вполне все дела, она была расформирована 5 февраля 1817 года.

30 ноября 1807 года император назначил В. С. Попова управляющим провиантским и комиссариатским департаментами [15, с. 297]. 13 января 1808 года министром военно-сухопутных сил вместо уволенного Вязьмитинова был назначен генерал от артиллерии граф Аракчеев, в чью единоличную компетенцию вскоре вошли прием и увольнение чинов комиссариатского и провиантского департаментов. В рескрипте от 26 января 1808 года Александр, отмечая, что он учредил «военно-сухопутное министерство на должных правилах», освободил Попова от обязанностей по комиссариатскому и провиантскому департаментам. По мнению Богдановича, «В архивных делах нет ни малейших указаний на то, чтобы Попов успел задумать каких-либо мероприятия. В дни своего недолгого руководства ведомствами он выполнял только роль передаточной инстанции и не оставил никаких следов административного творчества» [2, с. 298]. Тем не менее, осенью 1807 года можно видеть довольно серьезное нововведение в части провиантского снабжения армии. Если до этого времени главными действующими лицами в вопросах снабжения армии продовольствием и фуражом были чиновники провиантского ведомства, коммиссионеры и купцы, то со второй половины 1807 года можно увидеть значительное увеличение роли дворян в этом процессе. До этого участие шляхетства также допускалось провиантскими регулами, но, очевидно, по инициативе В.С. Попова и личном указании Александра I их роль в поставках для армии становится определяющей. Для этого Александр издал высочайший рескрипт (препровождаемый Поповым) «о склонении дворянства...ставить для войск провиант и овес по выгодным ценам» для дворянства ряда западных губерний. Через гражданских губернаторов он был сообщен дворянству, и в декабре 1807 года был подписан ряд контрактов о поставке ими требуемого «по ценам самым умеренным» [6, Ф. 535. Оп. 1. Д. 1372. Л. 31]. Представители волынского дворянства подписали контракт 17 декабря этого года. Определенным новшеством можно считать и увеличение возможностей полковых командиров по снабжению вверенных им войск.

Анализируя бедственное положение русской армии в вопросах снабжения провиантом и фуражом в первой половине 1807 года, многие современники и последующие исследователи называли целый ряд объективных и субъективных причин. Распространенный тезис о воровстве евреев-ливерантов и провиантских чиновников не может считаться главной причиной недостатков в снабжении. В ходе анализа многочисленных архивных материалов удалось установить, что, несмотря на действительно существовавшую практику закупки продовольствия и фуража у главного ливеранта Мееровича, еврея по национальности, по завышенным ценам, обвинять во всех недостатках его лично или исключительно еврейских купцов нет никаких оснований. Также не нашел своего подтверждения тезис о тотальной коррумпированности руководителей и чиновников провиантского ведомства. О его распространенности красноречиво свидетельствует фраза военного министра Аракчеева, сказанная им в январе 1808 года при характеристике провиантского департамента генерал-провиантмейстеру Д. Б. Мертваго «Вы непохожи на департамент, вам вверенный. Вы хороши, а все провиантские дурны» [11, с. 160].

В своих записках об этой войне Л. Л. Беннигсен называет причину ее неудачного завершения – недостаток в людях и продовольствии: «Какого можно было ожидать результата от войны, коль скоро средства, для ведения ее с энергиею, были парализованы администрациею, которая только и делала, что ошибки и заблуждения» [1, с. 268]. Следует согласиться с его мнением, отметив, что целый ряд неудачных решений при ее планировании и реализации принадлежал императору Александру I, высочайшим рескриптом приказавшим оставить провиантские подводы в границах империи, самому командующему Л. Л. Беннигсену, генерал-провиантмейстеру Л. Н. Шаховскому, и целому ряду высших сановников и военных. Во многом это было обусловлено запутанностью системы управления войсками в целом, а также отношений между различными ведомствами. Как видно из приведенных в исследовании документов, значительная часть вопросов не могла в силу целого ряда причин решиться не меньше чем через личное вмешательство императора и чрезвычайных чиновников, главным из которых был В. С. Попов. Вторая, объективная сторона недостатков в снабжении заключается в специфике театра военных действий, лишенного развитой системы транспортных коммуникаций и бедностью края в силу климатических его особенностей.

Список литературы:

1. Беннигсен, Л. Л. Записки графа Л. Л. Беннигсена о войне с Наполеоном 1807 года / Л. Л. Беннигсен. – СПб., 1900.
2. Богданович, М. И. История царствования императора Александра I и России в его время / М. И. Богданович. В 6 тт. – СПб, 1869-1871.
3. Васильев, И. Н. Несостоявшийся реванш: Россия и Франция 1806-1807 гг. В 3-х тт. / И. Н. Васильев. – М. : Книга, 2010. – 104 с.
4. Вещиков, П. И. История продовольственной (провиантской) службы Вооруженных Сил России XVIII – XX : Кн.2 : XIX век / П. И. Вещиков. – М. : Воениздат, 2008. – 423 с.
5. Гаврилов, С. В. Особенности интендантского снабжения русской армии в первой половине XIX века / С. В. Гаврилов // Военно-исторический журнал. – 2009. – № 1. – С. 69-63.
6. ГАРК. Государственный архив республики Крым.
7. Давыдов, Д. В. Военные записки / Д. В. Давыдов. – М. : Воениздат, 1982. – 359 с.
8. Из записок фельдмаршала Ф. В. Сакена // Русский архив. – 1900. – Т. 2. – С. 161-180.
9. Записки А. П. Ермолова. 1798-1826 / сост. В. А. Федорова. – М. : Высшая школа, 1991. – 463 с.
10. Леттов-Форбек, О. История войны 1806 и 1807 гг. В 4 тт. / О. Леттов-Форбек. – Варшава, 1895-1898.
11. Мертваго, Д. Б. Записки (1760-1824) / Д. Б. Мертваго. – СПб. : Русская симфония, 2006. – 368 с.
12. Михайловский-Данилевский, А. И. Описание второй войны Императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 годах / А. И. Михайловский-Данилевский. – СПб, 1846. – 427 с.
13. Осиповский, С. Н. К вопросу о биографии действительного тайного советника Василия Степановича Попова / С. Н. Осиповский // Власть истории – история власти. – 2023. – Том. 9, Ч. 1 (№ 43). – С.138-145.
14. Полное собрание законов Российской империи. Т. XV. – СПб, 1830. – 1050 с.
15. Столетие военного министерства. 1802-1902. Главное интендантское управление. – СПб, 1903. – 518 с.

Статья поступила в редакцию 15.01.2025

Osipovsky, S. N., Mitus, A. A., Goldaeva, E. V. *Provisioning of the Russian Army in 1807 According to the Documents of V.S. Popov.*

The article examines the problem of provisioning the Russian army in the first half of 1807 during the 1806-1807 war against Napoleon (War of the Fourth Coalition). Newly discovered sources show that miscalculations in the organization of the Russian army provision were one of the reasons for the Russian Empire's unsuccessful outcome in this campaign. The authors argue against widespread opinion established in Russian historiography blaming suppliers and officials for provisioning failure. The documents used in the study prove that there was a systemic mismanagement caused by the decisions of Emperor Alexander I, army commander L.L. Bennigsen, and other high-ranking officers.

Keywords: war of 1806-1807, Russian army, provisions, supplies, Alexander I, L.L. Bennigsen, V.S. Popov, food department, supplier.

УДК 930.2:325.1(=1.470=112.2)"1810/1860"

В статье рассматривается контекст появления первого исторического обзора немецкой колонии Кроненталь, подготовленного в 1848 г. сельским правлением по требованию Попечительного комитета об иностранных поселенцах Южного края России. Отмечается наличие двух печатных вариантов источника, сходных по содержанию, но различающихся в стилистическом отношении. Приводится реферативное изложение обзора с выделением значимых для истории колонии имен, дат, чисел и событий. Делается вывод о том, что текст обзора представляет собой связную канву истории первого периода становления и бытования колонии Кроненталь, которая может быть дополнена, расширена и уточнена путем привлечения дополнительных исторических источников личного и официального происхождения.

Ключевые слова: исторический источник, немецкие колонии, Крым, Кроненталь, Булганак, Кольчугино.

А. Е. Лобков, доцент, канд. филол. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: aelobkov@sevsu.ru

В. А. Колесникова, студентка

Севастопольский государственный университет

E-mail: valentina.kolesnikova02@yandex.ru

О ПЕРВОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ОБЗОРЕ РАННЕГО ПЕРИОДА СУЩЕСТВОВАНИЯ НЕМЕЦКОЙ КОЛОНИИ КРОНЕНТАЛЬ В КРЫМУ

История немецких поселений в Крыму еще не разработана с необходимой детальностью, позволяющей создать целостную картину полуторавекового немецкого культурного присутствия на полуострове. В первую очередь, это связано с недостаточной разработкой источниковедческой базы, малоизученностью архивных материалов, невыявленностью источников личного происхождения (писем, воспоминаний, записок путешественников и т. п.), неучтенным пластом публикаций в периодической печати XIX – первой половине XX в.

Некоторым из немецких поселений в Крыму, в силу самых разных причин, уделяется больше внимания, чем другим. К их числу относится колония Кроненталь (ныне село Кольчугино Симферопольского района РК), основанная в 1810 г. Однако те немногие статьи, что посвящены Кроненталю, свидетельствуют, скорее, о фрагментарности знаний истории колонии и скудности привлекаемых источников [1], [2], [3].

При изучении первого периода существования колонии Кроненталь (1810–1860 гг.) в качестве основного источника сведений можно использовать обзор истории, подготовленный сельским приказом в 1848 г. По сути, этот обзор, довольно большого объема, является первой связной историей немецкой колонии Кроненталь. Упомянутые в нем личности, события и факты задают основную историческую канву первого периода существования Кроненталья. Привлечение же других источников официального и личного происхождения (статистических сведений, газетных заметок, записок путешественников, писем и т. п.) может способствовать расширению и уточнению этой канвы и более детальному описанию отдельных этапов истории первого периода истории колонии.

Контекст появления этого документа может быть реконструирован следующим образом.

8 января 1848 г. Попечительный комитет об иностранных поселенцах Южного края России разослал по всем немецким колониям циркуляр. В нем от имени председателя комитета Е. Ф. Гана сельским старостам и учителям предлагалось в течение четырех месяцев подготовить «кратко изложенный исторический обзор основания и существования колонии». При написании обзора истории поселения его составители должны были руководствоваться определенным планом из девяти пунктов:

«1. Дата основания колонии, т. е. год, когда было дано разрешение на строительство домов и поселение переселенцев.

2. Сведения о местоположении, выбранном для основания колонии, т. е. название низменности, реки или местности, вблизи которых заложена деревня, расстояние от нее до ближайших уездных или

губернских городов и краткое описание земли, т. е. свойства и плодородие почв, отличительные особенности, такие как каменоломни, лесные массивы и т. д.

3. Происхождение названия колонии, т. е. кто и по какой причине дал это название.

4. Сколько семей первоначально поселилось в колонии и кем были переселенцы, т. е. из каких королевств, провинций и округов.

5. В составе какой партии переселенцы прибыли на данное место и кто был их предводителем.

6. Кем была занята степь, отведенная переселенцам для заселения на момент их прибытия, и не нашли ли они там каких-либо домов, не приспособленных для их размещения.

7. Какая помощь была оказана переселенцам по прибытии и какова была сумма их собственных средств, привезенных из-за границы.

8. Какие события, повлиявшие на судьбу переселенцев, произошли с момента поселения, т. е. не приходилось ли переносить колонию в другие места и, если приходилось, то по каким причинам, не случались ли пожары, наводнения, землетрясения, эпидемии, от которых страдали не только отдельные хозяева, но и большая часть общины и, если случались, когда это было.

9. Каким особенно благоприятным условиям обязана община своим благополучием» [10, S. 8].

24 мая 1848 г. сельское правление Кроненталья отослало обзор истории колонии в адрес Попечительного совета в Одессе. Он был подписан учителем евангелической школы и писарем общины Кристофом Генрихом Штёррле (Stoerrle), старостой Фиделиусом Фристом (Frißt) и двумя заседателями сельского правления Фридрихом Цейслером (Zeißler) и Михаэлем Видрихом (Wiedrich).

Где сейчас хранится оригинал обзора истории Кроненталья – неизвестно. Но имеются два печатных варианта текста данного документа. Первый опубликован в сборнике «Известия общин немецких поселений в Причерноморье за 1848 год», подготовленном Маргарет Вольтнер в 1941 г. [7, S. 45–49]. К тексту дается следующее примечание: «Перепечатка с копии документа из бывшего архива “Попечительного комитета об иностранных поселенцах Южного края России”, сделанная Яковом Штахом и находящаяся в собрании Георга Лейббрандта» [7, S. 45]. Оба эти имени значимы для истории изучения немецких колоний на территории Российской империи и Советского Союза. Яков Генрихович Штах (Stach) – лютеранский пастор, многие годы занимался историей немецкой колонизации Южного края России [5], [8], [9]. Георг Лейббрандт (Leibbrandt), уроженец немецкой колонии Гофнунгсфельд, защитил в 1927 г. диссертацию на тему «Эмиграция из Швабии в Россию: 1816–1823 гг.» (Die Auswanderung aus Schwaben nach Rußland, 1816–1823). Лейббрандт был инициатором книжной серии «Собрание Георга Лейббрандта» (Sammlung Georg Leibbrandt), которая распадалась на две подсерии – «Источники и материалы по изучению немецкого присутствия в Восточной Европе» (Quellen und Materialien zur Erforschung des Deutschtums in Osteuropa) и «Немецкие поселения в Советском Союзе» (Die deutschen Siedlungen in der Sowjetunion).

Второй вариант краткого обзора истории Кроненталья опубликован в сборнике «Немецкие католические колонии в Причерноморье. Обзоры сельских правлений касательно возникновения и развития этих колоний в первой половине XIX века», подготовленном Йозефом Алоисом Малиновским в 1927 г. [6, S. 26–29]. В предисловии Малиновский пишет, что он списал тексты обзоров «дословно» (модернизировав лишь правописание) из дела Попечительного комитета, хранящегося в архиве Одесского градоначальства [6, S. 6].

С точки зрения прецизионной информации (имена, даты, числа) текст в сборнике Й. А. Малиновского практически не отличается от варианта, опубликованного в сборнике М. Вольтнер, однако в плане выражения наблюдаются существенные языковые и стилистические расхождения. Можно предположить, что текст в сборнике М. Вольтнер ближе всего воспроизводит оригинал, так как текст в сборнике Й. А. Малиновского явно носит следы литературной обработки с целью достижения наибольшей простоты, точности и ясности в языке. Вероятно, такой литературной и стилистической обработке исторический обзор Кроненталья подверг Йоганн Генрих Зондереггер (Sonderegger), в 1847–1855 гг. редактор немецкоязычной газеты «Занимательный листок для немецких поселенцев Южного края России» (Unterhaltungsblatt für deutsche Ansiedler im südlichen Rußland), публиковавшейся под эгидой Попечительного комитета об иностранных поселенцах Южного края России.

По предположению М. Вольтнер, рассылка циркуляра по колониям председателем Попечительного комитета Е. Ф. Ганом была продиктована необходимостью накопить большое количество материалов с целью дальнейшей газетной публикации [7, S. XI]. Действительно, часть исторических обзоров была впоследствии опубликована в газете для колонистов. Отметим, что в историческом обзоре Кроненталья есть упоминание о важной роли «Занимательного листка», содержащего много «поучительных» публикаций, причем в тексте из сборника Й. А. Малиновского

имеется уточнение, что редактором этой газеты является Зондереггер [6, S. 27]. Это может служить косвенным подтверждением тому, что именно Зондереггер подвергал присланные тексты исторических обзоров цензурной и стилистической правке. О том, что текст претерпел изменения, свидетельствуют и включенные в него примечания. Например, фрагмент, в котором говорится о том, что рядом с католическим молитвенным домом вскоре должен быть построен евангелический, дополнен примечанием – «уже построен» [6, S. 28].

Историческое повествование, подготовленное сельским правлением Кроненталья, фактически построено как ответы на поставленные в циркуляре вопросы. Далее в реферативной форме приводится основное содержание исторического обзора.

Колонисты Кроненталья были выходцами из разных земель Германии – Эльзаса, Бадена, Пфальца и Рейнской Баварии. В 1809 г. сбором и отправкой переселенцев занимался Симон Мориц Бетман (Bethmann), российский консул во Франкфурте на Майне. Именно отсюда разными партиями переселенцы отправлялись в Южный край России. Из-за военных действий их путь пролегал не по обычному маршруту по Дунаю, а через Саксонию, Пруссию и Польшу в пограничный город Бяла в Галиции. Отсюда они направились в Екатеринослав, где и перезимовали. Часть переселенцев, не выдержав тягот пути и различных заболеваний, скончалась. В апреле 1810 г. они продолжили путь и уже 9 мая прибыли в Симферополь. Здесь их встретил Таврический губернатор Андрей Михайлович Бороздин, который проводил переселенцев на купленные для них на средства казны земли на реке Булганак.

48 семейств колонистов общей численностью 148 человек представляли разнородный состав как по месту их происхождения, так и по вере (протестанты и католики). Так как они не могли договориться о наименовании колонии, то подходящее название «Кроненталь» (от слов *Krone* – «казна» и *Tal* – «долина», т. е. буквально «Казенная долина», селение в долине на казенных землях) придумал Иван Израилевич Гзель (Gsell), являвшийся на тот момент смотрителем крымских колоний. Часть семей, совокупно имевших собственные средства в размере около 5000 руб. ассигн., сразу же получила от казны на обустройство по 350 руб. ассигн., на которые они смогли построить себе дома. Неимущим пришлось зимовать в сделанных из повозок укрытиях, что стало следствием различных болезней и даже смертей среди первых колонистов.

Большинство переселенцев были ремесленниками и слабо разбирались в сельском хозяйстве, к тому же первые годы их жизни в колонии были отмечены продолжительной засухой. Поэтому многие колонисты заявили о своем желании переселиться в другое место. Однако Контора опекунов новороссийских иностранных поселенцев увещеваниями и мягкими угрозами добилась того, что колонисты начали осваивать свои земли. В памяти поколений остался целый ряд имен чиновников и радетелей, способствовавших становлению колонии в первые десятилетия – герцог Арман Эммануил де Ришелье, Самуил Христианович Контениус (Contenius), Андрей Михайлович Фадеев, Андрей Михайлович Бороздин, Дмитрий Евлампиевич Башмаков, Иван Никитич Инзов и аббат Доминик-Шарль Николь (Nicolle).

Среди тех, кто заботился о благосостоянии колонистов в последние годы (т. е. на момент написания обзора), названы председатель Попечительного комитета об иностранных поселенцах Южного края России Евгений Федорович Ган (Hahn), пастор Нейзацкого евангелическо-лютеранского прихода Христиан Фридрих Килиус (Kylus) и инспектор Гюбнер (Hübner; сведения о нем пока найти не удалось).

В обзоре отмечено выгодное географическое расположение колонии в относительной близости от таких крупных городов как Севастополь, Симферополь, Евпатория и Бахчисарай. При характеристике ландшафта местности – холмистого и безлесного – большое внимание уделено реке Булганак, не пересыхавшей даже в самое жаркое лето и потому имевшей важное значение для занятий сельским хозяйством; на реке работали две мельницы с четырьмя поставами. На спускающихся от селения к реке склонах были расположены виноградники, фруктовые сады и огороды. В 1842 г. был разбит большой общинный сад, а на следующий год были созданы лесопосадки.

В 1840-х гг. в колонии появилась вторая улица. Дома, расположенные довольно близко друг к другу, имели небольшие дворы и были обсажены акацией и лохом. Центр колонии образовывала церковная площадь с новым католическим молитвенным домом и двумя школами – для детей католиков и для детей протестантов. Лютеране, за отсутствием средств на строительство нового молитвенного дома, продолжали пользоваться старым молитвенным домом в нижней части деревни.

Относительное благосостояние колонии было достигнуто благодаря виноградарству. Первым, кто стал разводить виноградную лозу, был уроженец Эльзаса Михаэль Вейс (Weiß). Затем его почин подхватил уроженец Бадена Петер Шнейдер (Schneider), а позже и другие колонисты. На 1848 г. число

виноградных кустов составило около 280000, и именно виноградники приносили наибольший доход колонистам.

Среди причин, препятствующих развитию колонии, названы климатические особенности, бедствия самого разного рода (неурожаи, нашествия саранчи, наводнения, град, болезни скота, кражи) и наличие верующих двух конфессий, что влекло за собой двойные расходы на содержание молитвенных домов и школьных учителей.

На 1848 г. в колонии проживало 56 семей, в пользовании каждой из которых находилось 56 десятин земли. Общее число колонистов составляло 500 человек, одна половина которых была католиками, а другая – протестантами.

Подготовленный сельским правлением Кроненталь краткий исторический обзор дает целостную канву развития колонии в первый период ее существования. Привлечение других источников по истории Кроненталь позволяет более детально и подробно описать отдельные этапы первого периода. Например, в качестве воссоздания картины жизни колонистов на этапе основания колонии (1810-е гг.) может быть привлечено описание Кроненталь за 1818 г., дающее представление об условиях жизни и занятиях колонистов: «Кроненталь в 30 вер. от Симферополя, и в таком же расстоянии от Севастополя, на речке Булганак, основана в 1810 г. на даче, купленной у помещика Кромиды, состоящей из 3300 дес. Одна половина колонистов в оной лютеранского и реформатского исповедания, а другая католического; вышли из Альзаса, Баварии, Бадена и Швейцарии. Как по недавнему поселению, так и по неурожаю первоначально несколько лет бывшему, сия колония еще не находится в устроенном состоянии, но поселенцы в оной имеют средства в скорости достичь сего состояния, продавая все свои продукты, и особенно огородные, хорошею ценою в Севастополе, Козлове и Симферополе. По нынешнему состоянию, в колонии 57 семейств [по 7 ревизии 1816 г.]; каждое из них пользуется почти 58 десятинами; но в числе сей земли есть большое количество к хлебопашеству совершенно неудобной, состоящей из камня и скал. До сего времени две части сей земли обрабатывают они сами, а третью отдают в наймы соседственным татарам. Качество земли каменистое, а частию мергельное; есть несколько солончаков. Неунаваживая оную, получают в некоторых местах от 6 до 8 зерен, но с унаваживанием почти вдвое. Сия колония имеет достаточные средства, по пространству пастбищ, к овцеводству, которое ими уже и заведено. Прошедшего 1817 года купили они двух гишпанских баранов для разведения улучшенного овцеводства, а нынешнего года выстроили общественную складкою овчарню. Лесу вовсе не имеют. Дома земляные и несколько каменных, все крыши соломою. Есть две водяные мельницы, принадлежащие обществу, каждая о двух колесах; они отдаются в наймы» [4, с. 323–324].

Целесообразным представляется ввод описанного источника в отечественный научный оборот для воссоздания объективной картины истории немецкой колонии. С этой целью в настоящее время готовится перевод исторического обзора колонии Кроненталь 1848 года с немецкого языка на русский, который будет сопровожден подробным историко-филологическим комментарием.

Список литературы

1. Задерейчук, И. А. История немецкой колонии Кроненталь: к 200-летию со времени основания / И. А. Задерейчук // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2011. – Т. 24. – № 1. – С. 28–34.
2. Минайкин, Э. Ю. История села Кольчугино / Э. Ю. Минайкин, Л. А. Звелинская // Историческое наследие Крыма. – 2006. – № 15. – С. 151–155.
3. Кравцова, Л. П. Немецкая колония Кроненталь (к 200-летию основания колонии) / Л. П. Кравцова // Государственный архив Республики Крым. – URL: <https://krymgosarchiv.ru/gosudarstvennyj-arkhiv-respubliki-krym/publikatsii/227-nemetskaya-koloniya-kronental-k-200-letiyu-osnovaniya-kolonii-kravtsova-l-p> (дата обращения: 14.09.2024).
4. Описание колоний Южной России // Северный архив. – 1824. – Март. – № 6. – С. 317–324.
5. Штах, Я. Очерки из истории и современной жизни южнорусских колонистов / Я. Штах. – М. : Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1916. – 266 с.
6. Die Deutschen katholischen Kolonien am Schwarzen Meere: Berichte der Gemeindeämter über Entstehung und Entwicklung dieser Kolonien in der ersten Hälfte des neunzehnten Jahrhunderts / Hrsg. v. J. A. Malinowsky. – Stuttgart : Ausland und Heimat Verlags-Aktiengesellschaft, 1927. – 36 S.
7. Die Gemeindeberichte von 1848 der deutschen Siedlungen am Schwarzen Meer / Bearb. v. M. Woltner. – Leipzig : S. Hirzel, 1941. – XVIII, 230 S.
8. Grunau und die Mariupoler Kolonien. Materialien zur Geschichte deutscher Siedlungen im Schwarzmeergebiet / Bearb. v. J. Stach. – Leipzig : S. Hirzel, 1942. – XII, 81 S.

9. Stach, J. Die deutschen Kolonien in Südrußland: Kulturgeschichtliche Studien und Bilder über das erste Jahrhundert ihres Bestehens. Teil. I / J. Stach. – Prischib : G. Schaad, [1904]. – XVIII+216 S.

10. Zirkular-Aufforderung [vom Wirklichen Staatsrat E. v. Hahn, den 8. Januar 1848] // Die deutschen Kolonien in Cherson und Bessarabien: Berichte der Gemeindeämter über Entstehung und Entwicklung der lutherischen Kolonien in der ersten Hälfte des neunzehnten Jahrhunderts / Hrsg. v. G. Leibbrandt. – Stuttgart, 1926. – S. 7–9.

Статья поступила в редакцию 04.02.2025

Lobkov, A. E., Kolesnikova, V. A. *On the First Historical Review of the Early Period of the German Colony of Kronental in Crimea*

The article deals with the origin of the first historical review of the German colony of Kronental prepared in 1848 by a village government at the request of the Welfare Committee on foreign settlers of the Southern Territory of Russia. There are two printed versions of the source, similar in content, with stylistic differences. The authors provide a summary of the review with emphasis on names, dates, numbers and events significant for the history of the colony. The text of the review represents a coherent historical outline of the first period of the colony of Kronental formation and existence, which can be supplemented, expanded and clarified by additional historical sources of personal and official origin.

Keywords: historical source, German colonies, Crimea, Kronental, Bulganak, Kolchugino

УДК 930.2:325.1(=1.470=494.1/.3)''1805/1860''

В статье рассматривается контекст появления двух исторических обзоров немецкоязычной колонии Цюрихталь, подготовленных в 1848 г. по требованию Попечительного комитета об иностранных поселенцах Южного края России. Один из них был написан пастором Э. Кибером, а другой – сельским правлением Цюрихталя. Выделяется наличие двух ранних вариантов обзора, написанных пастором в 1839 и 1841 г. и сходных по содержанию с поздней версией. Отмечается, что обзор сельского правления был написан как дополнение к тексту пастора. Оба источника в совокупности дают целостную канву исторического развития Цюрихталя в первый период его существования. Приводится реферативное изложение обзоров с выделением значимых для истории колонии имен, дат, чисел и событий.

Ключевые слова: исторический источник, немецкие колонии, Крым, Эмиль Кибер, Цюрихталь, Золотое Поле.

А. Е. Лобков, доцент, канд. филол. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: aelobkov@sevsu.ru

С. А. Покрышук, студентка

Севастопольский государственный университет

E-mail: s.pokryshchukk@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ПЕРВОГО ПЕРИОДА СУЩЕСТВОВАНИЯ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ КОЛОНИИ ЦЮРИХТАЛЬ

По сравнению с другими немецкими колониями в Крыму об истории немецкоязычной колонии Цюрихталь (ныне село Золотое Поле Кировского района РК) на русском языке написано, пожалуй, больше всего [2], [1], [3]. Однако говорить о полной, всесторонней изученности темы еще рано. Во многом это объясняется недостаточным знанием исторических источников. Поэтому выявление источников и их систематизация является первоочередной задачей для разработки научно обоснованной периодизации истории Цюрихталя и создания твердой основы для определенных историко-культурных выводов.

Как можно видеть из имеющейся литературы, разные периоды существования колонии описаны с разной степенью подробности. Так, например, практически неосвещенным остается первый период, охватывающий около пятидесяти лет, – с момента основания колонии в 1805 г. до окончания Крымской войны 1853–1856 гг.

При изучении первого периода существования колонии Цюрихталь можно в качестве основных источников использовать два обзора истории, один из которых был написан пастором колонии в 1839 г. (1841, 1848), а другой – сельским правлением в 1848 г. Оба этих документа, относительно большого объема, представляют связное повествование, отражающее видение самими цюрихтальцами своей истории. Оно может быть дополнено целым рядом других источников официального и личного происхождения (статистические сведения, письма, записки путешественников и т. п.), призванными уточнить сведения об упомянутых событиях и людях и более глубоко раскрыть отдельные моменты истории колонии.

Оба документа были опубликованы в сборнике «Известия общин немецких поселений в Причерноморье за 1848 год», подготовленном Маргарет Вольтнер в 1941 г. [5]. Контекст их появления может быть реконструирован следующим образом.

8 января 1848 г. от имени председателя Попечительного комитета об иностранных поселенцах Южного края России Евгения Федоровича Гана (Hahn) по немецким колониям был разослан циркуляр на немецком языке [8]. В нем старостам и школьным учителям предлагалось в течение четырех месяцев подготовить краткую историю своей колонии по определенному плану, включавшему дату основания колонии, описание местности, появление наименования, численность семейств, места их происхождения, маршрут пути на новое местожительство, условия для проживания на отведенном для поселения месте, оказанное властями содействие, благоприятные и неблагоприятные события или явления природы, повлиявшие на становление и развитие колонии.

В письме Е. Ф. Гана от 20 января 1848 г. к пробсту первого округа евангелическо-лютеранских церквей Южного края России Карлу Фридриху Вильгельму Флетницеру (Fletnitzer) содержалась просьба о том, чтобы пасторы в колониях содействовали школьным учителям в написании таких обзоров истории поселений. На тот момент школьные учителя в колониях находились в непосредственном подчинении у пастора. Поэтому Флетницер, обращаясь в письме от 10 марта 1848 г. к пасторам своего округа, требовал, чтобы они «бдительно проследили» за учителями и перед отправкой отчетов «подвергли их тщательной цензуре» и «исправлениям в благожелательном духе» [5, S. IX].

Вероятно, с подобной просьбой Е. Ф. Ган обратился и к Эмилю Киберу (Kyber), пастору колонии Цюрихталь (в 1831–1858 гг.) и пробсту второго округа евангелическо-лютеранских церквей Южного края России (в 1847–1873 гг.).

Пастор Кибер не стал ждать, пока школьный учитель и староста подготовят обзор истории колонии, и отослал в адрес Попечительного комитета обзор от своего имени, датированный 7 февраля 1848 г. [5, S. 42–45], который вскоре с небольшими изменениями был напечатан в мартовском номере «Unterhaltungsblatt für deutsche Ansiedler im Südlichen Rußland» («Занимательный листок для немецких поселенцев Южного края России») [6]. Инициатором основания такой газеты был Попечительный комитет об иностранных поселенцах Южного края России. Газета, выходившая на немецком языке, поступала в сельское правление каждой колонии. М. Вольтнер предполагает, что предписание Е. Ф. Гана сельским правлениям предоставить обзоры истории своих колоний, было обусловлено сбором материалов для дальнейшей публикации в газете [5, S. XI]. Подтверждением такого предположения может служить то, что уже в начале 1848 г. в газете были опубликованы обзоры истории Либентальского колонистского округа, колонии Грослибенталь и колонии Цюрихталь. Еще несколько обзоров истории разных немецких колоний были напечатаны в газете в последующие годы.

В сборнике М. Вольтнер к тексту о колонии Цюрихталь пастора Кибера дается следующее примечание: «Перепечатка из газеты “Unterhaltungsblatt für deutsche Ansiedler im Südlichen Rußland” (3-й год издания, № 3, март 1848 г.) с вставкой наиболее существенных из опущенных мест, которые содержит дословная копия документа из бывшего архива “Попечительного комитета об иностранных поселенцах Южного края России”, сделанная Я. Штахом и находящаяся в собрании Георга Лейббрандта» [5, S. 42].

Расхождение рукописного и печатного текстов обзора Кибера объясняется тем, что поступающие в редакцию газеты материалы подвергались цензурной и стилистической правке редактором; в 1847–1855 гг. им был Иоганн Генрих Зондереггер (Sonderegger).

Однако предоставленный Кибером текст примечателен тем, что он практически идентичен (изменения и дополнения самые незначительные) его же письму «Евангелическая община колонии Цюрихталь в Крыму», опубликованному семью годами ранее в «Сообщениях и известиях для евангелического духовенства России» [4]. Более того – исходным текстом является письмо Кибера цюрихскому теологу Георгу Гесснеру (Gessner), написанное в 1839 г. [7]. Гесснер в 1820-х гг. активно способствовал снабжению колонии душепасительными книгами и отправке в Цюрихталь первого постоянного пастора – Генриха Дитриха (Dietrich), уроженца кантона Цюрих и выпускника Базельского миссионерского общества (проповедовал в Цюрихтале с 1822 по 1827 гг.). Выпускником Базельского миссионерского общества был и второй пастор в Цюрихтале – Христиан Фридрих Килиус (Kylius) (в 1828–1831 гг.). Очевидно, что в Швейцарии проявляли интерес к своим соотечественникам, переселившимся в Крым. Такой «швейцарский контекст» многое объясняет в содержании текста Кибера.

Повествование Кибера строится по следующему плану. Сначала описывается путь, который проделали переселенцы из Швейцарии в Крым, и основание колонии Цюрихталь на землях, купленных казной. Затем следует характеристика местоположения поселения и его текущего состояния. Потом говорится, что благополучные условия жизни современных жителей были достигнуты тяжелым трудом и лишениями первых колонистов. При этом истинный рассвет колонии наступил лишь с возрождением духовной жизни, связанным с постройкой церкви и появлением постоянного пастора.

Ознакомившись с публикацией обзора истории Кибера в газете для иностранных поселенцев, сельское правление Цюрихталя в лице старосты Антона Нусса (Nuß) и заседателя Рудольфа Дубса (Dubs) с помощью школьного учителя Бернгарда Фридриха Пфейффера (Pfeiffer) подготовило свой вариант истории колонии, в котором «посчитало необходимым восполнить некоторые имеющиеся пробелы». Данный обзор датирован 20 марта 1848 г. [5, S. 45–49].

Обзор сельского правления, написанный как дополнение, не имеет стройного повествования. В нем благодаря конкретизации и уточнению отдельных мест из текста Кибера расширяется событийное

и фактологическое наполнение истории колонии. Кроме того, в обзоре всячески выражается благодарность российским властям за поддержку на разных этапах развития колонии.

Оба эти источника, взятые вместе, позволяют не только установить хронологическую канву истории колонии с момента ее основания и до 1848 г., но и проследить, какие имена, события и факты оказались закрепленными в памяти поколений. Кратко историю первого периода существования колонии Цюрихталь можно представить следующим образом.

Осенью 1803 г. около 40 семей, общей численностью 200 человек, завербованных майором Гансом Каспаром Эшером (Escher) для переселения в Крым, собрались в г. Констанце на Баденском озере. Их маршрут пролегал через Месбург в Ульм, затем по Дунаю до Вены и Пресбурга (ныне Братислава) с последующей зимовкой в Розенберге (ныне г. Ружомберок в Словакии), где от болезней и тягот пути скончалось свыше 30 переселенцев. Однако первоначальная партия пополнилась новыми семьями из числа желающих переселиться и весной 1804 г. продолжила свой путь, прибыв в Крым в начале осени. На зимовку переселенцы разместились в поместье Карагоз, принадлежавшем генералу Антону Осиповичу Шицу (Schütz). В том же 1804 г. казна приобрела для них земли на месте бывшей татарской деревни Джейлав, куда по окончании межевания земель, на Пасху 1805 г., переселились 49 семейств. Еще три семьи обосновались в Феодосии, семь семей – в колонии Фриденталь, а несколько холостых ремесленников уехали в центральные области России или отправились за границу.

На новом месте, которое в память о родных долинах было названо Цюрихталем (т. е. буквально «Цюрихская долина»), переселенцев ждали всего 25 брошенных татарских домов. Помимо плохих условий для проживания, колонисты столкнулись и с другими проблемами, такими как – трудности в языковой коммуникации, непростые отношения с местным татарским населением, неумение вести сельское хозяйство и различные заболевания как следствие местного климата и заболоченной местности.

Первый год власти выплачивали колонистам ежедневно «кормовые деньги» в размере 10 коп. ассигн. на взрослого и 5 коп. ассигн. на ребенка. Кроме того, каждому домохозяйству было выделено 395 руб. ассигн. на покупку скота, сельскохозяйственных орудий и строительство домов.

По прошествии трех лет лишь немногие из колонистов обзавелись собственными домами и занялись обработкой земли. Так что чиновникам из Конторы опекунов новороссийских иностранных поселенцев пришлось сначала увещеваниями, а потом и умеренными наказаниями заставлять колонистов трудиться. Одним из тех чиновников, который заботился об улучшении положения колонистов и о ком спустя годы колонисты с благодарностью вспоминали, был Самуил Христианович Контениус (Contentius), главный судья Конторы опекунов.

Смертность в колонии была высокой. В первое десятилетие умерло около половины всех переселенцев. Лишь одной весной 1812 г. в результате сильной «горячки» скончалось почти 40 взрослых колонистов.

Малая численность населения, невозможность обрабатывать все свои земли и падёж скота, дважды за один год поразивший колонию, стали причиной того, что колонисты в 1810 г. приняли решение передать несколько выморочных домов колонистам из других колоний и принять 25 семей новых переселенцев, остановившихся в 1809 г. на зимовку в Екатеринославе и в колонии Молочной. Большая часть этих переселенцев была католиками. Так как история колонии писалась явно с точки зрения евангелическо-лютеранского большинства, много лет спустя признавшего допуск католиков «непоправимой ошибкой», то о жизни католической части общины колонии (а это около одной трети всего населения) известно крайне мало.

Естественно, что на первом этапе существования колонии, когда немецкоязычные колонисты адаптировались к жизни на новом месте, занимались тяжелой работой по освоению земель, сталкивались с различными природными катастрофами, неоднократным падежом скота и многочисленными болезнями, уносящими близких людей, как никогда была сильна потребность в духовной поддержке. На протяжении многих лет для исполнения духовных треб в Цюрихталь раз в год приезжал Карл Биллер (Biller), лютеранский пастор колонии Йозефсталь близ Екатеринослава (ныне Днепропетровск). В 1820 г. в центре поселения была сооружена небольшая церковь, на освящение которой приехал Карл-Август Бёттигер (Böttiger), суперинтендент Одесской евангелическо-лютеранской консистории. В 1822 г. из Швейцарии был прислан первый постоянный пастор – Генрих Дитрих, подававший пример христианской жизни и неустанно боровшийся с проявлениями нравственной порчи среди колонистов. Вскоре рядом с церковью возвели дом для пастора и просторную школу. После смерти Дитриха в Цюрихталь был прислан пастор Фридрих Килиус, окормлявший общину в 1828–1831 гг., а затем переведенный в соседний Нейзацский приход. На смену ему в августе 1831 г. был прислан пастор Эмиль Кибер, занимавший этот пост последующие 27 лет.

К концу 1820-х гг. колонисты уже прочно стояли на ногах. Они добились хороших результатов при возделывании пшеницы и при разведении скота, менее развиты были виноградарство и садоводство. Ни нашествие саранчи в 1822–1825 гг., ни неурожай в 1833 и 1834 гг. не могли уже губительным образом сказаться на благосостоянии колонистов.

В 1830-х гг. колонисты начинают испытывать нехватку земли и сначала арендуют, а после покупают прилегающее к колонии поместье графа Каховского площадью 1300 десятин, получив для этого от казны заем сроком на десять лет. Затем, выплатив заем и причитавшиеся проценты, колонисты уже из собственных средств покупают еще 1500 десятин земли.

К началу 1840-х гг. в Цюрихтале насчитывалось 78 домохозяйств, на каждое из которых приходилось около 40 десятин земли. Общее число колонистов евангелическо-лютеранской веры составляло около 400 человек. Это было уже полностью благоустроенное поселение, внешний вид которого напоминал небольшой городок. Оно состояло из одной широкой улицы протяженностью около версты. По обе стороны улицы располагались добротные дома под черепичной крышей с просторными дворами и хозяйственными постройками. Дома были отгорожены от улицы каменной стеной и саженьями деревьев. Поселение распалось на две части – верхнюю и нижнюю – с центром, образуемым церковью, домом пастора и школой. В каждой части поселения имелся фонтан с чистой водой. На протекающей рядом с колонией речке Индол работала мельница с двумя поставами; вдоль речки были разбиты сады и находились луга (хотя иногда случавшиеся паводки, как это было, например, 20 июня 1847 г., причиняли значительный ущерб хозяйствам). Заболоченная территория была осушена, а на ее месте был разбит сад. Со всех сторон колонию окружали посадки молодых деревьев – вязов и тополей. Ландшафт местности и географическое положение Цюрихтала вблизи таких относительно крупных городов, как Феодосия и Карасубазар, также благоприятно сказывались на экономическом развитии колонии.

В заключение еще раз отметим, что оба рассмотренных источника в совокупности дают целостную канву исторического развития Цюрихтала в первый период его существования. Конечно, необходимо помнить о том, что они рассматривают историю колонии с точки зрения евангелическо-лютеранского большинства ее населения. Особенности духовного уклада колонистов-католиков и взаимоотношения католиков и протестантов в повседневной жизни требуют дополнительного исследования.

Целесообразным представляется ввод в научный оборот обоих источников, фактически неизвестных в отечественной исторической науке. С этой целью в настоящее время готовится их перевод с немецкого языка на русский, который будет сопровожден подробным историко-филологическим комментарием.

Список литературы

1. Лаптев, Ю. Н. Швейцарцы в Крыму: колония Цюрихталь / Ю. Н. Лаптев // Судьбы швейцарских колоний в Северном Причерноморье и в Крыму (XIX – начало XX века) : сборник статей / под науч. ред. Е. Симонато и И. Ивановой. – СПб. : СВЕТ, 2019. – С. 65–88.
2. Рюче, Н. А. Швейцарские колонисты в Крыму: Колония Цюрихталь / Н. А. Рюче; пер. с нем. яз. Н. Л. Заиченко // Этнография Крыма XIX–XX вв. и современные этнокультурные процессы : материалы и исследования / отв. ред. М. А. Араджиони, Ю. Н. Лаптев. – Симферополь, 2002. – С. 109–113.
3. Поддубная, Л. Цюрихталь. История швейцарской колонии в Крыму / Л. Поддубная. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2020. – 192 с.
4. Die evangelische Gemeinde der Kolonie Zürichthal in der Krimm (Nach einem Briefe des Herrn Pastors Kyber zu Zürichthal) // Mittheilungen und Nachrichten für die evangelische Geistlichkeit Rußlands. 3. Bd. 1. Heft. – Dorpat : Gedruckt in der Universitäts-Buchdruckerei bei J. C. Schünmann's Wittwe, 1841. – S. 291–294.
5. Die Gemeindeberichte von 1848 der deutschen Siedlungen am Schwarzen Meer / Bearb. v. M. Woltner. – Leipzig : S. Hirzel, 1941. – XVIII, 230 с.
6. Die Kolonie Zürichthal [von Probst E. Kyber] // Unterhaltungsblatt für deutsche Ansiedler im südlichen Rußland. – 1848. – № 3. – S. 17–19.
7. [Kyber E. Ein Brief an G. Gessner aus dem Jahre 1839] // XI. Neujahrsblatt zum Besten des Waisenhauses in Zürich auf das 1848, herausgegeben von der Gelehrten Gesellschaft. – [Zürich, 1848]. – S. 11–13.
8. Zirkular-Aufforderung [vom Wirklichen Staatsrat E. v. Hahn, den 8. Januar 1848] // Die deutschen Kolonien in Cherson und Bessarabien: Berichte der Gemeindeämter über Entstehung und Entwicklung der

lutherischen Kolonien in der ersten Hälfte des neunzehnten Jahrhunderts / Hrsg. v. G. Leibbrandt. – Stuttgart, 1926. – S. 7–9.

Статья поступила в редакцию 4.02.2025

Lobkov, A. E., Pokryshchuk, S. A. Main Historical Sources on the First Period of German-Speaking Colony of Zürichthal

This article explores the origins of two historical reviews of the German-speaking colony of Zürichthal written in 1848 at the request of the Welfare Committee on foreign settlers of the Southern Territory of Russia. One of the reviews was written by Pastor E. Kyber, while the other was composed by the village government of Zürichthal. There are two early variants of the review written by the pastor in 1839 and 1841 which are similar in content to the later version. The village government's review was created as a supplement to the pastor's text. Both sources provide a coherent outline of the first period of Zürichthal's historical development. The authors provide a summary of the reviews with the emphasis on names, dates, numbers and events significant for the history of the colony.

Keywords: historical source, German colonies. Crimea, Emil Kyber, Zürichthal, Zolotoe Pole.

УДК [378.1:001.895]:378.4(470)СевГУ

Предлагаемая статья посвящена анализу ситуационного положения Института общественных наук и международных отношений ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет» и перспектив его развития. Актуальность исследования обусловлена комплексом факторов, включающих глобальные вызовы современности, цифровую трансформацию образования, растущий спрос на специалистов и важную роль образовательных институтов в международном сотрудничестве. Эти факторы определяют необходимость постоянного совершенствования образовательной и инновационной деятельности в данной сфере.

Ключевые слова: Институт общественных наук и международных отношений, концепция развития, образовательная деятельность, инновационная деятельность, Севастополь.

Д. Б. Татарков, доцент, канд. ист. наук

Севастопольского государственного университета

E-mail: DMTatarkov@sevsu.ru

М. Г. Большакова, доцент, канд. пед. наук

Севастопольского государственного университета

E-mail: MGBolshakova@sevsu.ru

О РАЗВИТИИ ИНСТИТУТА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ И ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Концепция развития Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета разработана в соответствии с положениями Федерального закона Российской Федерации от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [6], Государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2019-2025 годы (Постановление Правительства РФ от 26.12.2017 г. с изменениями и дополнениями от 29.03.2019 г.) [1], Национального проекта «Образование», 2019-2024 (Паспорт проекта утвержден 24.12.2018 г.) [3], Национального проекта «Наука», 2019-2024 (Паспорт проекта утвержден 03.09.2018 г.) [2], Программы развития федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Севастопольский государственный университет» на 2016-2025 годы, (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 19.12.2015 № 2627-р) [5], Программа развития университета на 2021–2030 годы в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет- 2030» (Программа развития университета рассмотрена на заседании Комиссии (подкомиссии) Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по проведению отбора образовательных организаций высшего образования в целях участия в программе стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» 12.09.2021) [4].

Анализ конкурентных преимуществ, недостатков, возможностей, угроз. Среди ключевых вызовов, стоящих перед социально-гуманитарным кластером университета, можно выделить следующие:

1) превращение регионов Причерноморья и Средиземноморья в зону военно-политической нестабильности, резкое возрастание конфликтного потенциала на границах Российской Федерации, политика ограничений, санкций и изоляции осложняет усилия по выстраиванию сетевой кооперации с ведущими зарубежными научными центрами и университетами, однако придает особую важность усилению российского присутствия в гуманитарном пространстве этих регионов через научную дипломатию и общественный диалог;

2) рост угроз государственности и необходимость обеспечения национальной безопасности России как на глобальном, так и на региональном уровне требует поиска новых подходов в патриотическом воспитании не только молодежи, но и всех слоев общества, формирования гражданской позиции студенчества и профессорско-преподавательского состава, переосмысления роли курса «История» в общегуманитарной подготовке;

3) ограничения российских университетов и исследовательских центров в доступе к передовым высокотехнологичным разработкам, ставит вопрос об ускоренном импортозамещении в сфере применения высоких технологий (искусственный интеллект, сбор и обработка больших данных) в социально-гуманитарных исследованиях.

Проведенный *SWOT-анализ ситуационного положения Института общественных наук и международных отношений* позволил выявить следующие основные преимущества в его развитии:

- 1) наличие большого количества бюджетных мест по основным направлениям подготовки;
- 2) самый высокий проходной балл в университете;
- 3) узнаваемость бренда языкового образования;
- 4) современная материальная учебная и исследовательская база;
- 5) конкурентная на мировом уровне исследовательская база по направлению морская археология;
- 6) комфортные и безопасные условия в учебных, исследовательских и административных помещениях;
- 7) способность преподавательского состава к проектировать и реализовывать современные модели преподавания;
- 8) наличие собственных научных и студенческих конференций;
- 9) широкий спектр направлений подготовки;
- 10) наличие связей с ведущими отечественными и зарубежными исследовательскими центрами, общественными организациями, министерствами, промышленными партнерами, в том числе через систему базовых кафедр в институтах РАН;
- 11) активный студенческий совет, широкий спектр студенческих сообществ, лучшее СНО в университете;
- 12) присутствие экспертов института в гуманитарной повестке федерального и регионального уровня.

При большом количестве преимуществ, которые являются заделом для планомерного роста и развития, необходимо отметить недостатки, а именно:

- 1) отсутствие бюджетных мест по ряду направлений подготовки (востоковедение и африканистика, теология, культурология);
- 2) недостаточное количество программ дополнительного профессионального образования по направлениям, реализуемым в институте;
- 3) не слишком широкий спектр иностранных языков, предлагаемых к изучению обучающимся по программам бакалавриата и магистратуры, в частности языков восточной группы;
- 4) отсутствие специалистов по ряду важнейших направлений: античная история, полевая археология, турецкий язык, цифровые технологии в гуманитарных исследованиях и т.д.;
- 5) отсутствие своего научного журнала, входящего в перечень ВАК;
- 6) слабая интеграция в научную повестку мирового уровня;
- 7) недостаточное развитие аспирантской школы;
- 8) отсутствие диссертационных советов;
- 9) отсутствие эффективной модели взаимодействия с академическими институтами;
- 10) снижение численности иностранных студентов;
- 11) отсутствие выраженной стратегии продвижения института;
- 12) низкая степень участия студентов в научной жизни университета;
- 13) слабая помощь в трудоустройстве студентов;
- 14) недостаточное развитие целевой подготовки, ограниченное количество крупных промышленных партнеров – потенциальных заказчиков целевого обучения;
- 15) слабое использование информационных поводов для обеспечения привлечения абитуриентов.

Гипотеза заключается в том, что планомерное развитие и рост Института будет возможен при обеспечении следующих условий:

1. Практическая подготовка студентов осуществляется в ходе международных экспедиций в центрах историко-культурного наследия всемирного значения.

2. В подготовке археологов, историков, специалистов музейного дела учитываются историко-культурные особенности развития Севастополя и Крыма.

3. Образовательная и научная повестки по ряду направлений (теология, музейное дело, политология) интегрированы в федеральные проекты по ускоренному социально-экономическому развитию города Севастополь и Республики Крым.

4. Расширяются международные связи за счет осуществления научных исследований в регионах с особыми геополитическими условиями.

5. Осуществляется кооперация с иностранными партнерами, прежде всего в реализации магистерских программ.

6. Преподавание по ряду ООП осуществляется на иностранном языке.

7. Дефицита компетенций компенсирован за счет сетевой кооперации с профильными институтами РАН.

При этом развитие института может быть замедлено в связи с возникающими внешними угрозами, такими как: переманивание абитуриентов конкурентами за счет предложения более выгодных условий (низкие цены, увеличение бюджетных мест), высокий процент потери контингента в результате несовпадения ожиданий от наполнения программ с реальным их содержанием, снижение уровня преподавания по ряду направлений подготовки (политология, теология, музейное дело), недопуск со стороны конкурентов на рынок охранных (спасательных) археологических работ, сужение базы и уменьшение возможностей для реализации программ международной и внутрироссийской академической мобильности и т.д.

Таким образом, учитывая вышесказанное, можно сделать вывод, что потенциал института при определенной корректировке в полной мере способен обеспечить планомерное, эволюционное развитие, однако его явно недостаточно для осуществления опережающего, скачкообразного выхода на уровень международной конкурентоспособности исследований и разработок. Формирование образовательных программ и научной повестки кафедр зачастую происходит под влиянием располагаемого кадрового потенциала, а не по принципу актуальности и необходимости, что приводит к снижению качества образования и наукометрических показателей. Неразвитая в достаточной мере система генерации и управления инновациями и недостаточно развитая система проектного управления, порождает разрывы между скоростью инициирования изменений на уровне управленческой команды института и способностью их реализации со стороны структурных подразделений.

Проведенный анализ ситуационного положения института и возможностей его развития позволил сформулировать стратегическую цель: достижение к 2030 году лидерства среди российских и зарубежных научно-образовательных организаций, специализирующихся на изучении макрорегиона Причерноморье и Средиземноморье вследствие увеличения не менее чем в 5 раз объема образовательной, научной и инновационной деятельности.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Внедрить прогрессивную образовательную модель, обеспечивающую формирование человеческого капитала для решения приоритетных задач социально-гуманитарного и культурного развития г. Севастополь, Республики Крым и Российской Федерации.

2. Сформировать ряд уникальных научных и научно-технических компетенций уровня глобальной конкурентоспособности в сфере изучения и сохранения историко-культурного наследия и оперативного регионоведения.

3. Сформировать устойчивую сеть партнерств с ведущими российскими и зарубежными исследовательскими центрами для достижения научных результатов мирового значения в области социально-гуманитарных исследований макрорегиона Причерноморье и Средиземноморье.

Целевая модель института

К 2030 году Институт общественных наук и международных отношений должен стать стратегической академической единицей, обеспечивающей усиление гуманитарного влияния России в макрорегионе Причерноморье и Средиземноморье и выполняющей функцию инновационного драйвера социально-гуманитарного и гражданско-патриотического развития г. Севастополя, Республики Крым и Российской Федерации.

Развитие образовательной деятельности. Образовательная деятельность института направлена на удовлетворение потребности общества в специалистах социально-гуманитарного профиля, способных обеспечить воспроизводство и эффективную трансляцию гуманитарного знания от одного поколения к другому в условиях цифровой трансформации и актуальных геополитических вызовов.

В качестве фундаментальной основы образовательной деятельности принята классическая модель гуманитарного образования, базирующаяся на работе с текстами и групповой коммуникации. При этом внутри направлений подготовки достигается большая степень интеграции образовательных программ путем формирования междисциплинарного ядра (языки, история, общественные науки) и значительного объема курсов по выбору внутри и за пределами конкретного направления подготовки.

Особенностью образовательной деятельности института является гарантированное формирование у обучающихся:

1) широкого гуманитарного знания, с акцентом на отечественные ценностные ориентиры в нравственном измерении;

2) необходимого уровня языковых компетенций (владение английским языком на уровне не ниже B2, владение вторым иностранным языком: турецкий, арабский, французский, сербский, итальянский, иврит, греческий, украинский, на уровне не менее B1+);

3) компетенций цифровой гуманитаристики, в том числе умение формализовывать различные виды данных и анализировать их по тем или иным параметрам с помощью различных компьютерных программ.

Подготовка выпускников для работы в национальной и международной системе воспроизводства политической и социокультурной деятельности осуществляется на базе профессиональных школ. Под профессиональной школой понимается совокупность основных образовательных программ (бакалавриат и специалитет) и программ дополнительного профессионального образования, нацеленных на подготовку кадров для определенных сегментов рынка труда, объединенных общностью подходов и традициями преподавания профильных дисциплин. В институте принята следующая характеристика профессиональной школы:

1) количество обучающихся на всех программах, уровнях и формах обучения составляет не менее 500 человек, из которых 50% проходят обучение на внебюджетной основе;

2) средний балл ЕГЭ абитуриентов, поступивших на обучение на бюджетные места составляет не менее 68 баллов;

3) доля поступивших на обучение из других регионов России составляет не менее 50 %;

4) объем средств от реализации программ дополнительного профессионального образования в год составляет не менее 1 000 000, 00 руб.;

5) доля трудоустроенных по специальности выпускников составляет не менее 80%, при этом премия за высшее образование составляет не менее 100%.

Основные цели институциональной трансформации образовательной деятельности.

1. К 2030 году обеспечить двукратный рост контингента обучаемых по основным образовательным программам.

2. К 2030 году обеспечить четырехкратный рост контингента обучаемых по основным образовательным программам магистратуры и аспирантуры.

3. К 2030 году обеспечить десятикратный рост объемов реализации программ повышения квалификации и дополнительного профессионального обучения.

Основные задачи институциональной трансформации образовательной деятельности.

1. Внедрить образовательную модель, обеспечивающую реализацию индивидуальных образовательных траекторий.

2. Внедрить образовательную модель, обеспечивающую реализацию интегрированной программы магистратура-аспирантура.

3. Сформировать следующие профессиональные школы: «Лингвистическая школа», «Филологическая школа», «Гуманитарная школа».

4. Внедрить систему, обеспечивающую участие не менее 5% обучаемых в программах внутрироссийской и международной академической мобильности.

Основные мероприятия, обеспечивающие институциональную трансформацию образовательной деятельности.

1. Разработка, апробация и внедрение сквозного компетентного модуля «Цифровые технологии в гуманитаристике».

2. Модернизация курса «История» для не исторических специальностей.

3. Формирование Учебно-методического совета Института общественных наук и международных отношений.

4. Формирование кафедры «Восточные общества и культуры».

Инновационное развитие территории и третья миссия университета. В современных условиях третья миссия университета приобретает значительную роль для укрепления государственности и обеспечения национальной безопасности России как на глобальном, так и на региональном уровне. В институте основные усилия в этой сфере деятельности направлены на:

1) организацию и проведение образовательно-воспитательных мероприятий, направленных на формирование активной жизненной позиции, нравственное и патриотическое воспитание молодежи;

2) участие в реализации социально значимых для региона и города мероприятий;

- 3) взаимодействие с общественными организациями региона при реализации социально значимых проектов;
- 4) расширение участия представителей университетов в деятельности профессиональных организаций, объединений и ассоциаций региона;
- 5) мониторинг состояния дел в социальной и экологической сфере, подготовка аналитических обзоров и оценка рисков в части социально-экономического развития;
- 6) мониторинг общественно-политического климата региона;
- 7) участие в общественных советах при органах власти и управления различных уровней;
- 8) подготовку и переподготовку кадров для органов государственной власти региона, органов местного самоуправления, общественных организаций, политических партий.
- 9) подготовку и переподготовку кадров для средств массовой информации, неформальных медиа.

Основные задачи институциональной трансформации в области инновационного развития территории и третьей миссии университета.

Обеспечить открытость для городского сообщества, созданных на базе института дискуссионных площадок, экспертных и тематических клубов, волонтерских объединений.

Обеспечить систематическое присутствие в гуманитарном пространстве города Севастополь и Республики Крым экспертов и ведущих ученых института.

Сформировать научно-технологическую компетенцию уровня региональной конкурентоспособности «Социологические исследования».

Сформировать научно-экспертную компетенцию уровня региональной конкурентоспособности «Внутренняя политика на территориях с особым геополитическим значением».

Сформировать компетенцию уровня региональной конкурентоспособности «Цифровые медиа».

Список литературы

1. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2019-2025 годы (Постановление Правительства РФ от 26.12.2017 г. с изменениями и дополнениями от 29.03.2019 г.)). – URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/3a928e13b4d292f8f71513a2c02086a3/download/1337/> (дата обращения: 2.03.2025)
2. Национальный проект «Наука», 2019-2024. – URL: <http://static.government.ru/media/files/vCAoi8zEXRVsuy2Yk7D8hvQbpbUSwO8y.pdf> (дата обращения: 2.03.2025)
3. Национальный проект «Образование», 2019-2024. – URL: https://minobrnauki.gov.ru/files/NP_Obrazovanie.htm (дата обращения: 2.03.2025)
4. Программа развития университета на 2021–2030 годы в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030». – URL: <https://www.sevsu.ru/uni/programma-razvitiya/> (дата обращения: 2.03.2025)
5. Программа развития федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Севастопольский государственный университет» на 2016-2025 годы. – URL: <http://static.government.ru/media/files/0AXcfZHM09La7NobcLnYmuY6egiNKFeR.pdf> (дата обращения: 2.03.2025)
6. Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70191362/> (дата обращения: 2.03.2025)

Статья поступила в редакцию 6.03.2025

Tatarkov, D. B., Bolshakova, M. G. Development of the Institute of Social Sciences and International Relations: Educational and Innovation Functions

This article provides the SWOT-analysis of the Institute of Social Sciences and International Relations of the Sevastopol State University and the prospects for its development. The relevance of the research is determined by the complex of factors, including the global challenges of our time, the digital transformation of education, the growing demand for specialists and the important role of educational institutions in international cooperation. These factors determine the need for continuous improvement of educational and innovative activities in this field.

Keywords: Institute of Social Sciences and International Relations, development concept, educational activity, innovation activity, Sevastopol.

ПАРАДИГМЫ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Сборник научных трудов
Выпуск №31
2025

Адрес редакции:

299053, г. Севастополь, ул. Университетская, 33

E-mail: iorbook@sevsu.ru

URL: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=58369

Отпечатано в издательстве СевГУ

РИИЦМ ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»;
299015, г. Севастополь, ул. Курчатова, д. 7

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора. Авторы опубликованных материалов несут полную ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, данных, имен собственных и прочих сведений.

Редакция не несет ответственности за нарушение авторами исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности третьих лиц. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с позицией авторов статей. При перепечатке материалов ссылка на сборник научных трудов «Парадигмы истории и общественного развития» обязательна

Учредитель и издатель

ФГАОУ «Севастопольский государственный университет» ул. Университетская, 33.
Севастополь, 299053

Свидетельство о регистрации средства массовой информации выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

№ рег. СМИ: ПИ №ФС77-64133 от 25.12.2015

Главный редактор: Максимова Елена Николаевна

Составление, верстка, оригинал-макет – *А. Ю. Кентнер*

Подписано к печати 20.03.2025. Заказ № 8 /2025 Дата выхода в свет: 29.04.2025

Тираж 30 экз. Цена: Бесплатно. Формат 60×84/8. Бумага офсетная.

Объем усл. печ. л. 5,93. Уч.-изд. л. 5,75.

Севастополь, 2025

* Философия * История *

* Политология *

